

Александр
ПУШКИН

Классика
для
школьников

Стихотворения
Поэмы
Маленькие трагедии

Рекомендовано
лучшими
учителями

Лит

Стихотворения. Поэмы. Маленькие трагедии (сборник) // АСТ, Москва, 2018
ISBN: 978-5-17-106284-2, 978-5-17-106267-5
FB2: "nys23", 2018-02-20, version 1.0
UUID: 68169b4f-166b-11e8-a5c8-0cc47a1952f2
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Александр Сергеевич Пушкин

**Стихотворения. Поэмы.
Маленькие трагедии
(сборник)**
(Классика для школьников)

Александр Сергеевич Пушкин (1799–1837) – великий поэт, драматург и прозаик. Его необъятное творческое наследие внесло неоценимый вклад в развитие мировой литературы и культуры. Однако считается, что именно в поэзии наиболее ярко отразился пушкинский гений, ценности и идеалы поэта.

Пушкина часто называют «солнцем русской поэзии»: благодаря его творчеству русская поэзия обогатилась и вышла на новый уровень. Критик Виссарион Григорьевич Белинский писал: «Пушкин был призван быть первым поэтом-художником Руси, дать ей поэзию как искусство, как художество».

В сборник вошли основные поэтические произведения Александра Пушкина, изучение которых входит в обязательную школьную программу. Это гражданская и любовная лирика, поэмы («Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан», «Медный всадник» и дру-

гие) и цикл пьес «Маленькие трагедии».

Содержание

#1	0007
Стихотворения	0008
Вольность Ода	0008
К Чаадаеву	0012
Деревня	0013
«Погасло дневное светило...»	0017
Песнь о вещем Олеге	0020
Узник	0026
Птичка	0027
Сожженое письмо	0027
«Храни меня, мой талисман...»	0029
К***	0030
Жених	0031
19 октября 1825	0039
Зимний вечер	0048
Признание	0050
И.И. Пущину	0052
Зимняя дорога	0053
«Во глубине сибирских руд...»	0054
Арион	0055
19 октября 1827	0056
«Город пышный, город бедный...»	0057
Анчар	0057
Поэт и толпа	0059
Приметы	0062

«На холмах Грузии лежит ночная мгла...»	0063
Зимнее утро	0064
«Я вас любил: любовь еще, быть может...»	0065
Мадонна	0066
Бесы	0068
Осень (Отрывок)	0070
«Не дай мне бог сойти с ума...»	0078
Туча	0079
«...Вновь я посетил...»	0080
«Отцы пустынноики и жены непорочны...»	0083
«Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»	0084
Поэмы	0087
Кавказский пленник Повесть	0087
Братья разбойники	0119
Бахчисарайский фонтан	0128
Татарская песня	0133
Цыганы	0151
Полтава	0178
Медный всадник Петербургская повесть .	0240
Маленькие трагедии	0260
Скупой рыцарь	0260
Моцарт и Сальери	0292
Каменный гость	0310
Пир во время чумы (Из вильсоновой трагедии the city of the plague)	0364

**Александр Сергеевич
Пушкин
Стихотворения. Поэмы.
Маленькие трагедии
(сборник)**

© ООО «Издательство АСТ»
* * *

Стихотворения

Вольность

Ода

*Беги, сокройся от очей,
Цитеры слабая царица!
Где ты, где ты, гроза царей,
Свободы гордая певица?
Приди, сорви с меня венок,
Разбей изнеженную лиру...
Хочу воспеть свободу миру,
На тронах поразить порок.*

*Открой мне благородный след
Того возвышенного галла,
Кому сама среди славных бед
Ты гимны смелые внушала.
Питомцы ветреной Судьбы,
Тираны мира! трепещите!
А вы, мужайтесь и внимлите,
Восстаньте, падшие рабы!
Увы! куда ни брошу взор –
Везде бичи, везде железы,
Законов гибельный позор,
Неволи немощные слезы;*

Везде неправедная власть
В сгущенной мгле предрассужде-
ний
Воссела – Рабства грозный Гений
И Славы роковая страсть.

Лишь там над царскою главою
Народов не легло страданье,
Где крепко с Вольностью святой
Законов мощных сочетанье;
Где всем простерт их твердый
щит,
Где сжатый верными руками
Граждан над равными главами
Их меч без выбора скользит

И преступленья свысока
Сражает праведным размахом;
Где неподкупна их рука
Ни алчной скупостью, ни стра-
хом.

Владыки! вам венец и трон
Дает Закон – а не природа, –
Стоите выше вы народа,
Но вечный выше вас Закон.

И горе, горе племенам,
Где дремлет он неосторожно,

Где иль народу, иль царям
Законом властвовать возможно!
Тебя в свидетели зову,
О мученик ошибок славных,
За предков в шуме бурь недавних
Сложивший царскую главу.
Восходит к смерти Людовик
В виду безмолвного потомства,
Главой развенчанной приник
К кровавой плахе Вероломства.
Молчит Закон – народ молчит,
Падет преступная секира...
И се – злодейская порфира
На галлах скованных лежит.

Самовластительный Злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостью вижу.
Читают на твоём челе
Печать проклятия народы,
Ты ужас мира, стыд природы,
Упрек ты Богу на земле.

Когда на мрачную Неву
Звезда полуночи сверкает
И беззаботную главу
Спокойный сон отягощает,

Глядит задумчивый певец
На грозно спящий средь тумана
Пустынный памятник тирана,
Забвенью брошенный дворец –
И слышит Клии страшный глас
За сими страшными стенами,
Калигулы последний час
Он видит живо пред очами,
Он видит – в лентах и звездах,
Вином и злобой упоенны,
Идут убийцы потаенны,
На лицах дерзость, в сердце
страх.

Молчит неверный часовой,
Опущен молча мост подъемный,
Врата отверсты в тьме ночной
Рукой предательства наемной...
О стыд! о ужас наших дней!
Как звери, вторглись янычары!..
Падут бесславные удары...
Погиб увенчанный злодей.

И днесь учитесь, о цари:
Ни наказанья, ни награды,
Ни кров темниц, ни алтари
Не верные для вас оградь.
Склонитесь первые главой

*Под сень надежную Закона,
И станут вечной стражей трона
Народов вольность и покой.*

1817

К Чаадаеву

*Любви, надежды, тихой славы
Недолго нежил нас обман,
Исчезли юные забавы,
Как сон, как утренний туман;
Но в нас горит еще желанье,
Под гнетом власти роковой
Нетерпеливою душой
Отчизны внемлем призыванье.
Мы ждем с томленьем упованья
Минуты вольности святой,
Как ждет любовник молодой
Минуту верного свиданья.
Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!
Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья*

Напишут наши имена!

1818

Деревня

*Приветствую тебя, пустынный
уголок,
Приют спокойствия, трудов и
вдохновенья,
Где льется дней моих невидимый
поток*

*На лоне счастья и забвенья.
Я твой: я променял порочный
двор цирцей,
Роскошные пиры, забавы, заблуж-
денья
На мирный шум дубров, на тиши-
ну полей,
На праздность вольную, подругу
размышленья.*

*Я твой – люблю сей темный сад
С его прохладой и цветами,
Сей луг, уставленный душистыми
скирдами,
Где светлые ручьи в кустарниках
шумят.*

Везде передо мной подвижные
картины:
Здесь вижу двух озер лазурные
равнины,
Где парус рыбака белеет иногда,
За ними ряд холмов и нивы поло-
саты,
Вдали рассыпанные хаты,
На влажных берегах бродящие
стада,
Овины дымные и мельницы крила-
ты;
Везде следы довольства и труда...

Я здесь, от суетных оков освобож-
денный,
Учуся в истине блаженство нахо-
дить,
Свободною душой закон боготво-
рить,
Роптанью не внимать толпы
непросвещенной,
Участьем отвечать застенчивой
мольбе
И не завидовать судьбе
Злодея иль глупца – в величии
неправом.

Оракулы веков, здесь вопрошаю
вас!

В уединенье величавом
Слышнее ваш отрадный глас.
Он гонит лени сон угрюмый,
К трудам рождает жар во мне,
И ваши творческие думы
В душевной зреют глубине.

Но мысль ужасная здесь душу
омрачает:
Среди цветущих нив и гор
Друг человечества печально заме-
чает
Везде невежества убийственный
позор.
Не видя слез, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судь-
бой,
Здесь барство дикое, без чувства,
без закона,
Присвоило себе насильственной
лозой
И труд, и собственность, и время
земледельца.
Склонясь на чуждый плуг, покор-
ствуя бичам,
Здесь рабство тощее влачится по

браздам
Неумолимого владельца.
Здесь тягостный ярем до гроба
все влекут;
Надежд и склонностей в душе пи-
тать не смея,
Здесь девы юные цветут
Для прихоти бесчувственной зло-
дея.
Опора милая стареющих отцов,
Младые сыновья, товарищи тру-
дов,
Из хижины родной идут собой
умножить
Дворовые толпы измученных ра-
бов.
О, если б голос мой умел сердца
тревожить!
Почто в груди моей горит бес-
плодный жар
И не дан мне судьбой витийства
грозный дар?
Увижу ль, о друзья, народ неугне-
тенный
И рабство, падшее по манию царя,
И над отечеством свободы про-
свещенной
Взойдет ли наконец прекрасная

заря?

1819

«Погасло дневное светило...»

*Погасло дневное светило;
На море синее вечерний пал туман.
Шумы, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан.
Я вижу берег отдаленный,
Земли полуденной волшебные края;
С волненьем и тоской туда
стремлюся я,
Воспоминаньем упоенный...
И чувствую: в очах родились слезы вновь;
Душа кипит и замирает;
Мечта знакомая вокруг меня летает;
Я вспомнил прежних лет безумную любовь,
И всё, чем я страдал, и всё, что сердцу мило,
Желаний и надежд томительный*

обман...

Шумы, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый
океан.

Лети, корабль, неси меня к преде-
лам дальным

По грозной прихоти обманчивых
морей,

Но только не к берегам печаль-
ным

Туманной родины моей,

Страны, где пламенем страстей

Впервые чувства разгорались,

Где музы нежные мне тайно улы-
бались,

Где рано в бурях отцвела

Моя потерянная младость,

Где легкокрылая мне изменила
радость

И сердце хладное страданью пре-
дала.

Искатель новых впечатлений,

Я вас бежал, отечески края;

Я вас бежал, питомцы наслажде-
ний,

Минутной младости минутные
друзья;

И вы, наперсницы порочных за-

блуждений,
Которым без любви я жертвовал
собой,
Покою, славою, свободой и ду-
шой,
И вы забыты мной, изменницы
младые,
Подруги тайные моей весны зла-
тыя,
И вы забыты мной... Но прежних
сердца ран,
Глубоких ран любви, ничто не из-
лечило...
Шумы, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый
океан...

1820

Песнь о вещем Олеге

Как ныне собирается вещей Олег
Отмстит неразумным хозарам,
Их села и нивы за буйный набег
Обрек он мечам и пожарам;
С дружиной своей, в цареградской
бронь,
Князь по полю едет на верном ко-
не.

Из темного леса навстречу ему
Идет вдохновенный кудесник,
Покорный Перуну старик одному,
Заветов грядущего вестник,
В мольбах и гаданьях прошедший
весь век.

И к мудрому старицу подъехал
Олег.

«Скажи мне, кудесник, любимец
богов,
Что сбудется в жизни со мною?
И скоро ль, на радость сосе-
дей-врагов,
Могильной засыплюсь землею?
Открой мне всю правду, не бойся
меня:

*В награду любого возьмешь ты
коня».*

*«Волхвы не боятся могучих вла-
дык,
А княжеский дар им не нужен;
Правдив и свободен их вещий язык
И с волей небесною дружен.
Грядущие годы таятся во мгле;
Но вижу твой жребий на светлом
челе.*

*Запомни же ныне ты слово мое:
Воителю слава – отрада;
Победой прославлено имя твое;
Твой щит на вратах Цареграда;
И волны и суша покорны тебе;
Завидует недруг столь дивной
судьбе.*

*И синего моря обманчивый вал
В часы роковой непогоды,
И пращ, и стрела, и лукавый кин-
жал
Щадят победителя годы...
Под грозной броней ты не ведаешь
ран;
Незримый хранитель могущему*

дан.

Твой конь не боится опасных трудов;
Он, чуя господскую волю,
То смиренный стоит под стрелами врагов,
То мчится по бранному полю,
И холод и сеча ему ничего...
Но примешь ты смерть от коня своего».

Олег усмехнулся – однако чело
И взор омрачились думой.
В молчанье, рукой опершись на седло,
С коня он слезает угрюмый;
И верного друга прощальной рукой
И гладит и треплет по шее крутой.

«Прощай, мой товарищ, мой верный слуга,
Расстаться настало нам время;
Теперь отдыхай! уж не ступит нога
В твое позлащенное стремя.

Прощай, утешайся – да помни меня.

Вы, отроки-друзи, возьмите коня,

Покройте попоной, мохнатым
ковром;

В мой луг под уздцы отведите;
Купайте, кормите отборным зерном;

Водой ключевою поите».

И отроки тотчас с конем отошли,

А князю другого коня подвели.

Пирует с дружиною вещей Олег

При звоне веселом стакана.

И кудри их белы, как утренний
снег

Над славной главою кургана...

Они поминают минувшие дни

И битвы, где вместе рубились
они...

«А где мой товарищ, – промолвил
Олег, –

Скажите, где конь мой ретивый?
Здоров ли? всё так же ль лёгок
его бег?

Всё тот же ль он бурный, игривый?»

И внемлет ответу: на холме крутом

Давно уж почил непробудным он сном.

Могучий Олег головою поник

И думает: «Что же гаданье?

Кудесник, ты лживый, безумный старик!

Презреть бы твое предсказанье!

Мой конь и доныне носил бы меня».

И хочет увидеть он кости коня.

Вот едет могучий Олег со двора,

С ним Игорь и старые гости,

И видят – на холме, у берега Днепра,

Лежат благородные кости;

Их моют дожди, засыпает их пыль,

И ветер волнует над ними ковыль.

Князь тихо на череп коня наступил

И молвил: «Спи, друг одинокий!
Твой старый хозяин тебя пере-
жил:
На тризне, уже недалекой,
Не ты под секирой ковыль обог-
ришь
И жаркою кровью мой прах напо-
ишь!»

Так вот где таилась погибель
моя!
Мне смертью кость угрожала!»
Из мертвой главы гробовая змия,
Шипя, между тем выползала;
Как черная лента, вокруг ног обви-
лась,
И вскрикнул внезапно ужаленный
князь.

Ковши круговые, запенясь, шипят
На тризне плачевной Олега;
Князь Игорь и Ольга на холме си-
дят;
Дружина пирует у берега;
Бойцы поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились
они.

УЗНИК

Сижу за решеткой в темнице сы-
рой.
Вскормленный в неволе орел мо-
лодой,
Мой грустный товарищ, махая
крылом,
Кровавую пищу клюет под окном,

Клюет, и бросает, и смотрит в
окно,
Как будто со мною задумал одно.
Зовет меня взглядом и криком
своим
И вымолвить хочет: «Давай уле-
тим!
Мы вольные птицы; пора, брат,
пора!
Туда, где за тучей белеет гора,
Туда, где синеют морские края,
Туда, где гуляем лишь ветер... да
я!..»

1822

Птичка

*В чужбине свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При светлом празднике весны.*

*Я стал доступен утешенью;
За что на бога мне роптать,
Когда хоть одному творенью
Я мог свободу даровать!*

1823

Сожженое письмо

*Прощай, письмо любви! прощай:
она велела.
Как долго медлил я! как долго не
хотела
Рука предать огню все радости
мои!..
Но полно, час настал. Гори, пись-
мо любви.
Готов я; ничему душа моя не
внемлет.
Уж пламя жадное листы твои*

приемлет...

Минуту!.. вспыхнули! пылают –
легкий дым,

Виясь, теряется с молением мо-
им.

Уж перстня верного утрата впе-
чатленье,

Растопленный сургуч кипит... О
провиденье!

Свершилось! Темные свернулись
листья;

На легком пепле их заветные чер-
ты

Белеют... Грудь моя стеснилась.

Пепел милый,

Отрада бедная в судьбе моей уны-
лой,

Останься век со мной на горест-
ной груди...

1825

«Храни меня, мой талисман...»

*Храни меня, мой талисман,
Храни меня во дни гоненья,
Во дни раскаянья, волненья:
Ты в день печали был мне дан.*

*Когда подымет океан
Вокруг меня валы ревучи,
Когда грозою грянут тучи –
Храни меня, мой талисман.*

*В уединенье чуждых стран,
На лоне скучного покоя,
В тревоге пламенного боя
Храни меня, мой талисман.*

*Священный сладостный обман,
Души волшебное светило...
Оно сокрылось, изменило...
Храни меня, мой талисман.
Пускай же ввек сердечных ран
Не растравит воспоминанье.
Прощай, надежда; спи, желанье;
Храни меня, мой талисман.*

К***

*Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.*

*В томленьях грусти безнадеж-
ной,
В тревогах шумной суеты,
Звучал мне долго голос нежный
И снились милые черты.*

*Шли годы. Бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты,
И я забыл твой голос нежный,
Твои небесные черты.*

*В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои,
Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви.*

*Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.*

*И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.*

1825

Жених

*Три дня купеческая дочь
Наташа пропадала;
Она на двор на третью ночь
Без памяти вбежала.
С вопросами отец и мать
К Наташе стали приступать.
Наташа их не слышит,
Дрожит и еле дышит.*

*Тужила мать, тужил отец,
И долго приступали,
И отступились наконец,
А тайны не узнали.
Наташа стала, как была,
Опять румяна, весела,
Опять пошла с сестрами
Сидеть за воротами.*

Раз у тесовых у ворот,

С подружками своими,
Сидела девица – и вот
Промчалась перед ними
Лихая тройка с молодцом.
Конями, крытыми ковром,
В санях он стоя правит,
И гонит всех, и давит.

Он, поровнявшись, поглядел,
Наташа поглядела,
Он вихрем мимо пролетел,
Наташа помертвела.
Стремглав домой она бежит.
«Он! он! узнала! – говорит, –
Он, точно он! держите,
Друзья мои, спасите!»

Печально слушает семья,
Качая головою;
Отец ей: «Милая моя,
Откройся предо мною.
Обидел кто тебя, скажи,
Хоть только след нам укажи».
Наташа плачет снова.
И более ни слова.

Наутро сваха к ним на двор
Нежданая приходит.

Наташу хвалит, разговор
С отцом ее заводит:
«У вас товар, у нас купец;
Собою парень молодец,
И статный, и проворный,
Не вздорный, не зазорный.
Богат, умен, ни перед кем
Не кланяется в пояс,
А как боярин между тем
Живет, не беспокоясь;
А подарит невесте вдруг
И лисью шубу, и жемчуг,
И перстни золотые,
И платья парчевые.

Катаясь, видел он вчера
Ее за воротами;
Не по рукам ли, да с двора,
Да в церковь с образами?»
Она сидит за пирогом,
Да речь ведет обиняком,
А бедная невеста
Себе не видит места.

«Согласен, – говорит отец; –
Ступай благополучно,
Моя Наташа, под венец:
Одной в светелке скучно.

Не век девицей вековать,
Не всё касатке распевать,
Пора гнездо устроить,
Чтоб детушек покоить».

Наташа к стенке уперлась
И слово молвить хочет –
Вдруг зарыдала, затряслась,
И плачет и хохочет.
В смятенье сваха к ней бежит,
Водой студеною поит
И льет остаток чаши
На голову Наташи.

Крушится, охает семья.
Опомнилась Наташа
И говорит: «Послушна я,
Святая воля ваша.
Зовите жениха на пир,
Пеките хлебы на весь мир,
На славу мед варите,
Да суд на пир зовите».

«Изволь, Наташа, ангел мой!
Готов тебе в забаву
Я жизнь отдать!» – И пир горой;
Пекут, варят на славу.
Вот гости честные нашли,

За стол невесту повели;
Поют подружки, плачут,
А вот и сани скачут.

Вот и жених – и все за стол.
Звенят, гремят стаканы,
Заздравный ковш кругом пошел;
Всё шумно, гости пьяны.

Жених

«А что же, милые друзья,
Невеста красная моя
Не пьет, не ест, не служит:
О чем невеста тужит?»

Невеста жениху в ответ:
«Откроюсь наудачу.
Душе моей покоя нет,
И день и ночь я плачу:
Недобрый сон меня крушит».
Отец ей: «Что ж твой сон гла-
сит?
Скажи нам, что такое,
Дитя мое родное?»

«Мне снилось, – говорит она, –
Зашла я в лес дремучий,
И было поздно; чуть луна

Светила из-за тучи;
С тропинки сбилась я: в глуши
Не слышно было ни души,
И сосны лишь да ели
Вершинами шумели.

И вдруг, как будто наяву,
Изба передо мною.
Я к ней, стучу – молчат. Зову –
Ответа нет; с мольбою
Дверь отворила я. Вхожу –
В избе свеча горит; гляжу –
Везде серебро да золото,
Все светло и богато».

Жених

«А чем же худ, скажи, твой сон?
Знать, жить тебе богато».

Невеста

«Постой, сударь, не кончен он.
На серебро, на золото,
На сукна, коврики, парчу,
На новгородскую камчу
Я молча любовалась
И диву дивовалась.

Вдруг слышу крик и конский топ...

Подъехали к крылечку.
Я поскорее дверью хлоп
И спряталась за печку.
Вот слышу много голосов...
Взошли двенадцать молодцов,
И с ними голубица
Красавица девица.

Взошли толпой, не поклонясь,
Икон не замечая;
За стол садятся, не молясь
И шапок не снимая.
На первом месте брат большой,
По праву руку брат меньшей,
По леву голубица
Красавица девица.
Крик, хохот, песни, шум и звон,
Разгульное похмелье...»

Жених

«А чем же худ, скажи, твой сон?
Вещает он веселье».

Невеста

«Постой, сударь, не кончен он.
Идет похмелье, гром и звон,
Пир весело бушует,
Лишь девица горюет.

Сидит, молчит, ни ест, ни пьет
И током слезы точит,
А старший брат свой нож берет,
Присвистывая точит;
Глядит на девицу-красу,
И вдруг хватает за косу,
Злодей девицу губит,
Ей праву руку рубит».

«Ну это, – говорит жених, –
Прямая небылица!
Но не тужи, твой сон не лих,
Поверь, душа-девица».
Она глядит ему в лицо.
«А это с чьей руки кольцо?» –
Вдруг молвила невеста,
И все привстали с места.
Кольцо катится и звенит,
Жених дрожит бледнея;
Смутились гости. – Суд гласит:
«Держи, вязать злодея!»
Злодей окован, обличен,
И скоро смертью казнен.
Прославилась Наташа!
И вся тут песня наша.

19 октября 1825

*Роняет лес багряный свой убор,
Сребрит мороз увянувшее поле,
Проглянет день как будто поне-
воле*

*И скроется за край окружных гор.
Пылай, камин, в моей пустынной
келье;*

*А ты, вино, осенней стужи друг,
Пролей мне в грудь отрадное по-
хмелье,
Минутное забвенье горьких мук.*

*Печален я: со мною друга нет,
С кем долгую запил бы я разлуку,
Кому бы мог пожать от сердца
руку*

*И пожелать веселых много лет.
Я пью один; вотще воображенье
Вокруг меня товарищей зовет;
Знакомое не слышно приближе-
нье,*

*И милого душа моя не ждет.
Я пью один, и на берегах Невы
Меня друзья сегодня именуют...
Но многие ль и там из вас пиру-*

ют?

Еще кого не досчитались вы?

Кто изменил пленительной привычке?

Кого от вас увлек холодный свет?

Чей глас умолк на братской переключке?

Кто не пришел? Кого меж вами нет?

Он не пришел, кудрявый наш певец,

С огнем в очах, с гитарой сладкогласной:

Под миртами Италии прекрасной

Он тихо спит, и дружеский резец
Не начертал над русской могилой

Слов несколько на языке родном,
Чтоб некогда нашел привет унылый

Сын севера, бродя в краю чужом.

Сидишь ли ты в кругу своих друзей,

Чужих небес любовник беспокойный?

Иль снова ты проходишь тропик
знойный
И вечный лед полунощных морей?
Счастливый путь!.. С лицейского
порога
Ты на корабль перешагнул шутя,
И с той поры в морях твоя доро-
га,
О, волн и бурь любимое дитя!

Ты сохранил в блуждающей судьбе
Прекрасных лет первоначальны
нравы:
Лицейский шум, лицейские забавы
Средь бурных волн мечталися те-
бе;
Ты простирал из-за моря нам ру-
ку,
Ты нас одних в молодой душе носил
И повторял: «На долгую разлуку
Нас тайный рок, быть может,
осудил!»

Друзья мои, прекрасен наш союз!
Он, как душа, неразделим и ве-
чен –
Неколебим, свободен и беспечен
Срастался он под сенью дружных

муз.
Куда бы нас ни бросила судьбина,
И счастье куда б ни повело,
Всё те же мы: нам целый мир
чужбина;
Отечество нам Царское Село.

Из края в край преследуем грозой,
Запутанный в сетях судьбы суровой,
Я с трепетом на лоно дружбы новой,
Устав, приник ласкающей главой...
С мольбой моей печальной и мятежной,
С доверчивой надеждой первых лет,
Друзьям иным душой предался нежной;
Но горек был небратский их привет.

И ныне здесь, в забытой сей глуши,
В обители пустынных вьюг и хлада,
Мне сладкая готовилась отрада:

Троих из вас, друзей моей души,
Здесь обнял я. Поэта дом опаль-
ный,
О Пущин мой, ты первый посе-
тил;
Ты усладил изгнанья день печаль-
ный,
Ты в день его лица превратил.

Ты, Горчаков, счастливец с первых
дней,
Хвала тебе – фортуны блеск хо-
лодный
Не изменил души твоей свобод-
ной:
Всё тот же ты для чести и дру-
зей.
Нам разный путь судьбой назна-
чен строгой;
Ступая в жизнь, мы быстро разо-
шлись:
Но невзначай проселочной доро-
гой
Мы встретились и братски обня-
лись.

Когда постиг меня судьбины гнев,
Для всех чужой, как сирота без-

домный,
Под бурею главою поник я томной
И ждал тебя, вещун пермесских
дев,
И ты пришел, сын лени вдохновен-
ный,
О Дельвиг мой: твой голос пробудил
Сердечный жар, так долго усып-
ленный,
И бодро я судьбу благословил.

С младенчества дух песен в нас го-
рел,
И дивное волненье мы познали;
С младенчества две музы к нам
летали,
И сладок был их лаской наш удел:
Но я любил уже рукоплесканья,
Ты, гордый, пел для муз и для ду-
ши;
Свой дар, как жизнь, я тратил без
вниманья,
Ты гений свой воспитывал в ти-
ши.
Служенье муз не терпит суеты;
Прекрасное должно быть велича-
во:

Но юность нам советуем лукаво,
И шумные нас радуют мечты...
Опомнимся – но поздно! и уныло
Глядим назад, следов не видя
там.

Скажи, Вильгельм, не то ль и с
нами
было,
Мой брат родной по музе, по судь-
бам?

Пора, пора! душевных наших мук
Не стоит мир; оставим заблуж-
денья!

Сокроем жизнь под сень уедине-
нья!

Я жду тебя, мой запоздалый
друг –

Приди: огнем волшебного расска-
за

Сердечные преданья оживи;
Поговорим о бурных днях Кавказа,
О Шиллере, о славе, о любви.

Пора и мне... пируйте, о друзья!
Предчувствую отрадное свиданье;
Запомните ж поэта предсказа-
нье:

Промчится год, и с вами снова я,
Исполнится завет моих мечтаний;
Промчится год, и я явлюся к вам!
О сколько слез и сколько восклицаний,
И сколько чаш, подъятых к небесам!

И первую полней, друзья, полней!
И всю до дна в честь нашего союза!
Благослови, ликующая муза,
Благослови: да здравствует лицей!
Наставникам, хранившим
юность нашу,
Всем честию, и мертвым и живым,
К устам подъяв признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадим.

Полней, полней! и, сердцем возгоря,
Опять до дна, до капли выпивайте!
Но за кого? о други, угадайте...

Ура, наш царь! так! выпьем за ца-
ря.

Он человек! им властвует мгно-
венье.

Он раб молвы, сомнений и стра-
стей;

Простим ему неправое гоненье:

Он взял Париж, он основал лицей.

Пируйте же, пока еще мы тут!

Увы, наш круг час от часу редее;

Кто в гробе спит, кто, дальный,
сиротеет;

Судьба глядит, мы вянем; дни бе-
гут;

Невидимо склоняясь и хладея,

Мы близимся к началу своему...

Кому ж из нас под старость день
лица

Торжествовать придется одно-
му?

Несчастный друг! средь новых по-
колений

Докучный гость и лишний, и чу-
жой,

Он вспомнит нас и дни соедине-
ний,

*Закрыв глаза дрожащею рукой...
Пуускай же он с отрадой хоть печальной
Тогда сей день за чашей проведет,
Как ныне я, затворник ваш опальный,
Его провел без горя и забот.*

1825

Зимний вечер

*Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя,
То по кровле обветшалой
Вдруг соломой зашумит,
То, как путник запоздалый,
К нам в окошко застучит.*

*Наша ветхая лачужка
И печальна и темна.
Что же ты, моя старушка,
Приумолкла у окна?
Или бури завываньем
Ты, мой друг, утомлена,
Или дремлешь под жужжаньем*

Своего веретена?

Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.
Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила;
Спой мне песню, как девица
За водой поутру шла.

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя:
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя.
Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.

1825

Признание

*Я вас люблю, – хоть я бешусь,
Хоть это труд и стыд напрасный,
И в этой глупости несчастной
У ваших ног я признаюсь!
Мне не к лицу и не по летам...
Пора, пора мне быть умней!
Но узнаю по всем приметам
Болезнь любви в душе моей:
Без вас мне скучно, – я зеваю;
При вас мне грустно, – я терплю;
И, мочи нет, сказать желаю,
Мой ангел, как я вас люблю!
Когда я слышу из гостиной
Ваш легкий шаг, иль платья шум,
Иль голос девственный, невинный,
Я вдруг теряю весь свой ум.
Вы улыбнетесь, – мне отрада;
Вы отвернетесь, – мне тоска;
За день мучения – награда
Мне ваша бледная рука.
Когда за пальцами прилежно
Сидите вы, склонясь небрежно,
Глаза и кудри опустя, –
Я в умиленье, молча, нежно
Любуюсь вами, как дитя!..*

Сказать ли вам мое несчастье,
Мою ревнивую печаль,
Когда гулять, порой, в ненастье,
Вы собираетесь вдаль?
И ваши слезы в одиночку,
И речи в уголку вдвоем,
И путешествия в Опочку,
И фортепьяно вечерком?..
Алина! сжальтесь надо мною.
Не смею требовать любви.
Быть может, за грехи мои,
Мой ангел, я любви не стою!
Но притворитесь! Этот взгляд
Всё может выразить так чудно!
Ах, обмануть меня не трудно!..
Я сам обманываться рад!

1826

И.И. Пущину

Мой первый друг, мой друг бесценный!

*И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил.*

*Молю святое провиденье:
Да голос мой душе твоей
Дарует то же утешенье,
Да озарит он заточенье
Лучом лицейских ясных дней!*

1826

Зимняя дорога

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальные поляны
Льет печально свет она.

По дороге зимней, скучной
Тройка борзая бежит,
Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит.

Что-то слышится родное
В долгих песнях ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...
Ни огня, ни черной хаты...
Глушь и снег... Навстречу мне
Только версты полосаты
Попадаются одне...
Скучно, грустно... Завтра, Нина,
Завтра, к милой возвратясь,
Я забудусь у камина,
Загляжусь не наглядясь.

Звучно стрелка часовая
Мерный круг свой совершит,

*И, докучных удаляя,
Полночь нас не разлучит.*

*Грустно, Нина: путь мой скучен,
Дремля смолкнул мой ящик,
Колокольчик однозвучен,
Отуманен лунный лик.*

1826

«Во глубине сибирских руд...»

*Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.*

*Несчастью верная сестра,
Надежда в мрачном подземелье
Разбудит бодрость и веселье,
Придет желанная пора:
Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.*

*Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут – и свобода*

*Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.*

1827

Арион

*Нас было много на челне;
Иные парус напрягали,
Другие дружно упирали
В глубь мощны веслы. В тишине
На руль склонясь, наш кормщик
умный
В молчанье правил грузный челн;
А я – беспечной веры полн, –
Пловцам я пел... Вдруг лоно волн
Измял с налету вихорь шумный...
Погиб и кормщик и пловец! –
Лишь я, таинственный певец,
На берег выброшен грозою,
Я гимны прежние пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнце под скалою.*

1827

19 октября 1827

*Бог помочь вам, друзья мои,
В заботах жизни, царской служ-
бы,
И на пирах разгульной дружбы,
И в сладких таинствах любви!*

*Бог помочь вам, друзья мои,
И в бурях, и в житейском горе,
В краю чужом, в пустынном море
И в мрачных пропастях земли!*

1827

«Город пышный, город бедный...»

*Город пышный, город бедный,
Дух неволи, стройный вид,
Свод небес зелено-бледный,
Скука, холод и гранит –
Все же мне вас жаль немножко,
Потому что здесь порой
Ходит маленькая ножка,
Вьется локон золотой.*

1828

Анчар[1]

*В пустыне чахлой и скупой,
На почве, зноем раскаленной,
Анчар, как грозный часовой,
Стоит – один во всей вселенной.
Природа жаждущих степей
Его в день гнева породила,
И зелень мертвую ветвей,
И корни ядом напоила.*

*Яд каплет сквозь его кору,
К полудню растопясь от зною,
И застывает ввечеру*

Густой прозрачною смолою.

*К нему и птица не летит,
И тигр нейдет: лишь вихорь чер-
ный
На древо смерти набежит –
И мчится прочь, уже тлетвор-
ный.*

*И если туча оросит,
Блуждая, лист его дремучий,
С его ветвей, уж ядовит,
Стекает дождь в песок горячий.*

*Но человека человек
Послал к анчару властным взгля-
дом,
И тот послушно в путь потек
И к утру возвратился с ядом.
Принес он смертную смолу
Да ветвь с увядшими листьями,
И пот по бледному челу
Струился хладными ручьями;*

*Принес – и ослабел и лег
Под сводом шалаша на лыки,
И умер бедный раб у ног
Непобедимого владыки.*

*А князь тем ядом напитал
Свои послушливые стрелы
И с ними гибель разослал
К соседям в чуждые пределы.*

1828

Поэт и толпа

Procul este, profani[2].

*Поэт по лире вдохновенной
Рукой рассеянной бряцал.
Он пел – а хладный и надменный
Кругом народ непосвященный
Ему бессмысленно внимал.
И толковала чернь тупая:
«Зачем так звучно он поет?
Напрасно ухо поражая,
К какой он цели нас ведет?
О чем бренчит? чему нас учит?
Зачем сердца волнует, мучит,
Как своенравный чародей?
Как ветер, песнь его свободна,
Зато как ветер и бесплодна:
Какая польза нам от ней?»*

Молчи, бессмысленный народ,
Поденщик, раб нужды, забот!
Несносен мне твой ропот дерз-
кий,
Ты червь земли, не сын небес;
Тебе бы пользы всё – на вес
Кумир ты ценишь Бельведерский.
Ты пользы, пользы в нем не зришь.
Но мрамор сей ведь бог!.. так что
же?
Печной горшок тебе дороже:
Ты пищу в нем себе варишь.

Чернь

Нет, если ты небес избранник,
Свой дар, божественный послан-
ник,
Во благо нам употребляй:
Сердца собратьев исправляй.
Мы малодушны, мы коварны,
Бесстыдны, злы, неблагодарны;
Мы сердцем хладные скопцы,
Клеветники, рабы, глупцы;
Гнездятся клубом в нас пороки.
Ты можешь, ближнего любя,
Давать нам смелые уроки,
А мы послушаем тебя.

Поэт

Подите прочь – какое дело
Поэту мирному до вас!
В развороте каменейте смело,
Не оживит вас лиры глас!
Душе противны вы, как гробы.
Для вашей глупости и злобы
Имели вы до сей поры
Бичи, темницы, топоры; –
Довольно с вас, рабов безумных!
Во градах ваших с улиц шумных
Сметают сор, – полезный труд! –
Но, позабыв свое служенье,
Алтарь и жертвоприношенье,
Жрецы ль у вас метлу берут?
Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.

1828

Приметы

*Я ехал к вам: живые сны
За мной вились толпой игривой,
И месяц с правой стороны
Сопровождал мой бег ретивый.*

*Я ехал прочь: иные сны...
Душе влюбленной грустно было,
И месяц с левой стороны
Сопровождал меня уныло.
Мечтанью вечному в тиши
Так предаемся мы, поэты;
Так суеверные приметы
Согласны с чувствами души.*

1829

«На холмах Грузии лежит ночная мгла...»

*На холмах Грузии лежит ночная
мгла;
Шумит Арагва предо мною.
Мне грустно и легко; печаль моя
светла;
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой... Унынья мое-
го
Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце вновь горит и любит –
оттого,
Что не любить оно не может.*

Зимнее утро

*Мороз и солнце; день чудесный!
Еще ты дремлешь, друг прелест-
ный –*

*Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой взоры
Навстречу северной Авроры,
Звездою севера явись!*

*Вечор, ты помнишь, вьюга зли-
лась,
На мутном небе мгла носилась;
Луна, как бледное пятно,
Сквозь тучи мрачные желтела,
И ты печальная сидела –
А нынче... погляди в окно:*

*Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.*

*Вся комната янтарным блеском
Озарена. Веселым треском*

*Трещит затопленная печь.
Приятно думать у лежанки.
Но знаешь: не велеть ли в санки
Кобылку бурую запречь?*

*Скользя по утреннему снегу,
Друг милый, предадимся бегу
Нетерпеливого коня
И навестим поля пустые,
Леса, недавно столь густые,
И берег, милый для меня.*

1829

**«Я вас любил: любовь еще, быть
может...»**

*Я вас любил: любовь еще, быть
может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не трево-
жит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадеж-
но,
То робостью, то ревностью то-
мим;
Я вас любил так искренно, так*

нежно,
Как дай вам бог любимой быть
другим.

1829

Мадонна

*Не множеством картин старин-
ных
мастеров
Украстить я всегда желал свою
обитель,
Чтоб суеверно им дивился посе-
титель,
Внимая важному суждению зна-
токов.*

*В простом углу моем, средь мед-
ленных
трудов,
Одной картины я желал быть
вечно
зритель,
Одной: чтоб на меня с холста,
как с облаков,
Пречистая и наш божественный
спаситель –*

Она с величием, он с разумом в
очах –
Взирали, кроткие, во славе и в лу-
чах,
Одни, без ангелов, под пальмою
Сиона.

Исполнились мои желания. Тво-
реу
Тебя мне ниспослал, тебя, моя
Мадонна,
Чистейшей прелести чистейший
образец.

1830

Бесы

*Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Еду, еду в чистом поле;
Колокольчик дин-дин-дин...
Страшно, страшно поневоле
Средь неведомых равнин!*

*«Эй, пошел, ямщик!..» – «Нет мо-
чи:*

*Коням, барин, тяжело;
Вьюга мне слипает очи;
Все дороги занесло;
Хоть убей, следа не видно;
Сбились мы. Что делать нам!
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам.*

*Посмотри: вон, вон играет,
Дует, плюет на меня;
Вот – теперь в овраг толкает
Одичалого коня;
Там верстою небывалой
Он торчал передо мной;*

Там сверкнул он искрой малой
И пропал во тьме пустой».

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Сил нам нет кружиться доле;
Колокольчик вдруг умолк;
Кони стали... «Что там в по-
ле?» –
«Кто их знает? пень иль волк?»

Вьюга злится, вьюга плачет;
Кони чуткие храпят;
Вот уж он далече скачет;
Лишь глаза во мгле горят;
Кони снова понеслись;
Колокольчик дин-дин-дин...
Вижу: духи собралися
Средь белеющих равнин.

Бесконечны, безобразны,
В мутной месяца игре
Закружились бесы разны,
Будто листья в ноябре...
Сколько их! куда их гонят?
Что так жалобно поют?

*Домового ли хоронят,
Ведьму ль замуж выдают?*

*Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Мчатся бесы рой за роем
В беспредельной вышине,
Визгом жалобным и воем
Надрывая сердце мне...*

1830

Осень (Отрывок)

*Чего в мой дремлющий тогда не входит ум?
Державин*

*Октябрь уж наступил – уж роща
отряхает
Последние листы с нагих своих
ветвей;
Дохнул осенний хлад – дорога про-
мерзает.
Журча еще бежит за мельницу ру-*

чей,
Но пруд уже застыл; сосед мой
поспешает
В отъезжие поля с охотою своей,
И страждут озими от бешеной
забавы,
И будит лай собак уснувшие дуб-
равы.

Теперь моя пора: я не люблю вес-
ны;
Скучна мне оттепель; вонь,
грязь – весной
я болен;
Кровь бродит; чувства, ум тос-
кою стеснены.
Суровую зимой я более доволен,
Люблю ее снега; в присутствии
луны
Как легкий бег саней с подругой
быстр
и волен,
Когда под сободем, согрета и све-
жа,
Она вам руку жмет, пылая и дро-
жа!

Как весело, обув железом острым

ноги,
Скользнуть по зеркалу стоячих,
ровных рек!
А зимних праздников блестящие
тревоги?..
Но надо знать и честь; полгода
снег да снег,
Ведь это наконец и жителю бер-
логи,
Медведю, надоест. Нельзя же це-
лый век
Кататься нам в санях с Армида-
ми младыми
Иль киснуть у печей за стеклами
двойными.

Ох, лето красное! любил бы я те-
бя,
Когда б не зной, да пыль, да кома-
ры,
да мухи.
Ты, все душевные способности гу-
бя,
Нас мучишь; как поля, мы страж-
дем
от засухи;
Лишь как бы напоить да осве-
жить себя –

Иной в нас мысли нет, и жаль зимы
старухи,
И, проводив ее блинами и вином,
Поминки ей творим мороженым
и льдом.

Дни поздней осени бранят обыкновенно,
Но мне она мила, читатель дорогой,
Красою тихой, блистающей смиренно.
Так нелюбимое дитя в семье родной
К себе меня влечет. Сказать вам откровенно,
Из годовых времен я рад лишь ей одной,
В ней много доброго; любовник не тщеславный,
Я нечто в ней нашел мечтою своенравной.

Как это объяснить? Мне нравится она,
Как, вероятно, вам чахоточная дева

Порою нравится. На смерть
осуждена,
Бедняжка клонится без ропота,
без гнева.
Улыбка на устах увянувших вид-
на;
Могильной пропасти она не слы-
шит зева;
Играет на лице еще багровый
цвет.
Она жива еще сегодня, завтра
нет.

Унылая пора! очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная
краса –
Люблю я пышное природы увяда-
нье,
В багрец и в золото одетые леса,
В их сенях ветра шум и свежее ды-
ханье,
И мглой волнистою покрыты
небеса,
И редкий солнца луч, и первые мо-
розы,
И отдаленные седой зимы угрозы.

И с каждой осенью я расцветаю

вновь;
Здоровью моему полезен русский
холод;
К привычкам бытия вновь чув-
ствую
любовь:
Чредой слетает сон, чредой нахо-
дит голод;
Легко и радостно играет в сердце
кровь,
Желания кипят – я снова счаст-
лив, молод,
Я снова жизни полн – таков мой
организм
(Извольте мне простить ненуж-
ный
прозаизм).

Ведут ко мне коня; в раздолии от-
крытом,
Махая гривой, он всадника несет,
И звонко под его блистающим ко-
пытом
Звенит промерзлый дол и треска-
ется лед.
Но гаснет краткий день, и в ка-
мельке
забытом

Огонь опять горит – то яркий
свет лиет,
То тлеет медленно – а я пред ним
читаю
Иль думы долгие в душе моей пи-
таю.

И забываю мир – и в сладкой ти-
шине
Я сладко усыплен моим воображе-
нием,
И пробуждается поэзия во мне:
Душа стесняется лирическим
волненьем,
Трепещет и звучит, и ищет, как
во сне,
Излиться наконец свободным
проявлением –
И тут ко мне идет незримый рой
гостей,
Знакомцы давние, плоды мечты
моей.

И мысли в голове волнуются в
отваге,
И рифмы легкие навстречу им бе-
гут,
И пальцы просят к перу, перо к

*бумаге,
Минута – и стихи свободно поте-
кут.
Так дремлет недвижим корабль
в недвижимой влаге,
Но чу! – матросы вдруг кидаются,
ползут
Вверх, вниз – и паруса надулись,
ветра
полны;
Громада двинулась и рассекает
волны.*

Плывет. Куда ж нам плыть?.....

.....

.....

1833

«Не дай мне бог сойти с ума...»

*Не дай мне бог сойти с ума.
Нет, легче посох и сума;
Нет, легче труд и глад.
Не то, чтоб разумом моим
Я дорожил; не то, чтоб с ним
Расстаться был не рад:*

*Когда б оставили меня
На воле, как бы резво я
Пустился в темный лес!
Я пел бы в пламенном бреду,
Я забывался бы в чаду
Нестройных, чудных грез.*

*И я б заслушивался волн,
И я глядел бы, счастья полн,
В пустые небеса;
И силен, волен был бы я,
Как вихорь, роющий поля,
Ломающий леса.*

*Да вот беда: сойди с ума,
И страшен будешь как чума,
Как раз тебя запрут,
Посадят на цепь дурака*

*И сквозь решетку как зверка
Дразнить тебя придут.
А ночью слышать буду я
Не голос яркий соловья,
Не шум глухой дубров –
А крик товарищей моих,
Да брань зрителей ночных,
Да визг, да звон оков.*

1833

Туча

*Последняя туча рассеянной бури!
Одна ты несешься по ясной лазу-
ри,
Одна ты наводишь унылую тень,
Одна ты печалишь ликующий
день.*

*Ты небо недавно кругом облежала,
И молния грозно тебя обвивала;
И ты издавала таинственный
гром
И алчную землю поила дождем.*

*Довольно, сокройся! Пора минова-
лась,*

*Земля освежилась, и буря промчалась,
И ветер, лаская листочки деревьев,
Тебя с успокоенных гонит небес.*
1835

«...Вновь я посетил...»

*...Вновь я посетил
Тот уголок земли, где я провел
Изгнанником два года незаметных.
Уж десять лет ушло с тех пор – и
много
Переменилось в жизни для меня,
И сам, покорный общему закону,
Переменился я – но здесь опять
Минувшее меня объемлет живо,
И, кажется, вечер еще бродил
Я в этих рощах.
Вот опальный домик,
Где жил я с бедной нянею моей.
Уже старушки нет – уж за стеною
Не слышу я шагов ее тяжелых,
Ни кропотливого ее дозора.*

Вот холм лесистый, над кото-
рым часто
Я сиживал недвижим – и глядел
На озеро, вспоминая с грустью
Иные берега, иные волны...
Меж нив золотых и пажитей зеле-
ных
Оно, синяя, стелется широко;
Через его неведомые воды
Плывет рыбак и тянет за собой
Убогий невод. По берегам отлогим
Рассеяны деревни – там за ними
Скривилась мельница, насилу кры-
лья
Ворочая при ветре...
На границе
Владений дедовских, на месте
том,
Где в гору подымается дорога,
Изрытая дождями, три сосны
Стоят – одна поодаль, две другие
Друг к дружке близко, – здесь,
когда их мимо
Я проезжал верхом при свете лун-
ном,
Знакомым шумом шорох их вер-
шин
Меня приветствовал. По той до-

роге

Теперь поехал я и пред собою
Увидел их опять. Они всё те же,
Все тот же их, знакомый уху шорох –

Но около корней их устарелых
(Где некогда все было пусто, голо)
Теперь молодая роща разрослась,
Зеленая семья; кусты теснятся
Под сенью их как дети. А вдали
Стоит один угрюмый их товарищ,

Как старый холостяк, и вокруг
него

По-прежнему все пусто.

Здравствуй, племя

Младое, незнакомое! не я

Увижу твой могучий поздний возраст,

Когда перерастешь моих знакомцев

И старую главу их заслонишь

От глаз прохожего. Но пусть мой внук

Услышит ваш приветный шум,
когда,

С приятельской беседы возвращаясь,

*Веселых и приятных мыслей по-
лон,
Пройдет он мимо вас во мраке
ночи
И обо мне вспомянет.*

1835

«Отцы пустынноики и жены непорочны...»

*Отцы пустынноики и жены непо-
рочны,
Чтоб сердцем возлетать во обла-
сти заочны,
Чтоб укреплять его средь доль-
них бурь и битв,
Сложили множество божествен-
ных молитв;
Но ни одна из них меня не умиля-
ет,
Как та, которую священник по-
вторяет
Во дни печальные Великого поста;
Всех чаще мне она приходит на
уста
И падшего крепит неведомою си-
лой:*

Владыко дней моих! дух праздности
унылой,
Любоначала, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей.
Но дай мне зреть мои, о боже,
прегрешенья,
Да брат мой от меня не примет
осужденья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи.
1836

**«Я памятник себе воздвиг
нерукотворный...»**

Exegi monumentum[3]

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа,
Вознесся выше он главою непокорной
Александрийского столпа.
Нет, весь я не умру – душа в заветной лире

Мой прах переживет и тленья
убежит –
И славен буду я, доколь в подлун-
ном мире
Жив будет хоть один пиит.
Слух обо мне пройдет по всей Руси
великой,
И назовет меня всяк сущий в ней
язык,
И гордый внук славян, и финн, и
ныне дикой
Тунгус, и друг степей калмык.

И долго буду тем любезен я наро-
ду,
Что чувства добрые я лирой про-
буждал,
Что в мой жестокий век воссла-
вил я Свободу
И милость к падшим призывал.

Веленью божью, о муза, будь по-
слушна,
Обиды не страшась, не требуя
венца,
Хвалу и клевету приемли равно-
душно
И не оспоривай глупца.

Поэмы

Кавказский пленник

Повесть

Посвящение

Н. Н. Раевскому

Прими с улыбкою, мой друг,
Свободной музы приношенье:
Тебе я посвятил изгнанной лиры
пенье
И вдохновенный свой досуг.
Когда я погибал, безвинный, без-
отрадный,
И шепот клеветы внимал со всех
сторон,
Когда кинжал измены хладный,
Когда любви тяжелый сон
Меня терзали и мертвили,
Я близ тебя еще спокойство нахо-
дил;
Я сердцем отдыхал – друг друга
мы любили:
И бури надо мной свирепость уто-
мили,

Я в мирной пристани богов благо-
словил.

Во дни печальные разлуки
Мои задумчивые звуки
Напоминали мне Кавказ,
Где пасмурный Бешту[4], пустын-
ник величавый,
Аулов[5] и полей властитель пя-
тиглавый,
Был новый для меня Парнас.
Забуду ли его кремнистые верши-
ны,
Гремучие ключи, увядшие равни-
ны,
Пустыни знойные, края, где ты со-
мною
Делил души младые впечатленья;
Где рыскает в горах воинствен-
ный разбой,
И дикий гений вдохновенья
Таится в тишине глухой?
Ты здесь найдешь воспоминанья,
Быть может, милых сердцу дней,
Противуречия страстей,
Мечты знакомые, знакомые стра-
данья
И тайный глас души моей.

Мы в жизни розно шли: в объяти-
ях покоя
Едва, едва расцвел и вслед от-
ца-героя
В поля кровавые, под тучи вра-
жьих стрел,
Младенец избранный, ты гордо
полетел.
Отечество тебя ласкало с умиле-
ньем,
Как жертву милую, как верный
свет
надежд.
Я рано скорбь узнал, постигнут
был
гоненьем;
Я жертва клеветы и мстительных
невежд;
Но, сердце укрепив свободой и
терпеньем,
Я ждал беспечно лучших дней;
И счастье моих друзей
Мне было сладким утешеньем.

Часть первая

*В ауле, на своих порогах,
Черкесы праздные сидят.
Сыны Кавказа говорят*

О бранных, гибельных тревогах,
О красоте своих коней,
О наслажденьях дикой неги;
Вспоминают прежних дней
Неотразимые набеги,
Обманы хитрых узденей[6],
Удары шашек[7] их жестоких,
И меткость неизбежных стрел,
И пепел разоренных сел,
И ласки пленниц чернооких.

Текут беседы в тишине;
Луна плывет в ночном тумане;
И вдруг пред ними на коне
Черкес. Он быстро на аркане
Младого пленника влачил.
«Вот русский!» – хищник возопил.
Аул на крик его сбежался
Ожесточенною толпой;
Но пленник хладный и немой,
С обезображенной главой,
Как труп, недвижим оставался.
Лица врагов не видит он,
Угроз и криков он не слышит;
Над ним летает смертный сон
И холодом тлетворным дышит.
И долго пленник молодой
Лежал в забвении тяжелом.

Уж полдень над его головой
Пылал в сиянии веселом;
И жизни дух проснулся в нем,
Невнятный стон в устах раздал-
ся;
Согретый солнечным лучом,
Несчастный тихо приподнялся;
Кругом обводит слабый взор...
И видит: неприступных гор
Над ним воздвигнулась громада,
Гнездо разбойничьих племен,
Черкесской вольности ограда.
Вспомнил юноша свой плен,
Как сна ужасного тревоги,
И слышит: загремели вдруг
Его закованные ноги...
Все, все сказал ужасный звук;
Затмилась перед ним природа.
Прости, священная свобода!
Он раб.
За саклями[8] лежит
Он у колючего забора.
Черкесы в поле, нет надзора,
В пустом ауле все молчит.
Пред ним пустынные равнины
Лежат зеленой пеленой;
Там холмов тянутся грядой
Однообразные вершины;

Меж них уединенный путь
В дали теряется угрюмой:
И пленника молодого грудь
Тяжелой взволновалась думой...

В Россию дальный путь ведет,
В страну, где пламенную младость
Он гордо начал без забот;
Где первую познал он радость,
Где много милого любил,
Где обнял грозное страданье,
Где бурной жизнью погубил
Надежду, радость и желанье,
И лучших дней воспоминанье
В увядшем сердце заключил.

Людей и свет изведаль он
И знал неверной жизни цену.
В сердцах друзей нашел измену,
В мечтах любви безумный сон,
Наскуча жертвой быть привыч-
ной
Давно презренной суеты,
И неприязни двуязычной,
И простодушной клеветы,
Отступник света, друг природы,
Покинул он родной предел

*И в край далекий полетел
С веселым призраком свободы.*

*Свобода! он одной тебя
Еще искал в пустынном мире.
Страстями чувства истребя,
Охолодев к мечтам и к лире,
С волненьем песни он внимал,
Одушевленные тобою,
И с верой, пламенной мольбою
Твой гордый идол обнимал.*

*Свершилось... целью упованья
Не зрит он в мире ничего.
И вы, последние мечтанья,
И вы сокрылись от него.
Он раб. Склонясь головой на ка-
мень,
Он ждет, чтоб с сумрачной зарей
Погас печальной жизни пламень,
И жаждет сени гробовой.*

*Уж меркнет солнце за горами;
Вдали раздался шумный гул;
С полей народ идет в аул,
Сверкая светлыми косами.
Пришли; в домах зажглись огни,
И постепенно шум нестройный*

Умолкнул; все в ночной тени
Объято негой спокойной;
Вдали сверкает горный ключ,
Сбегая с каменной стремнины;
Оделись пеленою туч
Кавказа спящие вершины...
Но кто, в сиянии луны,
Среди глубокой тишины
Идет, украдкой ступая?
Очнулся русский. Перед ним,
С приветом нежным и немым,
Стоит черкешенка младая.
На деву молча смотрит он
И мыслит: это лживый сон,
Усталых чувств игра пустая.
Луною чуть озарена,
С улыбкой жалости отрадной
Колена преклонив, она
К его устам кумыс[9] прохладный
Подносит тихую рукой.
Но он забыл сосуд целебный;
Он ловит жадною душой
Приятной речи звук волшебный
И взоры девы молодой.
Он чуждых слов не понимает;
Но взор умильный, жар ланит,
Но голос нежный говорит:
Живи! и пленник оживает.

И он, собрав остаток сил,
Веленью милому покорный,
Привстал – и чашей благотвор-
ной
Томленье жажды утолил.
Потом на камень вновь склонил-
ся
Отягощенною главой,
Но все к черкешенке молодой
Угасший взор его стремился.
И долго, долго перед ним
Она, задумчива, сидела;
Как бы участием немым
Утешить пленника хотела;
Уста невольно каждый час
С начатой речью открывались;
Она вздыхала, и не раз
Слезами очи наполнялись.

За днями дни прошли как тень.
В горах, окованный, у стада
Проводит пленник каждый день.
Пещеры влажная прохлада
Его скрывает в летний зной;
Когда же рог луны сребристой
Блеснет за мрачною горой,
Черкешенка, тропой тенистой,
Приносит пленнику вино,

Кумыс, и ульев сот душистый,
И белоснежное пшено;
С ним тайный ужин разделяет;
На нем покоит нежный взор;
С неясной речью сливает
Очей и знаков разговор;
Поет ему и песни гор,
И песни Грузии счастливой[10]
И памяти нетерпеливой
Передает язык чужой.
Впервые девственной душой
Она любила, знала счастье,
Но русский жизни молодой
Давно утратил сладострастье,
Не мог он сердцем отвечать
Любви младенческой, открытой –
Быть может, сон любви забытой
Боялся он вспоминать.

Не вдруг увянет наша младость,
Не вдруг восторги бросят нас,
И неожиданную радость
Еще обнимем мы не раз:
Но вы, живые впечатленья,
Первоначальная любовь,
Небесный пламень упоенья,
Не прилетаете вы вновь.

Казалось, пленник безнадежный
К унылой жизни привыкал.
Тоску неволи, жар мятежный
В душе глубоко он скрывал.
Влачась меж угрюмых скал,
В час ранней, утренней прохлады,
Вперял он любопытный взор
На отдаленные громады
Седых, румяных, синих гор.
Великолепные картины!
Престолы вечные снегов,
Очам казались их вершины
Недвижной цепью облаков,
И в их кругу колосс двуглавый,
В венце блистая ледяном,
Эльбрус огромный, величавый,
Белел на небе голубом[11].
Когда, с глухим сливаясь гулом,
Предтеча бури, гром гремел,
Как часто пленник над аулом
Недвижим на горе сидел!
У ног его дымилась тучи,
В степи взвивался прах летучий;
Уже приюта между скал
Елень испуганный искал;
Орлы с утесов подымались
И в небесах перекликались;
Шум табунов, мычанье стад

Уж гласом бури заглушались...
И вдруг на долы дождь и град
Из туч сквозь молний извергались;
Волнами роя крутизны,
Сдвигая камни вековые,
Текли потоки дождевые –
А пленник, с горной вышины,
Один, за тучей громовою,
Возврата солнечного ждал,
Недосягаемый грозой,
И бури немощному вою
С какой-то радостью внимал.

Но европейца все вниманье
Народ сей чудный привлекал.
Меж горцев пленник наблюдал
Их веру, нравы, воспитанье,
Любил их жизни простоту,
Гостеприимство, жажду брани,
Движений вольных быстроту,
И легкость ног, и силу длани;
Смотрел по целым он часам,
Как иногда черкес проворный,
Широкой степью, по горам,
В косматой шапке, в бурке черной,
К луке склонясь, на стремяна

Ногою стройной опираясь,
Летал по воле скакуна,
К войне заранее приучаясь.
Он любовался красотой
Одежды бранной и простой.
Черкес оружием обвешен;
Он им гордится, им утешен;
На нем броня, пищаль, колчан,
Кубанский лук, кинжал, аркан
И шашка, вечная подруга
Его трудов, его досуга.
Ничто его не тяготит,
Ничто не брякнет; пеший, кон-
ный –
Все тот же он; все тот же вид
Непобедимый, непреклонный.
Гроза беспечных казаков,
Его богатство – конь ретивый,
Питомец горских табунов,
Товарищ верный, терпеливый.
В пещере иль в траве глухой
Коварный хищник с ним таится
И вдруг, внезапною стрелой,
Завидя путника, стремится;
В одно мгновенье верный бой
Решит удар его могучий,
И странника в ущелья гор
Уже влечет аркан летучий.

Стремится конь во весь опор,
Исполнен огненной отваги;
Все путь ему: болото, бор,
Кусты, утесы и овраги;
Кровавый след за ним бежит,
В пустыне топот раздаётся;
Седой поток пред ним шумит –
Он в глубь кипящую несётся;
И путник, брошенный ко дну,
Глохает мутную волну,
Изнемогая, смерти просит
И зрит ее перед собой...
Но мощный конь его стрелой
На берег пенистый выносит.

Иль, ухватив рогатый пень,
В реку низверженный грозою,
Когда на холмах пеленою
Лежит безлунной ночи тень,
Черкес на корни вековые,
На ветви вешает кругом
Свои доспехи боевые,
Щит, бурку, панцирь и шолом,
Колчан и лук – и в быстры волны
За ним бросается потом,
Неутомимый и безмолвный.
Глухая ночь. Река ревет;
Могучий ток его несет

Вдоль берегов уединенных,
Где на курганах возвышенных,
Склонясь на копья, казаки
Глядят на темный бег реки –
И мимо их, во мгле чернея,
Плывет оружие злодея...
О чем ты думаешь, казак?
Воспоминаешь прежни битвы,
На смертном поле свой бивак,
Полков хвалебные молитвы
И родину?.. Коварный сон!
Простите, вольные станицы,
И дом отцов, и тихий Дон,
Война и красные девицы!
К брегам причалил тайный враг,
Стрела выходит из колчана –
Взвилась – и падает казак
С окровавленного кургана.

Когда же с мирною семьей
Черкес в отеческом жилище
Сидит ненастною порой,
И тлеют угли в пепелище;
И, спрянув с верного коня,
В горах пустынных запоздалый,
К нему войдет пришлец усталый
И робко сядет у огня, –
Тогда хозяин благосклонный

С приветом, ласково, встает
И гостю в чаше благовонной
Чихирь[12] отрадный подает.
Под влажной буркой, в сакле дым-
ной,
Вкушает путник мирный сон,
И утром оставляет он
Ночлега кров гостеприимный[13].

Бывало, в светлый Баиран[14]
Сберутся юноши толпою;
Игра сменяется игрою.
То, полный разобрав колчан,
Они крылатыми стрелами
Пронзают в облаках орлов;
То с высоты крутых холмов
Нетерпеливыми рядами,
При данном знаке, вдруг падут,
Как лани, землю поражают,
Равнину пылью покрывают
И с дружным топотом бегут.

Но скучен мир однообразный
Сердцам, рожденным для войны,
И часто игры воли праздной
Игрой жестокой смущены.
Нередко шашки грозно блещут
В безумной резвости пиров,

*И в прах летят главы рабов,
И в радости младенцы плещут.*

*Но русский равнодушно зрел
Сии кровавые забавы.
Любил он прежде игры славы
И жаждой гибели горел.
Невольник чести беспощадной,
Вблизи видал он свой конец,
На поединках твердый, хладный,
Встречая гибельный свинец.
Быть может, в думу погружен-
ный,
Он время то воспоминал,
Когда, друзьями окруженный,
Он с ними шумно пировал...
Жалел ли он о днях минувших,
О днях, надежду обманувших,
Иль, любопытный, созерцал
Суровой простоты забавы
И дикого народа нравы
В сем верном зеркале читал –
Таил в молчанье он глубоком
Движенья сердца своего,
И на челе его высоком
Не изменялось ничего.
Беспечной смелости его
Черкесы грозные дивились,*

*Щадили век его молодой
И шепотом между собой
Своей добычею гордились.*

Часть вторая

*Ты их узнала, дева гор,
Восторги сердца, жизни сла-
дость;
Твой огненный, невинный взор
Высказывал любовь и радость.
Когда твой друг во тьме ночной
Тебя лобзал немым лобзаньем,
Сгорая негой и желаньем,
Ты забывала мир земной,
Ты говорила: «Пленник милый,
Развесели свой взор унылый,
Склонись главою ко мне на грудь,
Свободу, родину забудь.
Скрываться рада я в пустыне
С тобою, царь души моей!
Люби меня; никто доньше
Не целовал моих очей;
К моей постеле одинокой
Черкес молодой и черноокой
Не крался в тишине ночной;
Слыву я девою жестокой,
Неумолимой красотой.
Я знаю жребий мне готовый:*

Меня отец и брат суровый
Немилому продать хотят
В чужой аул ценою злата;
Но умолю отца и брата,
Не то – найду кинжал иль яд.
Непостижимой, чудной силой
К тебе я вся привлечена;
Люблю тебя, невольник милый,
Душа тобой упоена...»

Но он с безмолвным сожаленьем
На деву страстную взирал
И, полный тяжким размышле-
ньем,
Словам любви ее внимал.
Он забывался. В нем теснились
Воспоминанья прошлых дней,
И даже слезы из очей
Однажды градом покатались.
Лежала в сердце, как свинец,
Тоска любви без упованья.
Пред юной девой наконец
Он изливал свои страданья:

«Забудь меня: твоей любви,
Твоих восторгов я не стою.
Бесценных дней не трать со
мною;

Другого юношу зови.
Его любовь тебе заменит
Моей души печальный хлад;
Он будет верен, он оценит
Твою красу, твой милый взгляд,
И жар младенческих лобзаний,
И нежность пламенных речей;
Без упоенья, без желаний
Я вяну жертвою страстей.
Ты видишь след любви несчаст-
ной,
Душевной бури след ужасный;
Оставь меня; но пожалей
О скорбной участи моей!
Несчастный друг, зачем не
прежде
Явилась ты моим очам,
В те дни, как верил я надежде
И упоительным мечтам!
Но поздно: умер я для счастья,
Надежды призрак улетел;
Твой друг отвык от сладостра-
стья,
Для нежных чувств окаменел...

Как тяжело мертвыми устами
Живым лобзаньям отвечать
И очи, полные слезами,

Улыбкой хладною встречать!
Измучась ревностью напрасной,
Уснув бесчувственной душой,
В объятиях подруги страстной
Как тяжело мыслить о другой!..

Когда так медленно, так нежно
Ты пьешь лобзания мои,
И для тебя часы любви
Проходят быстро, безмятежно;
Снедая слезы в тишине,
Тогда рассеянный, унылый
Перед собою, как во сне,
Я вижу образ вечно милый;
Его зову, к нему стремлюсь,
Молчу, не вижу, не внимаю;
Тебе в забвенье предаюсь
И тайный призрак обнимаю.
Об нем в пустыне слезы лью;
Повсюду он со мною бродит
И мрачную тоску наводит
На душу сирую мою.

Оставь же мне мои железы,
Уединенные мечты,
Воспоминанья, грусть и слезы:
Их разделить не можешь ты.
Ты сердца слышала признанье;

Прости... дай руку – на прощанье.
Недолго женскую любовь
Печалит хладная разлука:
Пройдет любовь, настанет скука,
Красавица полюбит вновь».

Раскрыв уста, без слез рыдая,
Сидела дева молодая;
Туманный, неподвижный взор
Безмолвный выражал укор;
Бледна как тень, она дрожала:
В руках любовника лежала
Ее холодная рука;
И наконец любви тоска
В печальной речи излилася:

«Ах, русский, русский, для чего,
Не зная сердца твоего,
Тебе навек я предалась!
Не долго на груди твоей
В забвенье дева отдыхала;
Не много радостных ночей
Судьба на долю ей послала!
Придут ли вновь когда-нибудь?
Ужель навек погибла радость?..
Ты мог бы, пленник, обмануть
Мою неопытную младость,
Хотя б из жалости одной,

Молчаньем, ласкою притворной;
Я услаждала б жребий твой
Заботой нежной и покорной;
Я стерегла б минуты сна,
Покой тоскующего друга;
Ты не хотел... Но кто ж она,
Твоя прекрасная подруга?
Ты любишь, русский? ты любим?..
Понятны мне твои страданья...
Прости ж и ты мои рыданья,
Не смейся горестям моим».

Умолкла. Слезы и стенанья
Стеснили бедной девы грудь.
Уста без слов роптали пени.
Без чувств, обняв его колени,
Она едва могладохнуть.
И пленник, тихою рукою
Подняв несчастную, сказал:
«Не плачь: и я гоним судьбою,
И муки сердца испытал.
Нет, я не знал любви взаимной,
Любил один, страдал один;
И гасну я, как пламень дымный,
Забитый средь пустых долин;
Умру вдали брегов желанных;
Мне будет гробом эта степь;
Здесь на костях моих изгнанных

Заржавит тягостная цепь...»

*Светила ночи затмевались;
В дали прозрачной означались
Громады светлоснежных гор;
Главу склонив, потупя взор,
Они в безмолвии расстались.*

*Унылый пленник с этих пор
Один окрест аула бродит.
Заря на знойный небосклон
За днями новы дни возводит;
За ночью ночь вослед уходит;
Вотще свободы жаждет он.
Мелькнет ли серна меж кустами,
Проскачет ли во мгле сайгак, –
Он, вспыхнув, загремит цепями,
Он ждет, не крадется ль казак,
Ночной аулов разоритель,
Рабов отважный избавитель.
Зовет... но все кругом молчит;
Лишь волны плещутся, бушуя,
И человека зверь почуя,
В пустыню темную бежит.*

*Однажды слышит русский плен-
ный,
В горах раздался клик военный:*

*«В табун, в табун!» Бегут, шумят;
Уздечки медные гремят,
Чернеют бурки, блещут брони,
Кипят оседланные кони,
К набегу весь аул готов,
И дикие питомцы брани
Рекою хлынули с холмов
И скачут по берегам Кубани
Сбирать насильственные дани.*

*Утих аул; на солнце спят
У саклей псы сторожевые.
Младенцы смуглые, нагие
В свободной резвости шумят;
Их прадеды в кругу сидят,
Из трубок дым, вясь, синееет.
Они безмолвно юных дев
Знакомый слушают припев,
И старцев сердце молодеет.*

Черкесская песня

*«В реке бежит гремучий вал;
В горах безмолвие ночное;
Казак усталый задремал,
Склонясь на копье стальное.
Не спи, казак: во тьме ночной
Чеченец ходит за рекой.*

Казак плывет на челноке,
Влача по дну речному сети.
Казак, утонешь ты в реке,
Как тонут маленькие дети,
Купаясь жаркою порой:
Чеченец ходит за рекой.

На берегу заветных вод
Цветут богатые станицы;
Веселый пляшет хоровод.
Бегите, русские певицы,
Спешите, красные, домой:
Чеченец ходит за рекой».

Так пели девы. Сев на бреге,
Мечтает русский о побеге;
Но цепь невольника тяжка,
Быстра глубокая река...
Меж тем, померкнув, степь уснула,
Вершины скал омрачены.
По белым хижинам аула
Мелькает бледный свет луны;
Елени дремлют над водами,
Умолкнул поздний крик орлов,
И глухо вторится горами
Далекий топот табунов.

Тогда кого-то слышно стало,
Мелькнуло девы покрывало,
И вот – печальна и бледна
К нему приблизилась она.
Уста прекрасной ищут речи;
Глаза исполнены тоской,
И черной падают волной
Ее власы на грудь и плечи.
В одной руке блестит пила,
В другой кинжал ее булатный;
Казалось, будто дева шла
На тайный бой, на подвиг рат-
ный.

На пленника возведши взор,
«Беги, – сказала дева гор, –
Нигде черкес тебя не встретит.
Спеши; не трать ночных часов;
Возьми кинжал: твоих следов
Никто во мраке не заметит».

Пилу дрожащей взяв рукой,
К его ногам она склонилась:
Визжит железо под пилой,
Слеза невольная скатилась –
И цепь распалась и гремит.
«Ты волен, – дева говорит, –
Беги!» Но взгляд ее безумный

Любви порыв изобразил.
Она страдала. Ветер шумный,
Свистя, покров ее клубил.
«О друг мой! – русский возопил, –
Я твой навек, я твой до гроба.
Ужасный край оставим оба,
Беги со мной...» – «Нет, русский,
нет!
Она исчезла, жизни сладость;
Я знала все, я знала радость,
И все прошло, пропал и след.
Возможно ль? ты любил другую!..
Найди ее, люби ее;
О чем же я еще тоскую?
О чем уныние мое?..
Прости! любви благословенья
С тобою будут каждый час.
Прости – забудь мои мученья,
Дай руку мне... в последний раз».

К черкешенке простер он руки,
Воскресшим сердцем к ней летел,
И долгий поцелуй разлуки
Союз любви запечатлел.
Рука с рукой, унынья полны,
Сошли ко берегу в тишине –
И русский в шумной глубине
Уже плывет и пенит волны,

Уже противных скал достиг,
Уже хватается за них...
Вдруг волны глухо зашумели,
И слышен отдаленный стон...
На дикий берег выходит он,
Глядит назад... берега яснили
И, опененные, белели;
Но нет черкешенки молодой
Ни у берегов, ни под горой...
Все мертво... на берегах уснувших
Лишь ветра слышен легкий звук,
И при луне в водах плеснувших
Струистый исчезает круг.

Все понял он. Прощальным взором
Объемлет он в последний раз
Пустой аул с его забором,
Поля, где пленный стадо пас,
Стремнины, где влачил оковы,
Ручей, где в полдень отдыхал,
Когда в горах черкес суровый
Свободы песню запевал.

Редел на небе мрак глубокий,
Ложился день на темный дол,
Взошла заря. Тропой далекой
Освобожденный пленник шел;

*И перед ним уже в туманах
Сверкали русские штыки,
И окликались на курганах
Сторожевые казаки.*

Эпилог

*Так Муза, легкий друг Мечты,
К пределам Азии летала
И для венка себе срывала
Кавказа дикие цветы.
Ее пленял наряд суровый
Племен, возросших на войне,
И часто в сей одежде новой
Волшебница являлась мне;
Вокруг аулов опустелых
Одна бродила по скалам,
И к песням дев осиротелых
Она прислушивалась там;
Любила бранные станицы,
Тревоги смелых казаков,
Курганы, тихие гробницы,
И шум, и ржанье табунов.
Богиня песен и рассказа,
Воспоминания полна,
Быть может, повторит она
Преданья грозного Кавказа;
Расскажет повесть дальних
стран,*

Мстислава[15] древний поединок,
Измены, гибель россиян
На лоне мстительных грузинок;
И воспою тот славный час,
Когда, почуя бой кровавый,
На негодующий Кавказ
Подъялся наш орел двуглавый;
Когда на Тереке седом
Впервые грянул битвы гром
И грохот русских барабанов,
И в сече, с дерзостным челом,
Явился пылкий Цицианов;
Тебя я воспою, герой,
О Котляревский, бич Кавказа!
Куда ни мчался ты грозой –
Твой ход, как черная зараза,
Губил, ничтожил племена...
Ты днесь покинул саблю мести,
Тебя не радует война;
Скучая миром, в язвах чести,
Вкушаешь праздный ты покой
И тишину домашних долов...
Но се – Восток подъямлет вой!..
Поникни снежною главой,
Смирись, Кавказ: идет Ермолов!

И смолкнул ярый крик войны:
Все русскому мечу подвластно.

Кавказа гордые сыны,
Сражались, гибли вы ужасно;
Но не спасла вас наша кровь,
Ни очарованные брони,
Ни горы, ни лихие кони,
Ни дикой вольности любовь!
Подобно племени Батые,
Изменит прадедам Кавказ,
Забудет алчной брани глас,
Оставит стрелы боевые.
К ущельям, где гнездились вы,
Подъедет путник без боязни,
И возвестят о вашей казни
Преданья темные молвы.

1821

Братья разбойники

*Не стая воронов слеталась
На груди тлеющих костей,
За Волгой, ночью, вокруг огней
Удалых шайка собиралась.
Какая смесь одежд и лиц,
Племен, наречий, состояний!
Из хат, из келий, из темниц
Они стеклися для стяжаний!
Здесь цель одна для всех сердец –
Живут без власти, без закона.
Меж ними зрится и беглец
С берегов воинственного Дона,
И в черных локонах еврей,
И дикие сыны степей,
Калмык, башкирец безобразный,
И рыжий финн, и с ленью празд-
ной
Везде кочующий цыган!
Опасность, кровь, разврат, об-
ман –
Суть узы страшного семейства;
Тот их, кто с каменной душой
Прошел все степени злодейства;
Кто режет хладною рукой
Вдовицу с бедной сиротой,*

Кому смешно детей стенанье,
Кто не прощает, не щадит,
Кого убийство веселит,
Как юношу любви свиданье.

Затихло все, теперь луна
Свой бледный свет на них наводит,
И чарка пенного вина
Из рук в другие переходит.
Простерты на земле сырой,
Иные чутко засыпают, –
И сны зловещие летают
Над их преступной головой.
Другим рассказы сокращают
Угрюмой ночи праздный час;
Умолкли все – их занимает
Пришельца нового рассказ,
И всё вокруг его внимает:
«Нас было двое: брат и я.
Росли мы вместе; нашу младость
Вскормила чуждая семья:
Нам, детям, жизнь была не в радость;
Уже мы знали нужды глас,
Сносили горькое презренье,
И рано волновало нас
Жестокой зависти мученье.

Не оставалось у сирот
Ни бедной хижинки, ни поля;
Мы жили в горе, средь забот,
Наскучила нам эта доля,
И согласились меж собой
Мы жребий испытать иной:
В товарищи себе мы взяли
Булатный нож да темну ночь;
Забыли робость и печали,
А совесть отогнали прочь.

Ах, юность, юность удалая!
Житье в то время было нам,
Когда, погибель презирая,
Мы все делили пополам.
Бывало, только месяц ясный
Взойдет и станет средь небес,
Из подземелия мы в лес
Идем на промысел опасный.
За деревом сидим и ждем:
Идет ли позднею дорогой
Богатый жид иль поп убогой, –
Все наше! все себе берем.
Зимой, бывало, в ночь глухую
Заложим тройку удалую,
Поем и свищем и стрелой
Летим над снежной глубиной.
Кто не боялся нашей встречи?

Завидели в харчевне свечи –
Туда! к воротам, и стучим,
Хозяйку громко вызываем,
Вошли – все даром: пьем, едим
И красных девушек ласкаем!

И что ж? попались молодцы;
Не долго братья пировали;
Поймали нас – и кузнецы
Нас друг ко другу приковали,
И стража отвела в острог.

Я старший был пятью годами
И вынести больше брата мог.
В цепях, за душными стенами
Я уцелел – он изнемог.
С трудом дыша, томим тоскою,
В забвенье, жаркой головою
Склоняясь к моему плечу,
Он умирал, твердя всечасно:
«Мне душно здесь... я в лес хочу...
Воды, воды!..» – но я напрасно
Страдальцу воду подавал:
Он снова жаждою томился,
И градом пот по нем катился.
В нем кровь и мысли волновал
Жар ядовитого недуга;
Уж он меня не узнавал

И поминутно призывал
К себе товарища и друга.
Он говорил: «Где скрылся ты?
Куда свой тайный путь направил?
Зачем мой брат меня оставил
Средь этой смрадной темноты?
Не он ли сам от мирных пашен
Меня в дремучий лес сманил,
И ночью там, могущ и страшен,
Убийству первый научил?
Теперь он без меня на воле
Один гуляет в чистом поле,
Тяжелым машет кистенем
И позабыл в завидной доле
Он о товарище совсем!..»
То снова разгорались в нем
Докучной совести мученья:
Пред ним толпились привиденья,
Грозя перстом издалика.
Всех чаще образ старика,
Давно зарезанного нами,
Ему на мысли приходил;
Больной, зажав глаза руками,
За старца так меня молил:
«Брат! сжался над его слезами!
Не режь его на старость лет...
Мне дряхлый крик его ужасен...
Пусти его – он не опасен;

В нем крови капли теплой нет...
Не смейся, брат, над сединами,
Не мучь его... авось мольбами
Смягчит за нас он божий гнев!..»
Я слушал, ужас одолев;
Хотел унять большого слезы
И удалить пустые грезы.
Он видел пляски мертвецов,
В тюрьму пришедших из лесов,
То слышал их ужасный шепот,
То вдруг погони близкий топот,
И дико взгляд его сверкал,
Стояли волосы горюю,
И весь как лист он трепетал.
То мнил уж видеть пред собою
На площадях толпы людей,
И страшный ход до места казни,
И кнут, и грозных палачей...
Без чувств, исполненный боязни,
Брат упал ко мне на грудь.
Так проводил я дни и ночи,
Не мог минуты отдохнуть,
И сна не знали наши очи.

Но молодость свое взяла:
Вновь силы брата возвратились,
Болезнь ужасная прошла,
И с нею грезы удалились.

Воскресли мы. Тогда сильней
Взяла тоска по прежней доле;
Душа рвалась к лесам и к воле,
Алкала воздуха полей.
Нам тошен был и мрак темницы,
И сквозь решетки свет денницы,
И стражи клик, и звон цепей,
И легкий шум залетной птицы.

По улицам однажды мы,
В цепях, для городской тюрьмы
Сбирали вместе подаянье,
И согласились в тишине
Исполнить давнее желанье;
Река шумела в стороне,
Мы к ней – и с берегов высоких
Бух! поплыли в водах глубоких.
Цепями общими гремим,
Бьем волны дружными ногами,
Песчаный видим островок
И, рассекая быстрый ток,
Туда стремимся. Вслед за нами
Кричат: «Лови! лови! уйдут!»
Два стража издали плывут,
Но уж на остров мы ступаем,
Оковы камнем разбиваем,
Друг с друга рвем клочки одежд,
Отягощенные водою...

Погоню видим за собою;
Но смело, полные надежд,
Сидим и ждем. Один уж тонет,
То захлебнется, то застонет
И как свинец пошел ко дну.
Другой проплыл уж глубину,
С ружьем в руках, он вброд упря-
мо,
Не внемля крику моему,
Идет, но в голову ему
Два камня полетели прямо –
И хлынула на волны кровь;
Он утонул – мы в воду вновь,
За нами гнаться не посмели,
Мы берегов достичь успели
И в лес ушли. Но бедный брат...
И труд и волн осенний хлад
Недавних сил его лишили:
Опять недуг его сломил,
И злые грезы посетили.
Три дня больной не говорил
И не смыкал очей дремотой;
В четвертый грустною заботой,
Казалось, он исполнен был;
Позвал меня, пожал мне руку,
Потухший взор изобразил
Одолевающую муку;
Рука задрогла, он вздохнул

И на груди моей уснул.

*Над хладным телом я остался,
Три ночи с ним не расставался,
Все ждал, очнется ли мертвец?
И горько плакал. Наконец
Взял заступ; грешную молитву
Над братней ямой совершил
И тело в землю схоронил...
Потом на прежнюю ловитву
Пошел один... Но прежних лет
Уж не дождусь: их нет как нет!
Пирьы, веселые ночлеги
И наши буйные набегы –
Могила брата все взяла.
Влачусь угрюмый, одинокий,
Окаменел мой дух жестокий,
И в сердце жалость умерла.
Но иногда щажу морщины:
Мне страшно резать старика;
На беззащитные седины
Не подымается рука.
Я помню, как в тюрьме жестокой
Больной, в цепях, лишенный сил,
Без памяти, в тоске глубокой
За старца брат меня молил».*

(1822)

Бахчисарайский фонтан

Многие, так же как и я, посещали сей фонтан; но иных уже нет, другие странствуют далече.

Сади

*Гирей сидел потупя взор;
Янтарь в устах его дымился;
Безмолвно раболепный двор
Вкруг хана грозного теснился.
Все было тихо во дворце;
Благоговевя, все читали
Приметы гнева и печали
На сумрачном его лице.
Но повелитель горделивый
Махнул рукой нетерпеливой:
И все, склонившись, идут вон.*

*Один в своих чертогах он;
Свободней грудь его вздыхает,
Живее строгое чело
Волнение сердца выражает.
Так бурны тучи отражает
Залива зыбкое стекло.*

Что движет гордою душою?

Какою мыслью занят он?
На Русь ли вновь идет войною,
Несет ли Польше свой закон,
Горит ли местию кровавой,
Открыл ли в войске заговор,
Страшится ли народов гор,
Иль козней Генуи лукавой?

Нет, он скучает бранной славой,
Устала грозная рука;
Война от мыслей далека.

Ужель в его гарем измена
Стезей преступною вошла,
И дочь неволи, нег и плена
Гяуру сердце отдала?

Нет, жены робкие Гирея,
Ни думать, ни желать не смея,
Цветут в унылой тишине;
Под стражей бдительной и хлад-
ной
На лоне скуки безотрадной
Измен не ведают оне.
В тени хранительной темницы
Утаены их красоты:
Так аравийские цветы
Живут за стеклами теплицы.

Для них унылой чередой
Дни, месяцы, лета проходят
И неприметно за собой
И младость и любовь уводят.
Однообразен каждый день,
И медленно часов течение.
В гареме жизнью правит лень;
Мелькает редко наслажденье.
Младые жены, как-нибудь
Желая сердце обмануть,
Меняют пышные уборы,
Заводят игры, разговоры,
Или при шуме вод живых,
Над их прозрачными струями
В прохладе яворов густых
Гуляют легкими роями.
Меж ними ходит злой эвнух,
И убежать его напрасно:
Его ревнивый взор и слух
За всеми следует всечасно.
Его стараньем заведен
Порядок вечный. Воля хана
Ему единственный закон;
Святую заповедь Корана
Не строже наблюдает он.
Его душа любви не просит;
Как истукан, он переносит
Насмешки, ненависть, укор,

Обиды шалости нескромной,
Презренье, просьбы, робкий взор,
И тихий вздох, и ропот томный.
Ему известен женский нрав;
Он испытал, сколь он лукав
И на свободе и в неволе:
Взор нежный, слез упрек немой
Не властны над его душой;
Он им уже не верит боле.

Раскинув легкие власы,
Как идут пленницы младые
Купаться в жаркие часы,
И льются волны ключевые
На их волшебные красы,
Забав их сторож неотлучный,
Он тут; он видит, равнодушный,
Прелестниц обнаженный рой;
Он по гарему в тьме ночной
Неслышными шагами бродит;
Ступая тихо по коврам,
К послушным крадется дверям,
От ложа к ложу переходит;
В заботе вечной, ханских жен
Роскошный наблюдает сон,
Ночной подслушивает лепет;
Дыханье, вздох, малейший трепет –

Все жадно примечает он;
И горе той, чей шепот сонный
Чужое имя призывал
Или подруге благосклонной
Порочны мысли доверял!

Что ж полон грусти ум Гирея?
Чубук в руках его потух;
Недвижим и дохнуть не смея,
У двери знака ждет эвнух.
Встает задумчивый властитель;
Пред ним дверь настезь. Молча
он
Идет в заветную обитель
Еще недавно милых жен.

Беспечно ожидая хана,
Вокруг игривого фонтана
На шелковых коврах оне
Толпою резвою сидели
И с детской радостью глядели,
Как рыба в ясной глубине
На мраморном ходила дне.
Нарочно к ней на дно иные
Роняли серьги золотые.
Кругом невольницы меж тем
Шербет носили ароматный
И песнью звонкой и приятной

Вдруг огласили весь гарем:

Татарская песня

*«Дарует небо человеку
Замену слез и частых бед:
Блажен факир, узревший Мекку
На старости печальных лет.*

*Блажен, кто славный берег Дуная
Своею смертью освятит:
К нему навстречу дева рая
С улыбкой страстной полетит.*

*Но тот блаженней, о Зарема,
Кто, мир и негу возлюбя,
Как розу, в тишине гарема
Лелеет, милая, тебя».*

*Они поют. Но где Зарема,
Звезда любви, краса гарема? –
Увы! печальна и бледна,
Похвал не слушает она.
Как пальма, смятая грозой,
Поникла юной головою;
Ничто, ничто не мило ей:
Зарему разлюбил Гирей.*

Он изменил!.. Но кто с тобою,
Грузинка, равен красотой?
Вокруг лилейного чела
Ты косу дважды обвила;
Твои пленительные очи
Яснее дня, чернее ночи;
Чей голос выразит сильней
Порывы пламенных желаний?
Чей страстный поцелуй живеи
Твоих язвительных лобзаний?
Как сердце, полное тобой,
Забьется для красоты чуждой?
Но, равнодушный и жестокий,
Гирей презрел твои красоты
И ночи хладные часы
Проводит мрачный, одинокий
С тех пор, как польская княжна
В его гарем заключена.

Недавно юная Мария
Узрела небеса чужие;
Недавно милою красой
Она цвела в стране родной.
Седой отец гордился ею
И звал отрадою своею.
Для старика была закон
Ее младенческая воля.
Одну заботу ведал он:

Чтоб дочери любимой доля
Была, как вешний день, ясна,
Чтоб и минутные печали
Ее души не помрачали,
Чтоб даже замужем она
Вспоминала с умилением
Девичье время, дни забав,
Мелькнувших легким сновиде-
нием.
Все в ней пленяло: тихий нрав,
Движенья стройные, живые
И очи томно-голубые.
Природы милые дары
Она искусством украшала;
Она домашние пиры
Волшебной арфой оживляла;
Толпы вельмож и богачей
Руки Мариной искали,
И много юношей по ней
В страданье тайном изнывали.
Но в тишине души своей
Она любви еще не знала
И независимый досуг
В отцовском замке меж подруг
Одним забавам посвящала.
Давно ль? И что же! Тьмы татар
На Польшу хлынули рекою:
Не с столь ужасной быстротою

По жатве стелется пожар.
Обезображенный войною,
Цветущий край осиротел;
Исчезли мирные забавы;
Уныли селы и дубравы,
И пышный замок опустел.
Тиха Мариина светлица...
В домово́й церквѣ, где кругом
Почиют мо́щи хладным сном,
С короной, с княжеским гербом
Воздвиглась новая гробница...
Отец в могиле, дочь в плену,
Скупой наследник в замке правит
И тягостным ярмом бесславит
Опустошенную страну.

Увы! Дворец Бахчисарая
Скрывает юную княжну.
В неволе тихой увядая,
Мария плачет и грустит.
Гирей несчастную щадит:
Ее унынье, слезы, стоны
Тревожат хана краткий сон,
И для нее смягчает он
Гарема строгие законы.
Угрюмый сторож ханских жен
Ни днем, ни ночью к ней не входит;

Рукой заботливой не он
На ложе сна ее возводит;
Не смеет устремиться к ней
Обидный взор его очей;
Она в купальне потаенной
Одна с невольницей своей;
Сам хан боится девы пленной
Печальный возмущать покой;
Гарема в дальнем отделенье
Позволено ей жить одной:
И, мнится, в том уединенье
Сокрылся некто неземной.
Там день и ночь горит лампада
Пред ликом девы пресвятой;
Души тоскующей отрада,
Там упованье в тишине
С смиренной верой обитает,
И сердцу все напоминает
О близкой, лучшей стороне;
Там дева слезы проливает
Вдали завистливых подруг;
И между тем, как все вокруг
В безумной неге утопает,
Святыню строгую скрывает
Спасенный чудом уголок.
Так сердце, жертва заблуждений,
Среди порочных упоений
Хранит один святой залог,

Одно божественное чувство...

.....

.....

Настала ночь; покрылись тенью
Тавриды сладостной поля;
Вдали, под тихой лавров сенью
Я слышу пенье соловья;
За хором звезд луна восходит;
Она с безоблачных небес
На доли, на холмы, на лес
Сиянье томное наводит.
Покрыты белой пеленой,
Как тени легкие мелькая,
По улицам Бахчисарая,
Из дома в дом, одна к другой,
Простых татар спешат супруги
Делить вечерние досуги.
Дворец утих; уснул гарем,
Объятый негой безмятежной;
Не прерывается ничем
Спокойство ночи. Страж надеж-
ный,
Дозором обошел эвнух.
Теперь он спит; но страх прилеж-
ный
Тревожит в нем и спящий дух.
Измен всечасных ожиданье
Покоя не дает уму.

То чей-то шорох, то шептанье,
То крики чудятся ему;
Обманутый неверным слухом,
Он пробуждается, дрожит,
Напуганным прикинув ухом...
Но все кругом его молчит;
Одни фонтаны сладкозвучны
Из мраморной темницы бьют,
И, с милой розой неразлучны,
Во мраке соловьи поют;
Эвнух еще им долго внемлет,
И снова сон его объемлет.

Как милы темные красы
Ночей роскошного Востока!
Как сладко льются их часы
Для обожателей Пророка!
Какая нега в их домах,
В очаровательных садах,
В тиши гаремов безопасных,
Где под влиянием луны
Все полно тайн и тишины
И вдохновений сладострастных!

.....

Все жены спят. Не спит одна.
Едва дыша, встает она;
Идет; рукою торопливой

Открыла дверь; во тьме ночной
Ступает легкою ногой...
В дремоте чуткой и пугливой
Пред ней лежит эвнух седой.
Ах, сердце в нем неумолимо:
Обманчив сна его покой!..
Как дух, она проходит мимо.

.....
Пред нею дверь; с недоумением
Ее дрожащая рука
Коснулась верного замка...
Вошла, взирает с изумленьем...
И тайный страх в нее проник.
Лампады свет уединенный,
Кивот, печально озаренный,
Пречистой девы кроткий лик
И крест, любви символ священ-
ный,
Грузинка! все в душе твоей
Родное что-то пробудило,
Все звуками забытых дней
Невнятно вдруг заговорило.
Пред ней покоилась княжна,
И жаром девственного сна
Ее ланиты оживлялись
И, слез являя свежий след,
Улыбкой томной озарялись.
Так озаряет лунный свет

Дождемотягощенный цвет.
Спорхнувший с неба сын эдема,
Казалось, ангел почивал
И сонный слезы проливал
О бедной пленнице гарема...
Увы, Зарема, что с тобой?
Стеснилась грудь ее тоской,
Невольно клонятся колени,
И молит: «Сжался надо мной,
Не отвергай моих молений!..»
Ее слова, движенье, стон
Прервали девы тихий сон.
Княжна со страхом пред собою
Младую незнакомку зрит;
В смятенье, трепетной рукою
Ее подьемля, говорит:
«Кто ты?.. Одна, порой ночью, –
Зачем ты здесь?» – «Я шла к тебе,
Спаси меня; в моей судьбе
Одна надежда мне осталась...
Я долго счастьем наслаждалась,
Была беспечней день от дня...
И тень блаженства миновалась;
Я гибну. Выслушай меня.

Родилась я не здесь, далеко,
Далеко... но минувших дней
Предметы в памяти моей

Доныне врезаны глубоко.
Я помню горы в небесах,
Потоки жаркие в горах,
Непроходимые дубравы,
Другой закон, другие нравы;
Но почему, какой судьбой
Я край оставила родной,
Не знаю; помню только море
И человека в вышине
Над парусами...

Страх и горе
Доныне чужды были мне;
Я в безмятежной тишине
В тени гарема расцветала
И первых опытов любви
Послушным сердцем ожидала.
Желанья тайные мои
Сбылись. Гирей для мирной неги
Войну кровавую презрел,
Пресек ужасные набеги
И свой гарем опять узрел.
Пред хана в смутном ожиданье
Предстали мы. Он светлый взор
Остановил на мне в молчанье,
Позвал меня... и с этих пор
Мы в непрерывном упоенье
Дышали счастьем; и ни раз
Ни клевета, ни подозренье,

Ни злобной ревности мученье,
Ни скука не смущала нас.
Мария! ты пред ним явилась...
Увы, с тех пор его душа
Преступной думой омрачилась!
Гирей, изменою дыша,
Моих не слушает укоров,
Ему докучен сердца стон;
Ни прежних чувств, ни разговоров
Со мною не находит он.
Ты преступленью не причастна;
Я знаю: не твоя вина...
Итак, послушай: я прекрасна;
Во всем гареме ты одна
Могла б еще мне быть опасна;
Но я для страсти рождена,
Но ты любить, как я, не можешь;
Зачем же хладной красотой
Ты сердце слабое тревожишь?
Оставь Гирея мне: он мой;
На мне горят его лобзанья,
Он клятвы страшные мне дал,
Давно все думы, все желанья
Гирей с моими сочетал;
Меня убьет его измена...
Я плачу; видишь, я колена
Теперь склоняю пред тобой,
Молю, винить тебя не смея,

Отдай мне радость и покой,
Отдай мне прежнего Гирея...
Не возражай мне ничего;
Он мой! он ослеплен тобою.
Презреньем, просьбою, тоскою,
Чем хочешь, отврати его;
Клянись... (хоть я для Алкорана,
Между невольницами хана,
Забыла веру прежних дней;
Но вера матери моей
Была твоя) клянись мне ею
Зарему возвратить Гирею...
Но слушай: если я должна
Тебе... кинжалом я владею,
Я близ Кавказа рождена».
Сказав, исчезла вдруг. За нею
Не смеет следовать княжна.
Невинной деве непонятен
Язык мучительных страстей,
Но голос их ей смутно внятен;
Он странен, он ужасен ей.
Какие слезы и моления
Ее спасут от посрамленья?
Что ждет ее? Ужели ей
Остаток горьких юных дней
Провести наложницей презрен-
ной?
О боже! если бы Гирей

*В ее темнице отдаленной
Забыл несчастную навек
Или кончиной ускоренной
Унылы дни ее пресек, –
С какою б радостью Мария
Оставила печальный свет!
Мгновенья жизни дорогие
Давно прошли, давно их нет!
Что делать ей в пустыне мира?
Уж ей пора, Марию ждут
И в небеса, на лоно мира,
Родной улыбкою зовут.*

.....

*Промчались дни; Марии нет.
Мгновенно сирота почила.
Она давно желанный свет,
Как новый ангел, озарила.
Но что же в гроб ее свело?
Тоска ль неволи безнадежной,
Болезнь или другое зло?..
Кто знает? Нет Марии нежной!..
Дворец угрюмый опустел;
Его Гирей опять оставил;
С толпой татар в чужой предел
Он злой набег опять направил;
Он снова в бурях боевых
Несется мрачный, кровожадный:*

Но в сердце хана чувств иных
Таится пламень безотрадный.
Он часто в сечах роковых
Подъемлет саблю, и с размаха
Недвижим остается вдруг,
Глядит с безумием вокруг,
Бледнеет, будто полный страха,
И что-то шепчет, и порой
Горючи слезы льет рекой.

Забывтый, преданный презренью,
Гарем не зрит его лица;
Там, обреченные мученью,
Под стражей хладного скопца
Стареют жены. Между ними
Давно грузинки нет; она
Гарема стражами немymi
В пучину вод опущена.
В ту ночь, как умерла княжна,
Свершилось и ее страданье.
Какая б ни была вина,
Ужасно было наказанье!

Опустошив огнем войны
Кавказу близкие страны
И селы мирные России,
В Тавриду возвратился хан
И в память горестной Марии

Воздвигнул мраморный фонтан,
В углу дворца уединенный.
Над ним крестом осенена
Магометанская луна
(Символ, конечно, дерзновенный,
Незнанья жалкая вина).
Есть надпись: едкими годами
Еще не сгладилась она.
За чуждыми ее чертами
Журчит во мраморе вода
И каплет хладными слезами,
Не умолкая никогда.
Так плачет мать во дни печали
О сыне, падшем на войне.
Младые девы в той стране
Преданье старины узнали,
И мрачный памятник оне
Фонтаном слез именовали.

Покинув север наконец,
Пирь надолго забывая,
Я посетил Бахчисарая
В забвеньи дремлющий дворец.
Среди безмолвных переходов
Бродил я там, где, бич народов,
Татарин буйный пировал
И после ужасов набега
В роскошной лени утопал.

Еще поныне дышит нега
В пустых покоях и садах;
Играют воды, рдеют розы,
И вьются виноградны лозы,
И злато блещет на стенах.
Я видел ветхие решетки,
За коими, в своей весне,
Янтарны разбирая четки,
Вздыхали жены в тишине.
Я видел ханское кладбище,
Владык последнее жилище.
Сии надгробные столбы,
Венчанны мраморной чалмою,
Казалось мне, завет судьбы
Гласили внятною молвою.
Где скрылись ханы? Где гарем?
Кругом все тихо, все уныло,
Все изменилось... но не тем
В то время сердце полно было:
Дыханье роз, фонтанов шум
Влекли к невольному забвенью,
Невольно предавался ум
Неизъяснимому волненью,
И по дворцу летучей тенью
Мелькала дева предо мной!..

.....

Чью тень, о други, видел я?

Скажите мне: чей образ нежный
Тогда преследовал меня,
Неотразимый, неизбежный?
Марии ль чистая душа
Являлась мне, или Зарема
Носилась, ревностью дыша,
Средь опустелого гарема?

Я помню столь же милый взгляд
И красоту еще земную,
се думы сердца к ней летят,
Об ней в изгнании тоскую...
Безумец! полно! перестань,
Не оживляй тоски напрасной,
Мятежным снам любви несчаст-
ной
Заплачена тобою дань –
Опомнись; долго ль, узник том-
ный,
Тебе оковы лобызать
И в свете лирою нескромной
Свое безумство разглашать?

Поклонник муз, поклонник мира,
Забыв и славу и любовь,
О, скоро вас увижу вновь,
Брега веселые Салгира!
Приду на склон приморских гор,

Воспоминаний тайных полный, –
И вновь таврические волны
Обрадуют мой жадный взор.
Волшебный край! очей отрада!
Все живо там: холмы, леса,
Янтарь и яхонт винограда,
Долин уютная краса,
И струй и тополей прохлада...
Все чувство путника манит,
Когда, в час утра безмятежный,
В горах, дорогою прибрежной,
Привычный конь его бежит,
И зеленеющая влага
Пред ним и блещет и шумит
Вокруг утесов Аю-дага...

1823

Цыганы

Цыганы шумною толпой
По Бессарабии кочуют.
Они сегодня над рекой
В шатрах изодранных ночуют.
Как вольность, весел их ночлег
И мирный сон под небесами;
Между колесами телег,
Полузавешанных коврами,
Горит огонь; семья кругом
Готовит ужин; в чистом поле
Пасутся кони; за шатром
Ручной медведь лежит на воле.
Всё живо посреди степей:
Заботы мирные семей,
Готовых с утром в путь недалё-
ний,
И песни жен, и крик детей,
И звон походной наковальни.
Но вот на табор кочевой
Нисходит сонное молчанье,
И слышно в тишине степной
Лишь лай собак да коней ржанье.
Огни везде погашены,
Спокойно все, луна сияет
Одна с небесной вышины

И тихий табор озаряет.
В шатре одном старик не спит;
Он перед углями сидит,
Согретый их последним жаром,
И в поле дальнее глядит,
Ночным подернутое паром.
Его молоденькая дочь
Пошла гулять в пустынном поле.
Она привыкла к резвой воле,
Она придет; но вот уж ночь,
И скоро месяц уж покинет
Небес далеких облака, –
Земфиры нет как нет; и стынет
Убогий ужин старика.
Но вот она; за нею следом
По степи юноша спешит;
Цыгану вовсе он неведом.
«Отец мой, – дева говорит, –
Веду я гостя; за курганом
Его в пустыне я нашла
И в табор на́ ночь зазвала.
Он хочет быть как мы цыганом;
Его преследует закон,
Но я ему подругой буду
Его зовут Алеко – он
Готов идти за мною всюду».

*Я рад. Останься до утра
Под сенью нашего шатра
Или пробудь у нас и доле,
Как ты захочешь. Я готов
С тобой делить и хлеб и кров.
Будь наш – привыкни к нашей доле,
Бродящей бедности и воле –
А завтра с утренней зарей
В одной телеге мы поедem;
Примись за промысел любой:
Железо куй – иль песни пой
И селы обходи с медведем.*

Алеко

Я остаюсь.

Земфира

*Он будет мой:
Кто ж от меня его отгонит?
Но поздно... месяц молодой
Зашел; поля покрыты мглой,
И сон меня невольно клонит...*

*Светло. Старик тихонько бродит
Вокруг безмолвного шатра.
«Вставай, Земфира: солнце всходит,
дит,*

Проснись, мой гость! пора, пора!..
Оставьте, дети, ложе неги!..»
И с шумом высыпал народ;
Шатры разобраны; телеги
Готовы двинуться в поход.
Все вместе тронулось – и вот
Толпа валит в пустых равнинах.
Ослы в перекидных корзинах
Детей играющих несут;
Мужья и братья, жены, девы,
И стар и млад вослед идут;
Крик, шум, цыганские припевы,
Медведя рев, его цепей
Нетерпеливое бряцанье,
Лохмотьев ярких пестрота,
Детей и старцев нагота,
Собак и лай и завыванье,
Волынки говор, скрип телег,
Все скудно, дико, всё нестройно,
Но всё так живо-неспокойно,
Так чуждо мертвых наших нег,
Так чуждо этой жизни праздной,
Как песнь рабов однообразной!

Уныло юноша глядел
На опустелую равнину
И грусти тайную причину
Истолковать себе не смел.

С ним черноокая Земфира,
Теперь он вольный житель мира,
И солнце весело над ним
Полуденной красою блещет;
Что ж сердце юноши трепещет?
Какой заботой он томим?

Птичка божия не знает
Ни заботы, ни труда;
Хлопотливо не свивает
Долговечного гнезда;
В долгу ночь на ветке дремлет;
Солнце красное взойдет,
Птичка гласу бога внемлет,
Встрепенется и поет.
За весной, красой природы,
Лето знойное пройдет –
И туман и непогоды
Осень поздняя несет:
Людям скучно, людям горе;
Птичка в дальные страны,
В теплый край, за сине море
Улетает до весны.

Подобно птичке беззаботной
И он, изгнанник перелетный,
Гнезда надежного не знал
И ни к чему не привыкал.

Ему везде была дорога,
Везде была ночлега сень;
Проснувшись поутру, свой день
Он отдавал на волю бога,
И жизни не могла тревога
Смутить его сердечну лень.
Его порой волшебной славы
Манила дальная звезда;
Нежданно роскошь и забавы
К нему являлись иногда;
Над одинокой головою
И гром нередко грохотал;
Но он беспечно под грозой
И в ведро ясное дремал.
И жил, не признавая власти
Судьбы коварной и слепой;
Но божье! как играли страсти
Его послушною душой!
С каким волнением кипели
В его измученной груди!
Давно ль, на долго ль усмирели?
Они проснутся: погоди!

Земфира

Скажи, мой друг: ты не жалеешь
О том, что бросил навсегда?

Алеко

Что ж бросил я?

Земфира

*Ты разумеешь:
Людей отчизны, города.*

Алеко

*О чем жалеть? Когда б ты знала,
Когда бы ты воображала
Неволю душных городов!
Там люди, в кучах за оградой,
Не дышат утренней прохладой,
Ни вешним запахом лугов;
Любви стыдятся, мысли гонят,
Торгуют волею своей,
Главы пред идолами клонят
И просят денег да цепей.
Что бросил я? Измен волненье,
Предрассуждений приговор,
Толпы безумное гоненье
Или блистательный позор.*

Земфира

*Но там огромные палаты,
Там разноцветные ковры,
Там игры, шумные пиры,
Уборы дев там так богаты!..*

Алеко

Что шум веселий городских?
Где нет любви, там нет веселий.
А девы... Как ты лучше их
И без нарядов дорогих,
Без жемчугов, без ожерелий!
Не изменись, мой нежный друг!
А я... одно мое желанье
С тобой делить любовь, досуг
И добровольное изгнанье!

Старик

Ты любишь нас, хоть и рожден
Среди богатого народа.
Но не всегда мила свобода
Тому, кто к неге приучен.
Меж нами есть одно преданье:
Царем когда-то сослан был
Полудня житель к нам в изгна-
нье.
(Я прежде знал, но позабыл
Его мудреное прозвание.)
Он был уже летами стар,
Но млад и жив душой незлобной –
Имел он песен дивный дар
И голос, шуму вод подобный –
И полюбили все его,
И жил он на берегах Дуная,

Не обижая никого,
Людей рассказами пленяя;
Не разумел он ничего,
И слаб и робок был, как дети;
Чужие люди за него
Зверей и рыб ловили в сети;
Как мерзла быстрая река
И зимни вихри бушевали,
Пушистой кожей покрывали
Они святого старика;
Но он к заботам жизни бедной
Привыкнуть никогда не мог;
Скитался он иссохший, бледный,
Он говорил, что гневный бог
Его карал за преступленье...
Он ждал: придет ли избавленье.
И всё несчастный тосковал,
Бродя по берегам Дуная,
Да горьки слезы проливал,
Свой дальний град вспоминая,
И завещал он, умирая,
Чтобы на юг перенесли
Его тоскующие кости,
И смертью – чуждой сей земли
Не успокоенные гости!

Алеко

Так вот судьба твоих сынов,

О Рим, о громкая держава!..
Певец любви, певец богов,
Скажи мне, что такое слава?
Могильный гул, хвалебный глас,
Из рода в роды звук бегущий?
Или под сенью дымной кущи
Цыгана дикого рассказ?

Прошло два лета. Так же бродят
Цыганы мирною толпой;
Везде по-прежнему находят
Гостеприимство и покой.
Презрев оковы просвещенья,
Алеко волен, как они;
Он без забот и сожаленья
Ведет кочующие дни.
Всё тот же он; семья всё та же;
Он, прежних лет не помня даже,
К бытью цыганскому привык.
Он любит их ночлегов сени,
И упоенье вечной лени,
И бедный, звучный их язык.
Медведь, беглец родной берлоги,
Косматый гость его шатра,
В селеньях, вдоль степной дороги,
Близ молдаванского двора
Перед толпою осторожной
И тяжело пляшет, и ревет,

*И цепь докучную грызет;
На посох опершись дорожный,
Старик лениво в бубны бьет,
Алеко с пеньем зверя водит,
Земфира поселян обходит
И дань их вольную берет.
Настанет ночь; они все трое
Варят нежатое пшено;
Старик уснул – и всё в покое...
В шатре и тихо и темно.*

*Старик на вешнем солнце греет
Уж остывающую кровь;
У люльки дочь поет любовь.
Алеко внемлет и бледнеет.*

Земфира

*Старый муж, грозный муж,
Режь меня, жги меня:
Я тверда; не боюсь
Ни ножа, ни огня.*

*Ненавижу тебя,
Презираю тебя;
Я другого люблю,
Умираю любя.*

Алеко

*Молчи. Мне пенье надоело,
Я диких песен не люблю.*

Земфира

*Не любишь? мне какое дело!
Я песню для себя пою.
Режь меня, жги меня;
Не скажу ничего;
Старый муж, грозный муж,
Не узнаешь его.*

*Он свежее весны,
Жарче летнего дня;
Как он молод и смел!
Как он любит меня!*

*Как ласкала его
Я в ночной тишине!
Как смеялись тогда
Мы твоей седине!*

Алеко

Молчи, Земфира! я доволен...

Земфира

Так понял песню ты мою?

Алеко

Земфира!

Земфира

*Ты сердиться волен,
Я песню про тебя пою.*

*Уходит и поет: Старый муж и
проч.*

Старик

*Так, помню, помню – песня эта
Во время наше сложена,
Уже давно в забаву света
Поется меж людей она.
Кочуя на степях Кагула,
Ее, бывало, в зимнюю ночь
Моя певала Мариула,
Перед огнем качая дочь.
В уме моем минувши лета
Час от часу темней, темней;
Но заронилась песня эта
Глубоко в памяти моей.*

*Все тихо; ночь. Луной украшен
Лазурный юга небосклон,
Старик Земфирой пробужден:
«О мой отец! Алеко страшен.
Послушай: сквозь тяжелый сон*

И стонет, и рыдает он».

Старик

*Не тронь его. Храни молчанье.
Слышал я русское преданье:
Теперь полунощной порой
У спящего теснит дыханье
Домашний дух; перед зарей
Уходит он. Сиди со мной.*

Земфира

Отец мой! шепчет он: Земфира!

Старик

*Тебя он ищет и во сне:
Ты для него дороже мира.*

Земфира

*Его любовь постыла мне.
Мне скучно; сердце воли просит –
Уж я... Но тише! слышишь? Он
Другое имя произносит...*

Старик

Чье имя?

Земфира

Слышишь? хриплый стон

*И скрежет ярый!.. Как ужасно!..
Я разбужу его...*

Старик

*Напрасно,
Ночного духа не гони –
Уйдет и сам...*

Земфира

*Он повернулся,
Привстал, зовет меня... проснул-
ся –
Иду к нему – прощай, усни.*

Алеко

Где ты была?

Земфира

*С отцом сидела.
Какой-то дух тебя томил;
Во сне душа твоя терпела
Мученья; ты меня страшил:
Ты, сонный, скрежетал зубами
И звал меня.*

Алеко

*Мне снилась ты.
Я видел, будто между нами...*

Я видел страшные мечты!

Земфира

Не верь лукавым сновиденьям.

Алеко

*Ах, я не верю ничему:
Ни снам, ни сладким увереньям,
Ни даже сердцу твоему.*

Старик

*О чем, безумец молодой,
О чем вздыхаешь ты всечасно?
Здесь люди вольны, небо ясно,
И жены славятся красой.
Не плачь: тоска тебя погубит.*

Алеко

Отец, она меня не любит.

Старик

*Утешься, друг: она дитя.
Твое унынье безрассудно:
Ты любишь горестно и трудно,
А сердце женское – шутя.
Взгляни: под отдаленным сводом
Гуляет вольная луна;
На всю природу мимоходом*

Равно сиянье льет она.
Заглянет в облако любое,
Его так пышно озарит –
И вот – уж перешла в другое;
И то недолго посетит.
Кто место в небе ей укажет,
Примолвя: там остановись!
Кто сердцу юной девы скажет:
Люби одно, не изменись?
Утешься.

Алеко

Как она любила!
Как нежно преклонясь ко мне,
Она в пустынной тишине
Часы ночные проводила!
Веселья детского полна,
Как часто милым лепетаньем
Иль упоительным лобзаньем
Мою задумчивость она
В минуту разогнать умела!..
И что ж? Земфира неверна!
Моя Земфира охладела!..

Старик

Послушай: расскажу тебе
Я повесть о самом себе.
Давно, давно, когда Дунаю

Не угрожал еще москаль –
(Вот видишь, я припоминаю,
Алеко, старую печаль.)
Тогда боялись мы султана;
А правил Буджаком паша
С высоких башен Аккермана –
Я молод был; моя душа
В то время радостно кипела;
И ни одна в кудрях моих
Еще сединка не белела, –
Между красавиц молодых
Одна была... и долго ею,
Как солнцем, любовался я,
И наконец назвал моею...

Ах, быстро молодость моя
Звездой падучею мелькнула!
Но ты, пора любви, минула
Еще быстрее: только год
Меня любила Мариула.
Однажды близ Кагульских вод
Мы чуждый табор повстречали;
Цыганы те, свои шатры
Разбив близ наших у горы,
Две ночи вместе ночевали.
Они ушли на третью ночь, –
И, брося маленькую дочь,
Ушла за ними Мариула.

Я мирно спал; заря блеснула;
Проснулся я, подруги нет!
Ищу, зову – пропал и след.
Тоскуя, плакала Земфира,
И я заплакал – с этих пор
Постыли мне все девы мира;
Меж ими никогда мой взор
Не выбирал себе подруги,
И одинокие досуги
Уже ни с кем я не делил.

Алеко

Да как же ты не поспешил
Тотчас вослед неблагодарной
И хищникам и ей коварной
Кинжала в сердце не вонзил?

Старик

К чему? вольнее птицы мла-
дость;
Кто в силах удержать любовь?
Чредою всем дается радость;
Что было, то не будет вновь.

Алеко

Я не таков. Нет, я не споря
От прав моих не откажусь!
Или хоть мщеньем наслажусь.

*О нет! когда б над бездной моря
Нашел я спящего врага,
Клянусь, и тут моя нога
Не пощадила бы злодея;
Я в волны моря, не бледнея,
И беззащитного б толкнул;
Внезапный ужас пробужденья
Свирепым смехом упрекнул,
И долго мне его паденья
Смешон и сладок был бы гул.*

Молодой цыган

Еще одно... одно лобзанье...

Земфира

Пора: мой муж ревнив и зол.

Цыган

Одно... но доле!.. на прощанье.

Земфира

Прощай, покамест не пришел.

Цыган

Скажи – когда ж опять свиданье?

Земфира

Сегодня, как зайдет луна,

Там, за курганом над могилой...

Цыган

Обманет! не придет она!

Земфира

Вот он! беги!.. Приду, мой милый.

*Алеко спит. В его уме
Виденье смутное играет;
Он, с криком пробудясь во тьме,
Ревниво руку простирает;
Но обробелая рука
Покровы хладные хватает –
Его подруга далека...
Он с трепетом привстал и внем-
лет...
Всё тихо – страх его объемлет,
По нем текут и жар и хлад;
Встает он, из шатра выходит,
Вокруг телег, ужасен, бродит;
Спокойно всё; поля молчат;
Темно; луна зашла в туманы,
Чуть брезжит звезд неверный
свет,
Чуть по росе приметный след
Ведет за дальные курганы:
Нетерпеливо он идет,*

Куда зловещий след ведет.
Могила на краю дороги
Вдали белеет перед ним...
Туда слабеющие ноги
Влачит, предчувствием томим,
Дрожат уста, дрожат колени,
Идет... и вдруг... иль это сон?
Вдруг видит близкие две тени
И близкой шепот слышит он –
Над обесславленной могилой.

1-й голос

Пора...

2-й голос

Постой...

1-й голос

Пора, мой милый.

2-й голос

Нет, нет, постой, дождемся дня.

1-й голос

Уж поздно.

2-й голос

Как ты робко любишь.

Минуту!

1-й голос

Ты меня погубишь.

2-й голос

Минуту!

1-й голос

*Если без меня
Проснется муж?..*

Алеко

*Проснулся я.
Куда вы! не спешите оба;
Вам хорошо и здесь у гроба.*

Земфира

Мой друг, беги, беги...

Алеко

*Постой!
Куда, красавец молодой?
Лежи!*

Вонзает в него нож.

Земфира

Алеко!

Цыган

Умираю...

Земфира

*Алеко, ты убьешь его!
Взгляни: ты весь обрызган кровью!
О, что ты сделал?*

Алеко

*Ничего.
Теперь дыши его любовью.*

Земфира

*Нет, полно, не боюсь тебя! –
Твои угрозы презираю,
Твое убийство проклиная...*

Алеко

Умри ж и ты!

Поражает ее.

Земфира

Умру любя...

Восток, денницей озаренный,
Сиял. Алеко за холмом,
С ножом в руках, окровавленный
Сидел на камне гробовом.
Два трупа перед ним лежали;
Убийца страшен был лицом.
Цыганы робко окружали
Его встревоженной толпой.
Могилу в стороне копали.
Шли жены скорбной чередой
И в очи мертвых целовали.
Старик-отец один сидел
И на погибшую глядел
В немом бездействии печали;
Подняли трупы, понесли
И в лоно хладное земли
Чету младую положили.
Алеко издали смотрел
На все... когда же их закрыли
Последней горстию земной,
Он молча, медленно склонился
И с камня на траву свалился.

Тогда старик, приблизясь, рек:
«Оставь нас, гордый человек!
Мы дики; нет у нас законов,
Мы не терзаем, не казим –
Не нужно крови нам и стонов –

Но жить с убийцей не хотим...
Ты не рожден для дикой доли,
Ты для себя лишь хочешь воли;
Ужасен нам твой будет глас:
Мы робки и добры душою,
Ты зол и смел – оставь же нас,
Прости, да будет мир с тобою».
Сказал – и шумною толпою
Поднялся табор кочевой
С долины страшного ночлега.
И скоро все в дали степной
Сокрылось; лишь одна телега,
Убогим крытая ковром,
Стояла в поле роковом.
Так иногда перед зимою,
Туманной, утренней порою,
Когда подъемлетя с полей
Станица поздних журавлей
И с криком вдаль на юг несется,
Пронзенный гибельным свинцом
Один печально остается,
Повиснув раненым крылом.
Настала ночь: в телеге темной
Огня никто не разложил,
Никто под крышею подъемной
До утра сном не опочил.

Эпилог

*Волшебной силой песнопенья
В туманной памяти моей
Так оживляются виденья
То светлых, то печальных дней.*

*В стране, где долго, долго брани
Ужасный гул не умолкал,
Где повелительные грани
Стамбулу русский указал,
Где старый наш орел двуглавый
Еще шумит минувшей славой,
Встречал я посреди степей
Над рубежами древних станов
Телеги мирные цыганов,
Смиренной вольности детей.
За их ленивыми толпами
В пустынях часто я бродил,
Простую пищу их делил
И засыпал пред их огнями.
В походах медленных любил
Их песен радостные гулы –
И долго милой Мариулы
Я имя нежное твердил.*

*Но счастья нет и между вами,
Природы бедные сыны!..
И под издранными шатрами
Живут мучительные сны,*

И ваши сени кочевые
В пустынях не спаслись от бед,
И всюду страсти роковые,
И от судеб защиты нет.

1824

Полтава

*The power and glory of the war,
Faithless as their vain votaries, men,
Had pass'd to the triumphant Czar.*
Byron[16]

Посвящение

Тебе – но голос музыки темной
Коснется ль уха твоего?
Поймешь ли ты душою скромной
Стремленья сердца моего?
Иль посвящение поэта,
Как некогда его любовь,
Перед тобою без ответа
Пройдет, непризнанное вновь?

Узнай по крайней мере звуки,
Бывало, милые тебе –
И думай, что во дни разлуки,
В моей изменчивой судьбе,

Твоя печальная пустыня,
Последний звук твоих речей
Одно сокровище, святыня,
Одна любовь души моей.

Песнь первая

*Богат и славен Кочубей[17].
Его луга необозримы;
Там табуны его коней
Пасутся вольны, нехранимы.
Кругом Полтавы хутора[18]
Окружены его садами,
И много у него добра,
Мехов, атласа, серебра
И на виду и под замками.
Но Кочубей богат и горд
Не долгогривыми конями,
Не златом, данью крымских орд,
Не родовыми хуторами,
Прекрасной дочерью своей
Гордится старый Кочубей[19].*

*И то сказать: в Полтаве нет
Красавицы, Марии равной.
Она свежа, как вешний цвет,
Взлелеянный в тени дубравной.
Как тополь киевских высот,
Она стройна. Ее движенья*

То лебедя пустынных вод
Напоминают плавный ход,
То лани быстрые стремленья.
Как пена, грудь ее бела.
Вокруг высокого чела,
Как тучи, локоны чернеют.
Звездой блестят ее глаза;
Ее уста, как роза, рдеют.
Но не единая краса
(Мгновенный цвет!) молвою шум-
ной
В младой Марии почтена:
Везде прославилась она
Девницей скромной и разумной.
За то завидных женихов
Ей шлет Украина и Россия;
Но от венца, как от оков,
Бежит пугливая Мария.
Всем женихам отказ – и вот
За ней сам гетман сватов шлет
[20].

Он стар. Он удручен годами,
Войной, заботами, трудами;
Но чувства в нем кипят, и вновь
Мазепа ведает любовь.

Мгновенно сердце молодое

Горит и гаснет. В нем любовь
Проходит и приходит вновь,
В нем чувство каждый день иное:
Не столь послушно, не слегка,
Не столь мгновенными страстями
Пылает сердце старика,
Окаменелое годами.
Упорно, медленно оно
В огне страстей раскалено;
Но поздний жар уж не остынет
И с жизнью лишь его покинет.
Не серна под утес уходит,
Орла послыша тяжкий лет;
Одна в сених невеста бродит,
Трепещет и решенья ждет.

И, вся полна негодованьем,
К ней мать идет и, с содроганьем
Схватив ей руку, говорит:
«Бесстыдный! старец нечестивый!
Возможно ль?.. нет, пока мы живы,
Нет! он греха не совершит.
Он, должный быть отцом и другом
Невинной крестницы своей...

Безумец! на закате дней
Он вздумал быть ее супругом».
Мария вздрогнула. Лицо
Покрыла бледность гробовая,
И, охладев как неживая,
Упала дева на крыльцо.

Она опомнилась, но снова
Закрыла очи – и ни слова
Не говорит. Отец и мать
Ей сердце ищут успокоить,
Боязнь и горестъ разогнать,
Тревогу смутных дум устроить...
Напрасно. Целые два дня,
То молча плача, то стенья,
Мария не пила, не ела,
Шатаясь, бледная как тень,
Не зная сна. На третий день
Ее светлица опустела.

Никто не знал, когда и как
Она сокрылась. Лишь рыбак
Той ночью слышал конский топот,
Казачью речь и женский шепот,
И утром след осьми подков
Был виден на росе лугов.

Не только первый пух ланит
Да русы кудри молодые,
Порой и старца строгий вид,
Рубцы чела, власы седые
В воображенье красоты
Влагают страстные мечты.

И вскоре слуха Кочубея
Коснулась роковая весть:
Она забыла стыд и честь,
Она в объятиях злодея!
Какой позор! Отец и мать
Молву не смеют понимать.
Тогда лишь истина явилась
С своей ужасной наготой.
Тогда лишь только объяснилась
Душа преступницы молодой.
Тогда лишь только стало явно,
Зачем бежала своенравно
Она семейственных оков,
Томилась тайно, вздыхала
И на приветы женихов
Молчаньем гордым отвечала;
Зачем так тихо за столом
Она лишь гетману внимала,
Когда беседа ликовала
И чаша пенилась вином;
Зачем она всегда певала

Те песни, кои он слагал,
Когда он беден был и мал,
Когда молва его не знала;
Зачем с неженскою душой
Она любила конный строй,
И бранный звон литавр, и клики
Пред бунчуком и булавой
Малороссийского владыки...[21]

Богат и знатен Кочубей.
Довольно у него друзей.
Свою омыть он может славу.
Он может возмутить Полтаву;
Внезапно средь его дворца
Он может мщением отца
Постигнуть гордого злодея;
Он может верною рукой
Вонзить... но замысел иной
Волнует сердце Кочубея.

Была та смутная пора,
Когда Россия молодая,
В бореньях силы напрягая,
Мужала с гением Петра.
Суровый был в науке славы
Ей дан учитель: не один
Урок нежданый и кровавый
Задал ей шведский паладин.

Но в искушеньях долгой кары,
Перетерпев судеб удары,
Окрепла Русь. Так тяжкий млат,
Дробя стекло, кует булат.

Венчаный славой бесполезной,
Отважный Карл скользил
над бездной.

Он шел на древнюю Москву,
Взметая русские дружины,
Как вихорь гонит прах долины
И клонит пыльную траву.
Он шел путем, где след оставил
В дни наши новый, сильный враг,
Когда падением ославил
Муж рока свой попятный шаг[22].

Украина глухо волновалась.
Давно в ней искра разгоралась.
Друзья кровавой старины
Народной чаяли войны,
Роптали, требуя кичливо,
Чтоб гетман узы их расторг,
И Карла ждал нетерпеливо
Их легкомысленный восторг.
Вокруг Мазепы раздавался
Мятежный крик: пора, пора!
Но старый гетман оставался

Послушным подданным Петра.
Храня суровость обычайну,
Спокойно ведал он Украйну,
Молве, казалось, не внимал
И равнодушно пировал.

«Что ж гетман? – юноши твер-
дили, –
Он изнемог; он слишком стар;
Труды и годы угасили
В нем прежний, деятельный жар.
Зачем дрожащею рукою
Еще он носит булаву?
Теперь бы грянуть нам войною
На ненавистную Москву!
Когда бы старый Дорошенко[23],
Иль Самойлович молодой[24],
Иль наш Палей, иль Гордеенко[25]
Владели силой войсковою;
Тогда б в снегах чужбины дальней
Не погибали казаки,
И Малороссии печальной
Освобождались уж полки».

Так, своеволием пылая,
Роптала юность удалая,
Опасных алча перемен,
Забыв отчизны давний плен,

Богдана счастливые споры,
Святые брани, договоры
И славу дедовских времен.
Но старость ходит осторожно
И подозрительно глядит.
Чего нельзя и что возможно,
Еще не вдруг она решит.
Кто снидет в глубину морскую,
Покрытую недвижно льдом?
Кто испытующим умом
Проникнет бездну роковую
Души коварной? Думы в ней,
Плоды подавленных страстей,
Лежат погружены глубоко,
И замысел давнишних дней,
Быть может, зреет одиноко.
Как знать? Но чем Мазепа злей,
Чем сердце в нем хитрей и лож-
ней,
Тем с виду он неосторожней
И в обхождении простей.
Как он умеет самовластно
Сердца привлечь и разгадать,
Умами править безопасно,
Чужие тайны разрешать!
С какой доверчивостью лживой,
Как добродушно на пирах
Со старцами старик болтливый,

Жалеет он о прошлых днях,
Свободу славит с своевольным,
Поносит власти с недовольным,
С ожесточенным слезы льет,
С глупцом разумну речь ведет!
Не многим, может быть, известно,
Что дух его неукротим,
Что рад и честно и бесчестно
Вредить он недругам своим;
Что ни единой он обиды
С тех пор как жив не забывал,
Что далеко преступны виды
Старик надменный простирал;
Что он не ведает святыни,
Что он не помнит благостыни,
Что он не любит ничего,
Что кровь готов он лить, как воду,
Что презирает он свободу,
Что нет отчизны для него.

Издавна умысел ужасный
Взлелеял тайно злой старик
В душе своей. Но взор опасный,
Враждебный взор его проник.

«Нет, дерзкий хищник, нет, губи-

тель! –

Скрежеща мыслит Кочубей, –
Я пощажу твою обитель,
Темницу дочери моей;
Ты не истлеешь средь пожара,
Ты не издохнешь от удара
Казачей сабли. Нет, злодей,
В руках московских палачей,
В крови, при тщетных отрица-
ниях,
На дыбе, корчась в истязаньях,
Ты проклянешь и день и час,
Когда ты дочь крестил у нас,
И пир, на коем чести чашу
Тебе я полну наливал,
И ночь, когда голубку нашу
Ты, старый коршун, заклевал!..»

Так! было время: с Кочубеем
Был друг Мазепа; в оны дни,
Как солью, хлебом и елеем,
Делились чувствами они.
Их кони по полям победы
Скакали рядом сквозь огни;
Нередко долгие беседы
Наедине вели они –
Пред Кочубеем гетман скрытный
Души мятежной, ненасытной

Отчасти бездну открывал
И о грядущих измененьях,
Переговорах, возмущеньях
В речах неясных намекал.
Так, было сердце Кочубея
В то время предано ему.
Но, в горькой злобе свирепея,
Теперь позыву одному
Оно послушно; он голубит
Едину мысль и день и ночь:
Иль сам погибнет, иль погубит –
Отмстит поруганную дочь.

Но предприимчивую злобу
Он крепко в сердце затаил.
«В бессильной горести, ко гробу
Теперь он мысли устремил.
Он зла Мазепе не желает;
Всему виновна дочь одна,
Но он и дочери прощает:
Пусть богу даст ответ она,
Покрыв семью свою позором,
Забыв и небо и закон...»

А между тем орлиным взором
В кругу домашнем ищет он
Себе товарищей отважных,
Неколебимых, непродажных.

Во всем открылся он жене[26]:
Давно в глубокой тишине
Уже донос он грозный копит,
И, гнева женского полна,
Нетерпеливая жена
Супруга злобного торопит.
В тиши ночей, на ложе сна,
Как некой дух, ему она
О мщеньи шепчет, укоряет,
И слезы льет, и ободряет,
И клятвы требует – и ей
Клянется мрачный Кочубей.
Удар обдуман. С Кочубеем
Бесстрашный Искра ¹⁴ заодно.
И оба мыслят: «Одолеем;
Врага паденье решено.
Но кто ж, усердьем пламенея,
Ревнуя к общему добру,
Донос на мощного злодея
Предубежденному Петру
К ногам положит, не робея?»

Между полтавских казаков,
Презренных девою несчастной,
Один с младенческих годов
Ее любил любовью страстной.
Вечерней, утренней порой,
На берегу реки родной,

*В тени украинских черешен,
Бывало, он Марию ждал,
И ожиданием страдал,
И краткой встречей был утешен.
Он без надежд ее любил,
Не докучал он ей мольбою:
Отказа б он не пережил.
Когда наехали толпою
К ней женихи, из их рядов
Уныл и сир он удалился.
Когда же вдруг меж казаков
Позор Мариин огласился
И беспощадная молва
Ее со смехом поразила,
И тут Мария сохранила
Над ним привычные права.
Но если кто хотя случайно
Пред ним Мазепу называл,
То он бледнел, терзаясь тайно,
И взоры в землю опускал.*

.....

*Кто при звездах и при луне
Так поздно едет на коне?
Чей это конь неутомимый
Бежит в степи необозримой?*

Казак на север держит путь,

Казак не хочет отдохнуть
Ни в чистом поле, ни в дубраве,
Ни при опасной переправе.

Как стекло булат его блестит,
Мешок за пазухой звенит,
Не спотыкаясь, конь ретивый
Бежит, размахивая гривой.

Червонцы нужны для гонца,
Булат потеха молодца,
Ретивый конь потеха тоже –
Но шапка для него дорожке.

За шапку он оставить рад
Коня, червонцы и булат,
Но выдаст шапку только с бою,
И то лишь с буйной головою.

Зачем он шапкой дорожит?
Затем, что в ней донос зашит,
Донос на гетмана злодея
Царю Петру от Кочубея.

Грозы не чуя между тем,
Неужасаемый ничем,
Мазепа козни продолжает.
С ним полномощный езуит[27]

Мятеж народный учреждает
И шаткой трон ему сулит.
Во тьме ночной они как воры
Ведут свои переговоры,
Измену ценят меж собой,
Слагают цифр универсалов[28],
Торгуют царской головой,
Торгуют клятвами вассалов.
Какой-то нищий во дворец
Неведомо отколе ходит,
И Орлик[29], гетманов делец,
Его приводит и выводит.
Повсюду тайно сеют яд
Его подосланные слуги:
Там на Дону казачьи круги
Они с Булавиным[30] мутят;
Там будят диких орд отвагу;
Там за порогами Днепра
Стращают буйную ватагу
Самодержавием Петра.
Мазепа всюду взор кидает
И письма шлет из края в край:
Угрозой хитрой подымает
Он на Москву Бахчисарай.
Король ему в Варшаве внемлет,
В стенах Очакова паша,
Во стане Карл и царь. Не дремлет
Его коварная душа;

Он, думой думу развивая,
Верней готовит свой удар;
В нем не слабеет воля злая,
Неутомим преступный жар.

Но как он вздрогнул, как воспрянул,
Когда пред ним незапно грянул
Упадный гром! когда ему,
Врагу России самому,
Вельможи русские послали[31]
В Полтаве писанный донос
И вместо праведных угроз,
Как жертве, ласки расточали;
И озабоченный войной,
Гнушаясь мнимой клеветой,
Донос оставя без вниманья,
Сам царь Иуду утешал
И злобу шумом наказанья
Смирить надолго обещал!
Мазепа, в горести притворной,
К царю возносит глас покорный.
«И знает бог, и видит свет:
Он, бедный гетман, двадцать лет
Царю служил душою верной;
Его щедротою безмерной
Осыпан, дивно вознесен...
О, как слепа, безумна злоба!..

Ему ль теперь у двери гроба
Начать учение измен
И потемнять благую славу?
Не он ли помощь Станиславу[32]
С негодованьем отказал,
Стыдясь, отверг венец Украины,
И договор и письма тайны
К царю, по долгу, отослал?
Не он ли наушеньям хана[33]
И цареградского салтана
Был глух? Усердием горя,
С врагами белого царя
Умом и саблей рад был спорить,
Трудов и жизни не жалел,
И ныне злобный недруг смел
Его седины опозорить!
И кто же? Искра, Кочубей!
Так долго быв его друзьями!..»
И с кровожадными слезами,
В холодной дерзости своей,
Их казни требует злодей...[34]
Чьей казни?.. старец непреклон-
ный!
Чья дочь в объятиях его?
Но хладно сердца своего
Он заглушает ропот сонный.
Он говорит: «В неравный спор
Зачем вступает сей безумец?

Он сам, надменный вольнодумец,
Сам точит на себя топор.
Куда бежит, зажавши вежды?
На чем он основал надежды?
Или... но дочери любовь
Главы отцовской не искупит.
Любовник гетману уступит,
Не то моя прольется кровь».

Мария, бедная Мария,
Краса черкасских дочерей!
Не знаешь ты, какого змия
Ласкаешь на груди своей.
Какой же властью непонятной
К душе свирепой и развратной
Так сильно ты привлечена?
Кому ты в жертву отдана?
Его кудрявые седины,
Его глубокие морщины,
Его блестящий, впалый взор,
Его лукавый разговор
Тебе всего, всего дороже:
Ты мать забыть для них могла,
Соблазном постланное ложе
Ты отчей сени предпочла.
Своими чудными очами
Тебя старик заморозил,
Своими тихими речами

*В тебе он совесть усыпил;
Ты на него с благоговеньем
Возводишь ослепленный взор,
Его лелеешь с умиленьем –
Тебе приятен твой позор,
Ты им, в безумном упоенье,
Как целомудрием горда –
Ты прелесть нежную стыда
В своем утратила паденье...*

*Что стыд Марии? что молва?
Что для нее мирские пени,
Когда склоняется в колени
К ней старца гордая глава,
Когда с ней гетман забывает
Судьбы своей и труд и шум,
Иль тайны смелых, грозных дум
Ей, деве робкой, открывает?
И дней невинных ей не жаль,
И душу ей одна печаль
Порой, как туча, затмевает:
Она унылых пред собой
Отца и мать воображает;
Она, сквозь слезы, видит их
В бездетной старости, одних,
И, мнится, пеням их внимает...
О, если б ведала она,
Что уж узнала вся Украина!*

*Но от нее сохранена
Еще убийственная тайна.*

Песнь вторая

*Мазепа мрачен. Ум его
Смущен жестокими мечтами.
Мария нежными очами
Глядит на старца своего.
Она, обняв его колени,
Слова любви ему твердит.
Напрасно: черных помышлений
Ее любовь не удалит.
Пред бедной девой с невниманьем
Он хладно потупляет взор
И ей на ласковый укор
Одним ответствует молчаньем.
Удивлена, оскорблена,
Едва дыша, встает он
И говорит с негодованьем:*

*«Послушай, гетман: для тебя
Я позабыла все на свете.
Навек однажды полюбя,
Одно имела я в предмете:
Твою любовь. Я для нее
Сгубила счастье мое,
Но ни о чем я не жалею...
Ты помнишь: в страшной тишине,*

*В ту ночь, как стала я твоею,
Меня любить ты клялся мне.
Зачем же ты меня не любишь?»*

Мазепа

*Мой друг, несправделива ты.
Оставь безумные мечты;
Ты подозреньем сердце губишь:
Нет, душу пылкую твою
Волнуют, ослепляют страсти.
Мария, верь: тебя люблю
Я больше славы, больше власти.*

Мария

*Неправда: ты со мной хитришь.
Давно ль мы были неразлучны?
Теперь ты ласк моих бежишь;
Теперь они тебе докучны;
Ты целый день в кругу старшин,
В пирах, разъездах – я забыта;
Ты долгой ночью иль один,
Иль с нищим, иль у езуита;
Любовь смиренная моя
Встречает хладную суровость.
Ты пил недавно, знаю я,
Здоровье Дульской. Это новость;
Кто эта Дульская?*

Мазепа

*И ты
Ревнива? Мне ль, в мои лета
Искать надменного привета
Самолюбивой красоты?
И стану ль я, старик суровый,
Как праздный юноша, вздыхать,
Влачить позорные оковы
И жен притворством искушать?*

Мария

*Нет, объяснись без отговорок
И просто, прямо отвечай.*

Мазепа

*Покой души твоей мне дорог,
Мария; так и быть: узнай.*

*Давно замыслили мы дело;
Теперь оно кипит у нас.
Благое время нам пришло;
Борьбы великой близок час.
Без милой вольности и славы
Склоняли долго мы главы
Под покровительством Варшавы,
Под самовластием Москвы.
Но независимой державой
Украине быть уже пора:
И знамя вольности кровавой*

*Я поднимаю на Петра.
Готово всё: в переговорах
Со мною оба короля;
И скоро в смутах, в бранных спо-
рах,
Быть может, трон воздвигну я.
Друзей надежных я имею:
Княгиня Дульская и с нею
Мой езуит, да нищий сей
К концу мой замысел приводят.
Через руки их ко мне доходят
Наказы, письма королей.
Вот важные тебе признанья.
Довольна ль ты? Твои мечтанья
Рассеяны ль?*

Мария

*О милый мой,
Ты будешь царь земли родной!
Твоим сединам как пристанет
Корона царская!*

Мазепа

*Постой.
Не все свершилось. Буря грянет;
Кто может знать, что ждет ме-
ня?*

Мария

*Я близ тебя не знаю страха –
Ты так могущ! О, знаю я:
Трон ждет тебя.*

Мазепа

А если плаха?..

Мария

*С тобой на плаху, если так.
Ах, пережить тебя могу ли?
Но нет: ты носишь власти знак.*

Мазепа

Меня ты любишь?

Мария

Я! люблю ли?

Мазепа

*Скажи: отец или супруг
Тебе дороже?*

Мария

*Милый друг,
К чему вопрос такой? Тревожит
Меня напрасно он. Семью
Стараюсь я забыть мою.
Я стала ей в позор; быть может*

*(Какая страшная мечта!),
Моим отцом я проклята,
А за кого?*

Мазепа

*Так я дорожке
Тебе отца? Молчишь...*

Мария

О боже!

Мазепа

Что ж? отвечай.

Мария

Реши ты сам.

Мазепа

*Послушай: если было б нам,
Ему иль мне, погибнуть надо,
А ты бы нам судьей была,
Кого б ты в жертву принесла,
Кому бы ты была ограда?*

Мария

*Ах, полно! сердце не смущай!
Ты искуситель.*

Мазепа

Отвечай!

Мария

*Ты бледен; речь твоя сурова...
О, не сердись! Всем, всем готова
Тебе я жертвовать, поверь;
Но страшны мне слова такие.
Довольно.*

Мазепа

*Помни же, Мария,
Что ты сказала мне теперь.*

*Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звезды блещут.
Своей дремоты превозмочь
Не хочет воздух. Чуть трепещут
Сребристых тополей листья.
Луна спокойно с высоты
Над Белой Церковью сияет
И пышных гетманов сады,
И старый замок озаряет.
И тихо, тихо всё кругом;
Но в замке шепот и смятенье.
В одной из башен, под окном,
В глубоком, тяжком размышле-
нье,*

Окован, Кочубей сидит
И мрачно на небо глядит.

Заутра казнь. Но без боязни
Он мыслит об ужасной казни;
О жизни не жалеет он.
Что смерть ему? желанный сон.
Готов он лечь во гроб кровавый.
Дрема долит. Но, боже правый!
К ногам злодея, молча, пасть
Как бессловесное созданье,
Царем быть отдану во власть
Врагу царя на поруганье,
Утратить жизнь – и с нею честь,
Друзей с собой на плаху весть,
Над гробом слышать их прокля-
тья,
Ложась безвинным под топор,
Врага веселый встретить взор
И смерти кинуться в объятья,
Не завещая никому
Вражды к злодею своему!..

И вспомнил он свою Полтаву,
Обычный круг семьи, друзей,
Минувших дней богатство, славу,
И песни дочери своей,
И старый дом, где он родился,

Где знал и труд и мирный сон,
И всё, чем в жизни наслаждался,
Что добровольно бросил он,
И для чего? –

Но ключ в заржавом
Замке гремит – и, пробужден,
Несчастный думает: вот он!
Вот на пути моем кровавом
Мой вождь под знаменем креста,
Грехов могущий разрешитель,
Духовной скорби врач, служитель
За нас распятого Христа,
Его святую кровь и тело
Принесший мне, да укреплюсь,
Да приступлю ко смерти смело
И жизни вечной приобщусь!

И с сокрушением сердечным
Готов несчастный Кочубей
Перед всесильным, бесконечным
Излить тоску мольбы своей.
Но не отшельника святого,
Он гостя узнает иного:
Свирепый Орлик перед ним.
И, отвращением томим,
Страдалец горько вопрошает:
«Ты здесь, жестокой человек?»

*Зачем последний мой ночлег
Еще Мазепа возмущает?»*

Орлик

Допрос не кончен: отвечай.

Кочубей

*Я отвечал уже: ступай,
Оставь меня.*

Орлик

*Еще признанья
Пан гетман требует.*

Кочубей

*Но в чем?
Давно сознался я во всем,
Что вы хотели. Показанья
Мои все ложны. Я лукав,
Я строю козни. Гетман прав.
Чего вам более?*

Орлик

*Мы знаем,
Что ты несчетно был богат;
Мы знаем: не единый клад
Тобой в Диканьке[35] укрываем.
Свершиться казнь твоя должна;*

*Твое имение сполна
В казну поступит войсковую –
Таков закон. Я указую
Тебе последний долг: открой,
Где клады, скрытые тобой?*

Кочубей

*Так, не ошиблись вы: три клада
В сей жизни были мне отрада.
И первый клад мой честь была,
Клад этот пытка отняла;
Другой был клад невозвратимый
Честь дочери моей любимой.
Я день и ночь над ним дрожал:
Мазепа этот клад украл.
Но сохранил я клад последний,
Мой третий клад: святую месть.
Ее готовлюсь богу снести.*

Орлик

*Старик, оставь пустые бредни:
Сегодня покидая свет,
Питайся мыслию суровой.
Шутить не время. Дай ответ,
Когда не хочешь пытки новой:
Где спрятал деньги?*

Кочубей

Злой холоп!
Окончишь ли допрос нелепый?
Повремени: дай лечь мне в гроб,
Тогда ступай себе с Мазепой
Мое наследие считать
Окровавленными перстами,
Мои подвалы разрывать,
Рубить и жечь сады с домами.
С собой возьмите дочь мою;
Она сама вам всё расскажет,
Сама все клады вам укажет;
Но ради господа молю,
Теперь оставь меня в покое.

Орлик

Где спрятал деньги? укажи.
Не хочешь? – Деньги где? скажи,
Иль выйдет следствие плохое.
Подумай: место нам назначь.
Молчишь? – Ну, в пытку. Гей, па-
лач![36]
Палач вошел...
О ночь мучений!
Но где же гетман? где злодей?
Куда бежал от угрызений
Змеиной совести своей?
В светлице девы усыпленной,
Еще незнанием блаженной,

Близь ложа крестницы молодой
Сидит с поникшею главою
Мазепа тихий и угрюмый.
В его душе проходят думы,
Одна другой мрачней, мрачней.
«Умрет безумный Кочубей;
Спассти нельзя его. Чем ближе
Цель гетмана, тем тверже он
Быть должен властью облечен,
Тем перед ним склоняться ниже
Должна вражда. Спасенья нет:
Доносчик и его клевет
Умрут». Но, брося взор на ложе,
Мазепа думает: «О боже!
Что будет с ней, когда она
Услышит слово роковое?
Досель она еще в покое –
Но тайна быть сохранена
Не может долее. Секира,
Упав поутру, загремит
По всей Украине. Голос мира
Вокруг нее заговорит!..
Ах, вижу я: кому судьбою
Волненья жизни суждены,
Тот стой один перед грозой,
Не призывай к себе жены.
В одну телегу впрячь невозможно
Коня и трепетную лань.

Забылся я неосторожно:
Теперь плачу безумства дань...
Всё, что цены себе не знает,
Всё, всё, чем жизнь мила бывает,
Бедняжка принесла мне в дар,
Мне, старцу мрачному, – и что
же?

Какой готовлю ей удар!»
И он глядит: на тихом ложе
Как сладок юности покой!
Как сон ее лелеет нежно!
Уста раскрылись; безмятежно
Дыханье груди молодой;
А завтра, завтра... содрогаясь,
Мазена отвращает взгляд,
Встает и, тихо пробираясь,
В уединенный сходит сад.

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звезды блещут.
Своей дремоты превозмочь
Не хочет воздух. Чуть трепещут
Сребристых тополей листья.
Но мрачны странненькие мечты
В душе Мазены: звезды ночи,
Как обвинительные очи,
За ним насмешливо глядят.
И тополи, стеснившись в ряд,

Качая тихо головою,
Как судьи, шепчут меж собою.
И летней, теплой ночи тьма
Душна как черная тюрьма.

Вдруг... слабый крик... невнятный
стон

Как бы из замка слышит он.
То был ли сон вообразенья,
Иль плач совы, иль зверя вой,
Иль пытки стон, иль звук иной –
Но только своего волненья
Преодолеть не мог старик
И на протяжный слабый крик
Другим ответствовал – тем кри-
ком,
Которым он в веселье диком
Поля сраженья оглашал,
Когда с Забелой, с Гамалеем,
И – с ним... и с этим Кочубеем
Он в бранном пламени скакал.

Зари багряной полоса
Объемлет ярко небеса.
Блеснули доли, холмы, нивы,
Вершины роц и волны рек.
Раздался утра шум игривый,
И пробудился человек.

Еще Мария сладко дышит,
Дремой объятая, и слышит
Сквозь легкой сон, что кто-то к
ней

Вошел и ног ее коснулся.
Она проснулась – но скорей
С улыбкой взор ее сомкнулся
От блеска утренних лучей.
Мария руки протянула
И с негой томною шепнула:
«Мазепа, ты?..» Но голос ей
Иной отвечает... о боже!
Вздвогнув, она глядит... и что
же?
Пред нею мать...

Мать

Молчи, молчи;
Не погуби нас: я в ночи
Сюда прокралась осторожно
С единой, слезною мольбой.
Сегодня казнь. Тебе одной
Свирепство их смягчить возмож-
но.
Спаси отца.

Дочь, в ужасе

Какой отец?

Какая казнь?

Мать

Иль ты доньне
Не знаешь?.. нет! ты не в пусты-
не,
Ты во дворце; ты знать должна,
Как сила гетмана грозна,
Как он врагов своих карает,
Как государь ему внимает...
Но вижу: скорбную семью
Ты отвергаешь для Мазепы;
Тебя я сонну застаю,
Когда свершают суд свирепый,
Когда читают приговор,
Когда готов отцу топор...
Друг другу, вижу, мы чужие...
Опомнись, дочь моя! Мария,
Беги, пади к его ногам,
Спаси отца, будь ангел нам:
Твой взгляд злодеям руки свяжет,
Ты можешь их топор отвести.
Рвись, требуй – гетман не отка-
жет:
Ты для него забыла честь,
Родных и бога.

Дочь

Что со мною?
Отец... Мазепа... казнь – с моль-
бою
Здесь, в этом замке мать моя –
Нет, иль ума лишилась я,
Иль это грезы.

Мать

Бог с тобою,
Нет, нет – не грезы, не мечты.
Ужель еще не знаешь ты,
Что твой отец ожесточенный
Бесчестья дочери не снес
И, жаждой мести увлеченный,
Царю на гетмана донес...
Что в истязаниях кровавых
Сознался в умыслах лукавых,
В стыде безумной клеветы,
Что, жертва смелой правоты,
Врагу он выдан головою,
Что пред громадой войсковою,
Когда его не осенит
Десница вышняя господня,
Он должен быть казнен сегодня,
Что здесь покаместь он сидит
В тюремной башне.

Дочь

Боже, боже!..
Сегодня! – бедный мой отец!

И дева падает на ложе,
Как хладный падает мертвец.

Пестреют шапки. Копья блещут.
Бьют в бубны. Скачут сердюки
[37].

В строях ровняются полки.
Толпы кипят. Сердца трепещут.
Дорога, как змеиный хвост,
Полна народу, шевелится.
Средь поля роковой намост.
На нем гуляет, веселится
Палач и алчно жертвы ждет:
То в руки белые берет,
Играючи, топор тяжелый,
То шутит с чернию веселой.
В гремящий говор всё слилось:
Крик женской, брань, и смех, и ро-
пот.
Вдруг восклицанье раздалось,
И смолкло всё. Лишь конской то-
пот
Был слышен в грозной тишине.
Там, окруженный сердюками,
Вельможный гетман с старши-

нами

Скакал на вороном коне.

А там по киевской дороге

Телега ехала. В тревоге

Все взоры обратили к ней.

В ней, с миром, с небом примирен-
ный,

Могущей верой укрепленный,

Сидел безвинный Кочубей,

С ним Искра тихий, равнодушный,

Как агнец, жребию послушный.

Телега стала. Раздалось

Моление ликов громогласных.

С кадил куренье поднялось.

За упокой души несчастных

Безмолвно молится народ,

Страдальцы за врагов. И вот

Идут они, взошли. На плаху,

Крестясь, ложится Кочубей.

Как будто в гробе, тьмы людей

Молчат. Топор блеснул с размаху,

И отскочила голова.

Все поле охнуло. Другая

Катится вслед за ней, мигая.

Зарделась кровию трава –

И, сердцем радуясь во злобе,

Палач за чуб поймал их обе

И напряженною рукой

Потряс их обе над толпой.

Свершилась казнь. Народ беспечный

Идет, рассыпавшись, домой

И про свои заботы вечны

Уже толкует меж собой.

Пустеет поле понемногу.

Тогда чрез пеструю дорогу

Перебежали две жены.

Утомлены, запылены,

Они, казалось, к месту казни

Спешили, полные боязни.

«Уж поздно», – кто-то им сказал

И в поле перстом указал.

Там роковой намоет ломали,

Молился в черных ризах поп,

И на телегу подымали

Два казака дубовый гроб.

Один пред конною толпой

Мазепа, грозен, удалялся

От места казни. Он терзался

Какой-то страшной пустотой.

Никто к нему не приблизился,

Не говорил он ничего;

Весь в пене мчался конь его.

Домой приехав, «что Мария?»

Спросил Мазепа. Слышит он
Ответы робкие, глухие...
Невольным страхом поражен,
Идет он к ней; в светлицу входит:
Светлица тихая пуста –
Он в сад, и там смятенный бродит;
Но вокруг широкого пруда,
В кустах, вдоль сеней безмятежных
Все пусто, нет нигде следов –
Ушла! – Зовет он слуг надежных,
Своих проворных сердюков.
Они бегут. Храпят их кони –
Раздался дикий клик погони,
Верхом – и скачут молодцы
Во весь опор во все концы.

Бегут мгновенья дорогие.
Не возвращается Мария.
Никто не ведал, не слышал,
Зачем и как она бежала...
Мазепа молча скрежетал.
Затихнув, челядь трепетала.
В груди кипучий яднося,
В светлице гетман заперся.
Близ ложа там во мраке ночи
Сидел он, не смыкая очи,

Нездешней мукою томим.
Поутру посланные слуги
Один явились за другим.
Чуть кони двигались. Подпруги,
Подковы, узды, чепраки,
Все было пеною покрыто,
В крови, растеряно, избито –
Но ни один ему принести
Не мог о бедной деве весть.
И след ее существованья
Пропал как будто звук пустой,
И мать одна во мрак изгнанья
Умчала горе с нищетой.

Песнь третья

Души глубокая печаль
Стремиться дерзновенно в даль
Вождю Украйны не мешает.
Твердея в умысле своем,
Он с гордым шведским королем
Свои сношенья продолжает.
Меж тем, чтоб обмануть верней
Глаза враждебного сомненья,
Он, окружась толпой врачей,
На ложе мнимого мученья
Стоная молит исцеленья.
Плоды страстей, войны, трудов,
Болезни, дряхлость и печали,

Предтечи смерти, приковали
Его к одру. Уже готов
Он скоро бранный мир оставить;
Святой обряд он хочет править,
Он архипастыря зовет
К одру сомнительной кончины,
И на коварные седины
Елей таинственный течет.

Но время шло. Москва напрасно
К себе гостей ждала всечасно,
Средь старых, вражеских могил
Готовя шведам тризну тайну.
Незапно Карл поворотил
И перенес войну в Украину.

И день настал. Встает с одра
Мазепа, сей страдалец хилый,
Сей труп живой, еще вчера
Стонавший слабо над могилой.
Теперь он мощный враг Петра.
Теперь он, бодрый, пред полками
Сверкает гордыми очами
И саблей машет – и к Десне
Проворно мчится на коне.
Согбенный тяжело жизнью ста-
рой,
Так оный хитрый кардинал,

Венчавшись римскою тиарой,
И прям, и здоров, и молод стал.

И весть на крыльях полетела.
Украина смутно зашумела:
«Он перешел, он изменил,
К ногам он Карлу положил
Бунчук покорный». Пламя пышет,
Встает кровавая заря
Войны народной.

Кто опишет
Негодование, гнев царя?[38]
Гремит анафема в соборах;
Мазепы лик терзает кат[39].
На шумной раде, в вольных спорах
Другого гетмана творят.
С берегов пустынных Енисея
Семейства Искры, Кочубея
Поспешно призваны Петром.
Он с ними слезы проливает.
Он их, лаская, осыпает
И новой честью и добром.
Мазепы враг, наездник пылкий,
Старик Палей из мрака ссылки
В Украину едет в царский стан.
Трепещет бунт осиротелый.
На плахе гибнет Чечель[40] сме-

лый
И запорожский атаман.
И ты, любовник бранной славы,
Для шлема кинувший венец,
Твой близок день, ты вал Полтавы
Вдали завидел наконец.

И царь туда ж помчал дружины.
Они как буря притекли –
И оба стана средь равнины
Друг друга хитро облегли.
Не раз избитый в схватке смелой,
Заране кровью опьянелый,
С бойцом желанным наконец
Так грозный сходится боец.
И, злобясь, видит Карл могучий
Уж не расстроенные тучи
Несчастливых нарвских беглецов,
А нить полков блестящих, стройных,
Послушных, быстрых и спокойных,
И ряд незыблемый штыков.

Но он решил: завтра бой.
Глубокой сон во стане шведа.
Лишь под палаткою одной

Ведется шепотом беседа.

*«Нет, вижу я, нет, Орлик мой,
Поторопились мы некстати:
Расчет и дерзкой и плохой,
И в нем не будет благодати.
Пропала, видно, цель моя.
Что делать? Дал я промах важ-
ный:*

*Ошибся в этом Карле я.
Он мальчик бойкий и отважный;
Два-три сраженья разыграть,
Конечно, может он с успехом,
К врагу на ужин прискакать[41],
Ответствовать на бомбу сме-
хом[42];
Не хуже русского стрелка
Прокрасться в ночь ко вражью
стану;
Свалить как нынче казака
И обменять на рану рану[43];
Но не ему вести борьбу
С самодержавным великаном:
Как полк, вертеться он судьбу
Принудить хочет барабаном;
Он слеп, упрям, нетерпелив,
И легкомыслен, и кичлив,
Бог весть какому счастью верит;*

Он силы новые врага
Успехом прошлым только ме-
рит –
Сломить ему свои рога.
Стыжусь: воинственным бродя-
гой
Увлекся я на старость лет;
Был ослеплен его отвагой
И беглым счастьем побед,
Как дева робкая».

Орлик

Сраженья
Дождемся. Время не ушло
С Петром опять войти в сноше-
нья:
Еще поправить можно зло.
Разбитый нами, нет сомненья,
Царь не отвергнет примиренья.

Мазепа

Нет, поздно. Русскому царю
Со мной мириться невозможно.
Давно решила непреложно
Моя судьба. Давно горю
Стесненной злобой. Под Азовом
Однажды я с царем суровым
Во ставке ночью пировал:

Полны вином кипели чаши,
Кипели с ними речи наши.
Я слово смелое сказал.
Смутились гости молодые...
Царь, вспыхнув, чашу уронил
И за усы мои седые
Меня с угрозой ухватил.
Тогда, смирясь в бессильном гне-
ве,
Отмстить себе я клятву дал;
Носил ее – как мать во чреве
Младенца носит. Срок настал.
Так, обо мне воспоминанье
Хранить он будет до конца.
Петру я послан в наказанье;
Я терн в листах его венца:
Он дал бы грады родовые
И жизни лучшие часы,
Чтоб снова, как во дни былые,
Держать Мазепу за усы.
Но есть еще для нас надежды:
Кому бежать, решит заря.

Умолк и закрывает вежды
Изменник русского царя.

Горит восток зарею новой.
Уж на равнине, по холмам

Грохочут пушки. Дым багровый
Кругами всходит к небесам
Навстречу утренним лучам.
Полки ряды свои сомкнули.
В кустах рассыпались стрелки.
Катятся ядра, свищут пули;
Нависли хладные штыки.
Сыны любимые победы,
Сквозь огонь окопов рвутся шведы;
Волнуясь, конница летит;
Пехота движется за нею
И тяжелой твердостью своею
Ее стремление крепит.
И битвы поле роковое
Гремит, пылает здесь и там,
Но явно счастье боевое
Служить уж начинает нам.
Пальбой отбитые дружины,
Мешаясь, падают во прах.
Уходит Розен сквозь теснины;
Сдается пылкой Шлипенбах.
Тесним мы шведов рать за ра-
тью;
Темнеет слава их знамен,
И бога браней благодатью
Наш каждый шаг запечатлен.
Тогда-то свыше вдохновенный
Раздался звучный глас Петра:

«За дело, с богом!» Из шатра,
Толпой любимцев окруженный,
Выходит Петр. Его глаза
Сияют. Лик его ужасен.
Движенья быстры. Он прекрасен,
Он весь как божия гроза.
Идет. Ему коня подводят.
Ретив и смирен верный конь.
Почуя роковой огонь,
Дрожит. Глазами косо водит
И мчится в прахе боевом,
Гордясь могущим седоком.

Уж близок полдень. Жар пылает.
Как пахарь, битва отдыхает.
Кой-где гарцуют казаки.
Равняясь строятся полки.
Молчит музыка боевая.
На холмах пушки, присмирив,
Прервали свой голодный рев.
И се – равнину оглашая
Далече грянуло ура:
Полки увидели Петра.

И он промчался пред полками,
Могущ и радостен, как бой.
Он поле пожирал очами.
За ним вослед неслись толпой

Сии птенцы гнезда Петрова –
В временах жребия земного,
В трудах державства и войны
Его товарищи, сыны:
И Шереметев благородный,
И Брюс, и Боур, и Репнин,
И, счастья баловень безродный,
Полудержавный властелин.
И перед синими рядами
Своих воинственных дружин,
Несомый верными слугами,
В качалке, бледен, недвижим,
Страдая раной, Карл явился.
Вожди героя шли за ним.
Он в думу тихо погрузился.
Смущенный взор изобразил
Необычайное волнение.
Казалось, Карла приводил
Желанный бой в недоуменье...
Вдруг слабым манием руки
На русских двинул он полки.

И с ними царские дружины
Сошлись в дыму среди равнины:
И грянул бой, Полтавский бой!
В огне, под градом раскаленным,
Стеной живою отраженным,
Над падшим строем свежий

строй

*Штыки смыкает. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся с плеча.
Бросая груды тел на груду,
Шары чугунные повсюду
Меж ними прыгают, разят,
Прах роют и в крови шипят.
Швед, русский – колет, рубит, ре-
жет.
Бой барабанный, клики, скрежет,
Гром пушек, топот, ржанье,
стон,
И смерть и ад со всех сторон.*

*Среди тревоги и волненья
На битву взором вдохновенья
Вожди спокойные глядят,
Движенья ратные следят,
Предвидят гибель и победу
И в тишине ведут беседу.
Но близ московского царя
Кто воин сей под сединами?
Двумя поддержан казаками,
Сердечной ревностью горя,
Он оком опытным героя
Взирает на волненье боя.*

Уж на коня не вскочит он,
Одрях, в изгнанье сиротея,
И казаки на клич Палея
Не налетят со всех сторон!
Но что ж его сверкнули очи,
И гневом, будто мглою ночи,
Покрылось старое чело?
Что возмутить его могло?
Иль он, сквозь бранный дым, уви-
дел
Врага Мазепу, и в сей миг
Свои лета возненавидел
Обезоруженный старик?

Мазепа, в думу погруженный,
Взирал на битву, окруженный
Толпой мятежных казаков,
Родных, старшин и сердюков.
Вдруг выстрел. Старец обратил-
ся.
У Войнаровского в руках
Мушкетный ствол еще дымился.
Сраженный в нескольких шагах,
Младой казак в крови валялся,
А конь, весь в пене и пыли,
Почуя волю, дико мчался,
Скрываясь в огненной дали.
Казак на гетмана стремился

Сквозь битву с саблею в руках,
С безумной яростью в очах.
Старик, подъехав, обратился
К нему с вопросом. Но казак
Уж умирал. Потухший зрак
Еще грозил врагу России;
Был мрачен помертвелый лик,
И имя нежное Марии
Чуть лепетал еще язык.

Но близок, близок миг победы.
Ура! мы ломим; гнутся шведы.
О славный час! о славный вид!
Еще напор – и враг бежит[44].
И следом конница пустилась,
Убийством тупятся мечи,
И падшими вся степь покрылась,
Как роем черной саранчи.
Пирует Петр. И горд, и ясен,
И славы полон взор его.
И царской пир его прекрасен.
При кликах войска своего,
В шатре своем он угощает
Своих вождей, вождей чужих,
И славных пленников ласкает,
И за учителей своих
Заздравный кубок подымает.

Но где же первый, званый гость?
Где первый, грозный наш учитель,
Чью долговременную злость
Смирил полтавский победитель?
И где ж Мазепа? где злодей?
Куда бежал Иуда в страхе?
Зачем король не меж гостей?
Зачем изменник не на плахе?[45]

Верхом, в глуши степеней нагих,
Король и гетман мчатся оба.
Бегут. Судьба связала их.
Опасность близкая и злоба
Даруют силу королю.
Он рану тяжкую свою
Забыл. Поникнув головою,
Он скачет, русскими гоним,
И слуги верные толпою
Чуть могут следовать за ним.
Обозревая зорким взглядом
Степей широкой полукруг,
С ним старый гетман скачет рядом.
Пред ними хутор... Что же вдруг
Мазепа будто испугался?
Что мимо хутора помчался
Он стороной во весь опор?
Иль этот заустелый двор,

И дом, и сад уединенный,
И в поле отпертая дверь
Какой-нибудь рассказ забвенный
Ему напомнили теперь?
Святой невинности губитель!
Узнал ли ты сию обитель,
Сей дом, веселый прежде дом,
Где ты, вином разгоряченный,
Семьей счастливой окруженный,
Шутил, бывало, за столом?
Узнал ли ты приют укромный,
Где мирный ангел обитал,
И сад, откуда ночью тёмной
Ты вывел в степь... Узнал, узнал!

Ночные тени степь объемлют.
На бреге синего Днепра
Между скалами чутко дремлют
Враги России и Петра.
Щадят мечты покой героя,
Урон Полтавы он забыл.
Но сон Мазепы смутен был.
В нем мрачный дух не знал покоя.
И вдруг в безмолвии ночном
Его зовут. Он пробудился.
Глядит: над ним, грозя перстом,
Тихонько кто-то склонился.
Он вздрогнул, как под топором...

Пред ним с развитыми власами,
Сверкая впальми глазами,
Вся в рубище, худа, бледна,
Стоит, луной освещена...
«Иль это сон?.. Мария... ты ли?»

Мария

Ах, тише, тише, друг!.. Сейчас
Отец и мать глаза закрыли...
Постой... услышать могут нас.

Мазепа

Мария, бедная Мария!
Опомнись! Боже!.. Что с тобой?

Мария

Послушай: хитрости какие!
Что за рассказ у них смешной?
Она за тайну мне сказала,
Что умер бедный мой отец,
И мне тихонько показала
Седую голову – творец!
Куда бежать нам от злоречья?
Подумай: эта голова
Была совсем не человечья,
А волчья – видишь: какова!
Чем обмануть меня хотела!
Не стыдно ль ей меня пугать?

И для чего? чтоб я не смела
С тобой сегодня убежать!
Возможно ль?

С горестью глубокой
Любовник ей внимал жестокий.
Но, вихрю мыслей предана,
«Однако ж, – говорит она, –
Я помню поле... праздник шум-
ный...

И чернь... и мертвые тела...
На праздник мать меня вела...
Но где ж ты был?.. С тобою розно
Зачем в ночи скитаюсь я?
Пойдем домой. Скорей... уж позд-
но.

Ах, вижу, голова моя
Полна волнения пустого:
Я принимала за другого
Тебя, старик. Оставь меня.
Твой взор насмешлив и ужасен.
Ты безобразен. Он прекрасен:
В его глазах блестит любовь,
В его речах такая нега!
Его усы белее снега,
А на твоих засохла кровь!..»

И с диким смехом завизжала,

*И легче серны молодой
Она вспрыгнула, побежала
И скрылась в темноте ночной.*

*Редела тень. Восток алел.
Огонь казачий пламенел.
Пшеницу казаки варили;
Драбанты у берегу Днепра
Коней расседланных поили.
Проснулся Карл. «Ого! пора!
Вставай, Мазепа. Рассветает».
Но гетман уж не спит давно.
Тоска, тоска его снедает;
В груди дыханье стеснено.
И молча он коня седлает,
И скачет с беглым королем,
И страшно взор его сверкает,
С родным прощаясь рубежом.*

*Прошло сто лет – и что ж оста-
лось
От сильных, гордых сих мужей,
Столь полных волею страстей?
Их поколенье миновалось –
И с ним исчез кровавый след
Усилий, бедствий и побед.
В гражданстве северной державы,
В ее воинственной судьбе,*

Лишь ты воздвиг, герой Полтавы,
Огромный памятник себе.
В стране – где мельниц ряд кры-
латый
Оградой мирной обступил
Бендер пустынные раскаты,
Где бродят буйволы рогаты
Вокруг воинственных могил, –
Останки разоренной сени,
Три углубленные в земле
И мхом поросшие ступени
Гласят о шведском короле.
С них отражал герой безумный,
Один в толпе домашних слуг,
Турецкой рати приступ шумный,
И бросил шпагу под бунчук;
И тщетно там пришлец унылый
Искал бы гетманской могилы:
Забыв Мазепа с давних пор!
Лишь в торжествующей святыне
Раз в год анафемой доныне,
Грозя, гремит о нем собор.
Но сохранилась могила,
Где двух страдальцев прах почил:
Меж древних праведных могил
Их мирно церковь приютила[46].
Цветет в Диканьке древний ряд
Дубов, друзьями насажденных;

Они о праотцах казненных
Доньне внукам говорят.
Но дочь преступница... преданья
Об ней молчат. Ее страданья,
Ее судьба, ее конец
Непроницаемую тьмою
От нас закрыты. Лишь порою
Слепой украинский певец,
Когда в селе перед народом
Он песни гетмана бренчит,
О грешной деве мимоходом
Казачкам юным говорит.

1828

Медный всадник

Петербургская повесть

Предисловие

Происшествие, описанное в сей повести, основано на истине. Подробности наводнения заимствованы из тогдашних журналов. Любопытные могут справиться с известием, составленным *В. Н. Берхом*.

Вступление

*На берегу пустынных волн
Стоял он, дум великих полн,*

И вдаль глядел. Пред ним широко
Река неслася; бедный челн
По ней стремился одиноко.
По мшистым, топким берегам
Чернели избы здесь и там,
Приют убогого чухонца;
И лес, неведомый лучам
В тумане спрятанного солнца,
Кругом шумел.

И думал он:

Отсель грозить мы будем шведу,
Здесь будет город заложен
Назло надменному соседу.
Природой здесь нам суждено
В Европу прорубить окно[47],
Ногою твердой стать при море.
Сюда по новым им волнам
Все флаги в гости будут к нам,
И запируем на просторе.

Прошло сто лет, и юный град,
Полнощных стран краса и диво,
Из тьмы лесов, из топи блат
Вознесся пышно, горделиво;
Где прежде финский рыболов,
Печальный пасынок природы,
Один у низких берегов
Бросал в неведомые воды

Свой ветхой невод, ныне там
По оживленным берегам
Громады стройные теснятся
Дворцов и башен; корабли
Толпой со всех концов земли
К богатым пристаням стремят-
ся;

В гранит оделася Нева;
Мосты повисли над водами;
Темно-зелеными садами
Ее покрылись острова,
И перед младшею столицей
Померкла старая Москва,
Как перед новою царицей
Порфиноносная вдова.

Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный
вид,
Невы державное течение,
Береговой ее гранит,
Твоих оград узор чугунный,
Твоих задумчивых ночей
Прозрачный сумрак, блеск безлун-
ный,
Когда я в комнате моей
Пишу, читаю без лампады,
И ясны спящие громады

Пустынных улиц, и светла
Адмиралтейская игла,
И, не пуская тьму ночную
На золотые небеса,
Одна заря сменить другую
Спешит, дав ночи полчаса[48].
Люблю зимы твоей жестокой
Недвижный воздух и мороз,
Бег санок вдоль Невы широкой,
Девичьи лица ярче роз,
И блеск, и шум, и говор балов,
А в час пирушки холостой
Шипенье пенистых бокалов
И пунша пламень голубой.
Люблю воинственную живость
Потешных Марсовых полей,
Пехотных ратей и коней
Однообразную красоту,
В их стройно зыблемом строю
Лоскутья сих знамен победных,
Сиянье шапок этих медных,
Насквозь простреленных в бою.
Люблю, военная столица,
Твоей твердыни дым и гром,
Когда полнощная царица
Дарует сына в царской дом,
Или победу над врагом
Россия снова торжествует,

*Или, взломав свой синий лёд,
Нева к морям его несёт
И, чуя вешни дни, ликует.*

*Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо, как Россия,
Да умирится же с тобой
И побежденная стихия;
Вражду и плен старинный свой
Пусть волны финские забудут
И тщетной злобою не будут
Тревожить вечный сон Петра!*

*Была ужасная пора,
Об ней свежо воспоминанье...
Об ней, друзья мои, для вас
Начну свое повествованье.
Печален будет мой рассказ.*

Часть первая

*Над омраченным Петроградом
Дышал ноябрь осенним хладом.
Плеская шумною волной
В края своей ограды стройной,
Нева металась, как больной
В своей постеле беспокойной.
Уж было поздно и темно;
Сердито бился дождь в окно,*

И ветер дул, печально воя.
В то время из гостей домой
Пришел Евгений молодой...
Мы будем нашего героя
Звать этим именем. Оно
Звучит приятно; с ним давно
Мое перо к тому же дружно.
Прозванья нам его не нужно,
Хотя в минувши времена
Оно, быть может, и блистало
И под пером Карамзина
В родных преданьях прозвучало;
Но ныне светом и молвой
Оно забыто. Наш герой
Живет в Коломне; где-то слу-
жит,
Дичится знатных и не тужит
Ни о почившей родне,
Ни о забытой старине.

Итак, домой пришед, Евгений
Стряхнул шинель, разделся, лег.
Но долго он заснуть не мог
В волненье разных размышлений.
О чем же думал он? о том,
Что был он беден, что трудом
Он должен был себе доставить
И независимость и честь;

Что мог бы бог ему прибавить
Ума и денег. Что ведь есть
Такие праздные счастливицы,
Ума недалнего, ленивицы,
Которым жизнь куда легка!
Что служит он всего два года;
Он также думал, что погода
Не унималась; что река
Все прибывала; что едва ли
С Невы мостов уже не сняли
И что с Парашей будет он
Дни на два, на три разлучен.
Евгений тут вздохнул сердечно
И размечтался, как поэт:

«Жениться? Мне? зачем же нет?
Оно и тяжело, конечно;
Но что ж, я молод и здоров,
Трудиться день и ночь готов;
Уж кое-как себе устрою
Приют смиренный и простой
И в нем Парашу успокою.
Пройдет, быть может, год-дру-
гой –
Местечко получу, Параше
Препоручу семейство наше
И воспитание ребят...
И станем жить, и так до гроба

Рука с рукой дойдем мы оба,
И внуки нас похоронят...»

Так он мечтал. И грустно было
Ему в ту ночь, и он желал,
Чтоб ветер выл не так уныло
И чтобы дождь в окно стучал
Не так сердито...

Сонны очи

Он наконец закрыл. И вот
Редает мгла ненастной ночи
И бледный день уж настает...[49]
Ужасный день!

Нева всю ночь

Рвалася к морю против бури,
Не одолев их буйной дури...
И спорить стало ей невмочь...

Поутру над ее берегами

Теснился кучами народ,
Любуясь брызгами, горами
И пеной разъяренных вод.

Но силой ветров от залива

Перегражденная Нева

Обратно шла, гневна, бурлива,

И затопляла острова,

Погода пуще свирепела,

Нева вздувалась и ревела,

Котлом клокоча и клубясь,

*И вдруг, как зверь остервенясь,
На город кинулась. Пред нею
Все побежало, все вокруг
Вдруг опустело – воды вдруг
Втекли в подземные подвалы,
К решеткам хлынули каналы,
И всплыл Петрополь как тритон,
По пояс в воду погружен.*

*Осада! приступ! злые волны,
Как воры, лезут в окна. Челны
С разбега стекла бьют кормой.
Лотки под мокрой пеленой,
Обломки хижин, бревны, кровли,
Товар запасливой торговли,
Пожитки бледной нищеты,
Грозой снесенные мосты,
Гроба с размытого кладбища
Плывут по улицам!*

*Народ
Зрит божий гнев и казни ждет.
Увы! все гибнет: кров и пища!
Где будет взять?
В тот грозный год
Покойный царь еще Россией
Со славой правил. На балкон,
Печален, смутен, вышел он
И молвил: «С божией стихией*

Царям не совладеть». Он сел
И в думе скорбными очами
На злое бедствие глядел.
Стояли стогны озерами,
И в них широкими реками
Вливались улицы. Дворец
Казался островом печальным.
Царь молвил – из конца в конец,
По ближним улицам и дальным
В опасный путь средь бурных вод
Его пустились генералы[50]
Спасать и страхом обуялый
И дома тонущий народ.

Тогда, на площади Петровой,
Где дом в углу вознесся новый,
Где над возвышенным крыльцом
С поднятой лапой, как живые,
Стоят два льва сторожевые,
На звере мраморном верхом,
Без шляпы, руки сжав крестом,
Сидел недвижимый, страшно блед-
ный
Евгений. Он страшился, бедный,
Не за себя. Он не слышал,
Как подымался жадный вал,
Ему подошвы подмывая,
Как дождь ему в лицо хлестал,

Как ветер, буйно завывая,
С него и шляпу вдруг сорвал.
Его отчаянные взоры
На край один наведены
Недвижно были. Словно горы,
Из возмущенной глубины
Вставали волны там и злились,
Там буря выла, там носились
Обломки... Боже, боже! там –
Увы! близехонько к волнам,
Почти у самого залива –
Забор некрашенный, да ива
И ветхий домик: там оне,
Вдова и дочь, его Параша,
Его мечта... Или во сне
Он это видит? иль вся наша
И жизнь ничто, как сон пустой,
Насмешка неба над землей?

И он, как будто околдован,
Как будто к мрамору прикован,
Сойти не может! Вкруг него
Вода и больше ничего!
И, обращен к нему спиною,
В неколебимой вышине,
Над возмущенною Невою
Стоит с простертою рукою
Кумир на бронзовом коне.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Но вот, насытясь разрушеньем
И наглым буйством утомясь,
Нева обратно повлеклась,
Своим любуясь возмущеньем
И покидая с небреженьем
Свою добычу. Так злодей,
С свирепой шайкою своей
В село ворвавшись, ломит, режет,
Крушит и грабит; вопли, скре-
жет,
Насилье, брань, тревога, вой!..
И, грабежом отягощенны,
Боясь погони, утомленны,
Спешат разбойники домой,
Добычу на пути роняя.

Вода сбыла, и мостовая
Открылась, и Евгений мой
Спешит, душою замирая,
В надежде, страхе и тоске
К едва смирившейся реке.
Но, торжеством победы полны,
Еще кипели злобно волны,
Как бы под ними тлел огонь,
Еще их пена покрывала,
И тяжело Нева дышала,
Как с битвы прибежавший конь.

Евгений смотрит: видит лодку;
Он к ней бежит как на находку;
Он перевозчика зовет –
И перевозчик беззаботный
Его за гривенник охотно
Через волны страшные везет.

И долго с бурными волнами
Боролся опытный гребец,
И скрыться вглубь меж их ряда-
ми

Всечасно с дерзкими пловцами
Готов был челн – и наконец
Достиг он берега.

Несчастный

Знакомой улицей бежит
В места знакомые. Глядит,
Узнать не может. Вид ужасный!
Всё перед ним завалено;
Что сброшено, что снесено;
Скривились домики, другие
Совсем обрушились, иные
Волнами сдвинуты; кругом,
Как будто в поле боевом,
Тела валяются. Евгений
Стремглав, не помня ничего,
Изнемогая от мучений,
Бежит туда, где ждет его

Судьба с неведомым известьем,
Как с запечатанным письмом.
И вот бежит уж он предме-
стьем,
И вот залив, и близок дом...
Что ж это?..

Он остановился.
Пошел назад и воротился.
Глядит... идет... еще глядит.
Вот место, где их дом стоит;
Вот ива. Были здесь ворота –
Снесло их, видно. Где же дом?
И, полон сумрачной заботы,
Все ходит, ходит он кругом,
Толкует громко сам с собою –
И вдруг, ударя в лоб рукою,
Захохотал.

Ночная мгла
На город трепетный сошла;
Но долго жители не спали
И меж собою толковали
О дне минувшем.

Утра луч
Из-за усталых, бледных туч
Блеснул над тихою столицей
И не нашел уже следов
Беды вчерашней; багряницей
Уже прикрито было зло.

В порядок прежний всё вошло.
Уже по улицам свободным
С своим бесчувствием холодным
Ходил народ. Чиновный люд,
Покинув свой ночной приют,
На службу шел. Торгаш отваж-
ный,
Не унывая, открывал
Невой ограбленный подвал,
Сбираясь свой убыток важный
На ближнем выместить. С дво-
ров
Свозили лодки.
Граф Хвостов,
Поэт, любимый небесами,
Уж пел бессмертными стихами
Несчастье невских берегов.

Но бедный, бедный мой Евгений...
Увы! его смятенный ум
Против ужасных потрясений
Не устоял. Мятежный шум
Невы и ветров раздавался
В его ушах. Ужасных дум
Безмолвно полон, он скитался.
Его терзал какой-то сон.
Прошла неделя, месяц – он
К себе домой не возвращался.

Его пустынный уголок
Отдал внаймы, как вышел срок,
Хозяин бедному поэту.
Евгений за своим добром
Не приходил. Он скоро свету
Стал чужд. Весь день бродил пеш-
ком,
А спал на пристани; питался
В окошко поданным куском.
Одежда ветхая на нем
Рвалась и тлела. Злые дети
Бросали камни вслед ему.
Нередко кучерские плети
Его стегали, потому
Что он не разбирал дороги
Уж никогда; казалось – он
Не примечал. Он оглушен
Был шумом внутренней тревоги.
И так он свой несчастный век
Влачил, ни зверь ни человек,
Ни то ни се ни житель света,
Ни призрак мертвый...
Раз он спал
У невской пристани. Дни лета
Клонились к осени. Дышал
Ненастный ветер. Мрачный вал
Плескал на пристань, ропща пени
И бясь об гладкие ступени,

Как челобитчик у дверей
Ему не внемлющих судей.
Бедняк проснулся. Мрачно было:
Дождь капал, ветер выл уныло,
И с ним вдали, во тьме ночной
Перекликался часовой...
Вскочил Евгений; вспомнил живо
Он прошлый ужас; торопливо
Он встал; пошел бродить, и вдруг
Остановился – и вокруг
Тихонько стал водить очами
С боязнью дикой на лице.
Он очутился под столбами
Большого дома. На крыльце
С поднятой лапой, как живые,
Стояли львы сторожевые,
И прямо в темной вышине
Над огражденною скалою
Кумир с простертою рукою
Сидел на бронзовом коне.
Евгений вздрогнул. Прояснились
В нем страшно мысли. Он узнал
И место, где потоп играл,
Где волны хищные толпились,
Бунтуя злобно вокруг него,
И львов, и площадь, и того,
Кто неподвижно возвышался
Во мраке медною главой,

Того, чьей волей роковой
Под морем город основался...
Ужасен он в окрестной мгле!
Какая дума на челе!
Какая сила в нем сокрыта!
А в сем коне какой огонь!
Куда ты скачешь, гордый конь,
И где опустишь ты копыта?
О мощный властелин судьбы!
Не так ли ты над самой бездной
На высоте, уздой железной
Россию поднял на дыбы?[51]

Кругом подножия кумира
Безумец бедный обошел
И взоры дикие навел
На лик державца полумира.
Стеснилась грудь его. Чело
К решетке хладной прилегло,
Глаза подернулись туманом,
По сердцу пламень пробежал,
Вскипела кровь. Он мрачен стал
Пред горделивым истуканом
И, зубы стиснув, пальцы сжав,
Как обуянный силой черной,
«Добро, строитель чудотвор-
ный!» –
Шепнул он, злобно задрожав, –

Ужо тебе!..» И вдруг стремглав
Бежать пустился. Показалось
Ему, что грозного царя,
Мгновенно гневом возгоря,
Лицо тихонько обращалось...
И он по площади пустой
Бежит и слышит за собой –
Как будто грома грохотанье –
Тяжело-звонкое скаканье
По потрясенной мостовой.
И, озарен луною бледной,
Простерши руку в вышине,
За ним несется Всадник Медный
На звонко-скачущем коне;
И во всю ночь безумец бедный,
Куда стопы ни обращал,
За ним повсюду Всадник Медный
С тяжелым топотом скакал.

И с той поры, когда случилось
Идти той площадью ему,
В его лице изображалось
Смятенье. К сердцу своему
Он прижимал поспешно руку,
Как бы его смиряя муку,
Картуз изношенный сымал,
Смущенных глаз не подымал
И шел сторонкой.

Остров малый
На взморье виден. Иногда
Причалит с неводом туда
Рыбак на ловле запоздалый
И бедный ужин свой варит,
Или чиновник посетит,
Гуляя в лодке в воскресенье,
Пустынный остров. Не взросло
Там ни былинки. Наводнение
Туда, играя, занесло
Домишко ветхой. Над водою
Остался он как черный куст.
Его прошедшею весною
Свезли на барке. Был он пуст
И весь разрушен. У порога
Нашли безумца моего,
И тут же хладный труп его
Похоронили ради бога.

1833

Маленькие трагедии

Скупой рыцарь

(Сцены из ченстоновой трагикомедии *the covetous knight*[52])

Сцена I

В башне.

Альбер и Иван.

Альбер

*Во что бы то ни стало на турнире
Явлюсь я. Покажи мне шлем,
Иван.*

Иван подает ему шлем.

*Пробит насквозь, испорчен. Невозможно
Его надеть. Достать мне надо новый.
Какой удар! проклятый граф Делорж!*

Иван

И вы ему порядком отплатили:

Как из стремян вы вышибли его,
Он сутки замертво лежал – и
вряд ли
Оправился.

Альбер

А все ж он не в убытке;
Его нагрудник цел венецианский,
А грудь своя: гроша ему не стоит;
Другой себе не станет покупать.
Зачем с него не снял я шлема
тут же!
А снял бы я, когда б не было стыд-
но
Мне дам и герцога. Проклятый
граф!
Он лучше бы мне голову пробил.
И платье нужно мне. В последний
раз
Все рыцари сидели тут в атласе
Да бархате; я в латах был один
За герцогским столом. Отгово-
рился
Я тем, что на турнир попал слу-
чайно.
А нынче что скажу? О бедность,
бедность!
Как унижает сердце нам она!

Когда Делорж копьем своим тяжельым
Пробил мне шлем и мимо проскакал,
А я с открытой головой пришпорил
Эмира моего, помчался вихрем
И бросил графа на двадцать шагов,
Как маленького пажа; как все дамы
Привстали с мест, когда сама
Клотильда,
Закрыв лицо, невольно закричала,
И славили герольды мой удар, –
Тогда никто не думал о причине
И храбрости моей и силы дивной!
Взбесился я за поврежденный шлем,
Геройству что виною было? – скупость.
Да! заразиться здесь не трудно ею
Под кровлею одной с моим отцом.
Что бедный мой Эмир?

Иван

Он все хромает.

Вам выехать на нем еще нельзя.

Альбер

*Ну, делать нечего: куплю Гнедого.
Недорого и просят за него.*

Иван

Недорого, да денег нет у нас.

Альбер

Что ж говорит бездельник Соломон?

Иван

*Он говорит, что более не может
В займы давать вам денег без за-
клада.*

Альбер

*Заклад! а где мне взять заклада,
дьявол!*

Иван

Я сказывал.

Альбер

Что ж он?

Иван

Кряхтит да жмется.

Альбер

*Да ты б ему сказал, что мой
отец
Богат и сам, как жид, что рано
ль, поздно ль
Всему наследую.*

Иван

Я говорил.

Альбер

Что ж?

Иван

Жмется да кряхтит.

Альбер

Какое горе!

Иван

Он сам хотел прийти.

Альбер

Ну, слава богу.

Без выкупа не выпущу его.

Стучат в дверь.

Кто там?

Входит жид.

Жид

Слуга ваш низкий.

Альбер

А, приятель!

*Проклятый жид, почтенный Со-
ломон,*

*Пожалуй-ка сюда: так ты, я слы-
шу,*

Не веришь в долг.

Жид

*Ах, милостивый рыцарь,
Клянусь вам: рад бы... право, не
могу.*

*Где денег взять? весь разорился я,
Всё рыцарям усердно помогая.*

*Никто не платит. Вас хотел про-
сить,*

*Не можете ль хоть часть от-
дать...*

Альбер

Разбойник!

*Да если б у меня водились деньги,
С тобою стал ли б я возиться?*

Полно,

*Не будь упрям, мой милый Соло-
мон;*

*Давай червонцы. Высыпи мне сот-
ню,*

Пока тебя не обыскали.

Жид

Сотню!

Когда б имел я сто червонцев!

Альбер

Слушай:

*Не стыдно ли тебе своих друзей
Не выручать?*

Жид

Клянусь вам...

Альбер

Полно, полно.

*Ты требуешь заклада? что за
вздор!*

Что дам тебе в заклад? свиную
кожу?
Когда б я мог что заложить, дав-
но
Уж продал бы. Иль рыцарского
слова
Тебе, собака, мало?

Жид

Ваше слово,
Пока вы живы, много, много зна-
чит.
Все сундуки фламандских богачей
Как талисман оно вам отопрет.
Но если вы его передадите
Мне, бедному еврею, а меж тем
Умрете (боже сохрани), тогда
В моих руках оно подобно будет
Ключу от брошенной шкатулки в
море.

Альбер

Ужель отец меня переживет?

Жид

Как знать? дни наши сочтены не
нами;
Цвел юноша вчор, а нынче умер,

*И вот его четыре старика
Несут на сгорбленных плечах в
могилу.
Барон здоров. Бог даст – лет де-
сять,
двадцать
И двадцать пять и тридцать про-
живет он.*

Альбер

*Ты врешь, еврей: да через трид-
цать лет
Мне стукнет пятьдесят, тогда и
деньги
На что мне пригодятся?*

Жид

*Деньги? – деньги
Всегда, во всякий возраст нам
пригодны;
Но юноша в них ищет слуг провор-
ных
И не жалея шлет туда, сюда.
Старик же видит в них друзей на-
дежных
И бережет их как зеницу ока.*

Альбер

*О! мой отец не слуг и не друзей
В них видит, а господ; и сам им
служит.*

*И как же служит? как алжирский
раб,*

*Как пес цепной. В нетопленной ко-
нуре*

*Живет, пьет воду, ест сухие кор-
ки,*

*Всю ночь не спит, все бегаёт да
лаёт.*

*А золото спокойно в сундуках
Лежит себе. Молчи! когда-нибудь
Оно послужит мне, лежать забудет.*

Жид

*Да, на бароновых похоронах
Прольётся больше денег, нежели
слез.*

*Пошли вам бог скорей наслед-
ство.*

Альбер

Амен![53]

Жид

А можно б...

Альбер

Что?

Жид

*Так, думал я, что средство
Такое есть...*

Альбер

Какое средство?

Жид

*Так –
Есть у меня знакомый старичок,
Еврей, аптекарь бедный...*

Альбер

*Ростовщик
Такой же, как и ты, иль почест-
нее?*

Жид

*Нет, рыцарь, Товий торг ведет
иной –
Он составляет капли... право,
чудно,
Как действуют они.*

Альбер

А что мне в них?

Жид

*В стакан воды подлить... трех ка-
пель будет,
Ни вкуса в них, ни цвета не замет-
но;
А человек без рези в животе,
Без тошноты, без боли умирает.*

Альбер

Твой старичок торгует ядом.

Жид

*Да –
И ядом.*

Альбер

*Что ж? займы на место денег
Ты мне предложишь склянок две-
сти яду,
За склянку по червонцу. Так ли,
что ли?*

Жид

Смеяться вам угодно надо

мною –
Нет; я хотел... быть может, вы...
я думал,
Что уж барону время умереть.

Альбер

Как! отравить отца! и смел ты
сыну...
Иван! держи его. И смел ты мне!..
Да знаешь ли, жидовская душа,
Собака, змей! что я тебя сейчас
же
На воротах повешу.

Жид

Виноват!
Простите: я шутил.

Альбер

Иван, веревку.

Жид

Я... я шутил. Я деньги вам принес.

Альбер

Вон, пес!

Жид уходит.

*Вот до чего меня доводит
Отца родного скупость! Жид мне
смел
Что предложить! Дай мне ста-
кан вина,
Я весь дрожу... Иван, однако ж
деньги
Мне нужны. Сбегай за жидом про-
клятым,
Возьми его червонцы. Да сюда
Мне принеси чернильницу. Я плу-
ту
Расписку дам. Да не вводи сюда
Иуду этого... Иль нет, постой,
Его червонцы будут пахнуть
ядом,
Как сребреники пращура его...
Я спрашивал вина.*

Иван

*У нас вина –
Ни капли нет.*

Альбер

*А то, что мне прислал
В подарок из Испании Ремон?*

Иван

*Вечор я снес последнюю бутылку
Больному кузнецу.*

Альбер

*Да, помню, знаю...
Так дай воды. Проклятое житье!
Нет, решено – пойду искать упра-
вы
У герцога: пускай отца заставят
Меня держать как сына, не как
мышь,
Рожденную в подполье.*

Сцена II

Подвал.

Барон

*Как молодой повеса ждет свиданья
С какой-нибудь развратницей лукавой
Иль душой, им обманутой, так я
Весь день минуты ждал, когда
сойду
В подвал мой тайный, к верным
сундукам.
Счастливей день! могу сегодня я
В шестой сундук (в сундук еще*

неполный)

Горсть золота накопленного всыпать.

Не много, кажется, но понемногу
Сокровища растут. Читал я где-то,

Что царь однажды воинам своим
Велел снести земли по горсти в кучу,

И гордый холм возвысился – и
царь

Мог с вышины с весельем озирать
И дол, покрытый белыми шатрами,

И море, где бежали корабли.

Так я, по горсти бедной принося
Привычну дань мою сюда в подвал,

Вознес мой холм – и с высоты его
Могу взирать на все, что мне подвластно.

Что не подвластно мне? как
некий демон

Отселе править миром я могу;
Лишь захочу – воздвигнутся чертоги;

В великолепные мои сады

Сбегутся нимфы резвою толпою;

И музы дань свою мне принесут,
И вольный гений мне поработит-
ся,
И добродетель и бессонный труд
Смиренно будут ждать моей на-
грады.
Я свистну, и ко мне послушно,
робко
Вползет окровавленное злодей-
ство,
И руку будет мне лизать, и в очи
Смотреть, в них знак моей читая
воли.
Мне всё послушно, я же – ничему;
Я выше всех желаний; я спокоен;
Я знаю мощь мою: с меня доволь-
но
Сего сознанья...

(Смотрит на свое золото.)

Кажется, не много,
А скольких человеческих забот,
Обманов, слез, молений и прокля-
тий
Оно тяжеловесный представи-
тель!
Тут есть дублон старинный...

вот он. Нынче
Вдова мне отдала его, но прежде
С тремя детьми полдня перед ок-
ном
Она стояла на коленях воя.
Шел дождь, и перестал, и вновь
пошел,
Притворщица не трогалась;
я мог бы
Ее прогнать, но что-то мне шеп-
тало,
Что мужнин долг она мне при-
несла
И не захочет завтра быть в
тюрьме.
А этот! этот мне принес Тибо –
Где было взять ему, ленивцу, плу-
ту?
Украл, конечно; или, может
быть,
Там на большой дороге, ночью, в
роще...
Да! если бы все слезы, кровь и пот,
Пролитые за все, что здесь хра-
нится,
Из недр земных все выступили
вдруг,
То был бы вновь потоп – я захлеб-

нулся б
В моих подвалах верных. Но пора.
(Хочет отпереть сундук.)
Я каждый раз, когда хочу сундук
Мой отпереть, впадаю в жар и
трепет.
Не страх (о нет! кого бояться
мне?)
При мне мой меч: за золото отве-
чает
Честной булат), но сердце мне
теснит
Какое-то неведомое чувство...
Нас уверяют медики: есть люди,
В убийстве находящие прият-
ность.
Когда я ключ в замок влагаю, то
же
Я чувствую, что чувствовать
должны
Они, вонзая в жертву нож: прият-
но
И страшно вместе.
(Отпирает сундук.)
Вот мое блаженство!
(Всыпает деньги.)
Ступайте, полно вам по свету
рыскать,

Служа страстям и нуждам чело-
века.

Усните здесь сном силы и покоя,
Как боги спят в глубоких небе-
сах...

Хочу себе сегодня пир устроить:
Зажгу свечу пред каждым сунду-
ком,

И все их отопру, и стану сам
Средь них глядеть на блестящие
груды.

(Зажигает свечи и отпирает сун-
дуки один за другим.)

Я царствую!.. Какой волшебный
блеск!

Послушна мне, сильна моя держа-
ва;

В ней счастье, в ней честь моя и
слава!

Я царствую... но кто вослед за
мною

Приимет власть над нею? Мой
наследник!

Безумец, расточитель молодой,
Развратников разгульных собесед-
ник!

Едва умру, он, он! сойдет сюда
Под эти мирные, немые своды

*С толпой ласкателей, придворных
жадных.*

*Украва ключи у трупа моего,
Он сундуки со смехом отопрет.
И потекут сокровища мои
В атласные дыравые карманы.
Он разобьет священные сосуды,
Он грязь елеем царским напоит –
Он расточит... А по какому пра-
ву?*

*Мне разве даром это все доста-
лось,*

*Или шутя, как игроку, который
Гремит костями да груды загре-
бает?*

*Кто знает, сколько горьких воз-
держаний,*

*Обузданных страстей, тяжелых
дум,*

*Дневных забот, ночей бессонных
мне*

*Все это стоило? Иль скажет сын,
Что сердце у меня обросло мо-
хом,*

*Что я не знал желаний, что меня
И совесть никогда не грызла, со-
весть,*

Когтистый зверь, скребущий серд-

це, совесть,
Незванный гость, докучный собе-
седник,
Заимодавец грубый, эта ведьма,
От коей меркнет месяц и могилы
Смущаются и мертвых высыла-
ют?..
Нет, выстрадай сперва себе бо-
гатство,
А там посмотрим, станет ли
несчастный
То расточать, что кровью приоб-
рел.
О, если б мог от взоров недостой-
ных
Я скрыть подвал! о, если б из мо-
гилы
Прийти я мог, сторожевою те-
нью
Сидеть на сундуке и от живых
Сокровища мои хранить, как ны-
не!..

СЦЕНА III

Во дворце.
Альбер, герцог

Альбер

Поверьте, государь, терпел я долго
Стыд горькой бедности. Когда б
не крайность,
Вы б жалобы моей не услышали.

Герцог

Я верю, верю: благородный рыцарь,
Таков, как вы, отца не обвинит
Без крайности. Таких развратных
мало...
Спокойны будьте: вашего отца
Усовещу наедине, без шума.
Я жду его. Давно мы не видались.
Он был друг деду моему. Я помню,
Когда я был еще ребенком, он
Меня сажал на своего коня
И покрывал своим тяжелым шлемом,
Как будто колоколом.

(СМОТРИТ В ОКНО.)

Это кто?
Не он ли?

Альбер

Так, оң, государь.

Герцог

*Подите ж
В ту комнату. Я кликну вас.*

Альбер уходит; входит барон.

*Барон,
Я рад вас видеть бодрым и здоровым.*

Барон

*Я счастлив, государь, что в силах
был
По приказанью вашему явиться.*

Герцог

*Давно, барон, давно расстались
мы.
Вы помните меня?*

Барон

*Я, государь?
Я как теперь вас вижу. О, вы были
Ребенок резвый. Мне покойный
герцог
Говаривал: Филипп (он звал меня
Всегда Филиппом), что ты ска-*

*жешь? а?
Лет через двадцать, право, ты да
я,
Мы будем глупы перед этим ма-
лым...
Пред вами, то есть...*

Герцог

*Мы теперь знакомство
Возобновим. Вы двор забыли мой.*

Барон

*Стар, государь, я нынче: при дворе
Что делать мне? Вы молоды; вам
любы
Турниры, праздники. А я на них
Уж не гожусь. Бог даст войну,
так я
Готов, кряхтя, взлезть снова на
коня;
Еще достанет силы старый меч
За вас рукой дрожащей обна-
жить.*

Герцог

*Барон, усердье ваше нам известно;
Вы деду были другом; мой отец
Вас уважал. И я всегда считал*

*Вас верным, храбрым рыцарем –
но сядем.*

У вас, барон, есть дети?

Барон

Сын один.

Герцог

Зачем его я при себе не вижу?

*Вам двор наскучил, но ему при-
лично*

В его летах и званье быть при нас.

Барон

*Мой сын не любит шумной, свет-
ской жизни;*

Он дикого и сумрачного нрава –

*Вкруг замка по лесам он вечно
бродит,*

Как молодой олень.

Герцог

Нехорошо

*Ему дичиться. Мы тотчас при-
учим*

*Его к весельям, к балам и турни-
рам.*

Пришлите мне его; назначьте сы-

ну
Приличное по званию содержи-
нье...
Вы хмуритесь, устали вы с доро-
ги,
Быть может?

Барон

Государь, я не устал;
Но вы меня смутили. Перед вами
Я б не хотел сознаться, но меня
Вы принуждаете сказать о сыне
То, что желал от вас бы утаить.
Он, государь, к несчастью, недо-
стоин
Ни милостей, ни вашего внима-
нья.
Он молодость свою проводит в
буйстве,
В пороках низких...

Герцог

Это потому,
Барон, что он один. Уединенье
И праздность губят молодых лю-
дей.
Пришлите к нам его: он позабу-
дет

Привычки, зарожденные в глуши.

Барон

*Простите мне, но, право, государь,
Я согласиться не могу на это...*

Герцог

Но почему ж?

Барон

Увольте старика...

Герцог

*Я требую: откройте мне причину
Отказа вашего.*

Барон

*На сына я
Сердит.*

Герцог

За что?

Барон

За злое преступленье.

Герцог

А в чем оно, скажите, состоит?

Барон

Увольте, герцог...

Герцог

*Это очень странно,
Или вам стыдно за него?*

Барон

Да... стыдно...

Герцог

Но что же сделал он?

Барон

*Он... он меня
Хотел убить.*

Герцог

*Убить! так я суду
Его предам, как черного злодея.*

Барон

*Доказывать не стану я, хоть
знаю,
Что точно смерти жаждет он*

*моей,
Хоть знаю то, что покушался он
Меня...*

Герцог

Что?

Барон

Обокрасть.

Альбер бросается в комнату.

Альбер

Барон, вы лжете.

Герцог (сыну)

Как смели вы?..

Барон

*Ты здесь! ты, ты мне смел!..
Ты мог отцу такое слово мол-
вить!..
Я лгу! и перед нашим государем!..
Мне, мне... иль уж не рыцарь я?*

Альбер

Вы лжец.

Барон

*И гром еще не грянул, боже правый!
Так подыми ж, и меч нас рассуди!*

(Бросает перчатку, сын поспешно ее подымает.)

Альбер

Благодарю. Вот первый дар отца.

Герцог

*Что видел я? что было предо мною?
Сын принял вызов старого отца!
В какие дни надел я на себя
Цепь герцогов! Молчите: ты, безумец,
И ты, тигренок! полно.
(Сыну.)
Бросьте это;
Отдайте мне перчатку эту
(отымает ее).*

Альбер (а parte[54])

Жаль.

Герцог

Так и впился в нее когтями! – из-верг!

*Подите: на глаза мои не смейте
Являться до тех пор, пока я сам
Не призову вас.*

Альбер выходит.

*Вы, старик несчастный,
Не стыдно ль вам...*

Барон

*Простите, государь...
Стоять я не могу... мои колени
Слабеют... душно!.. душно!.. Где
ключи?
Ключи, ключи мои!..*

Герцог

*Он умер. Боже!
Ужасный век, ужасные сердца!*

1830

Моцарт и Сальери

Сцена I

Комната.

Сальери

*Все говорят: нет правды на земле.
Но правды нет – и выше. Для меня
Так это ясно, как простая гамма.
Родился я с любовью к искусству;
Ребенком будучи, когда высоко
Звучал орган в старинной церкви
нашей,
Я слушал и заслушивался – слезы
Невольные и сладкие текли.
Отверг я рано праздные забавы;
Науки, чуждые музыке, были
Постылы мне; упрямо и надмен-
но
От них отрекся я и предался
Одной музыке. Труден первый шаг
И скучен первый путь. Преодолею
Я ранние невзгоды. Ремесло
Поставил я подножием искус-
ству;
Я сделался ремесленник: перстам
Придал послушную, сухую бег-*

лость

И верность уху. Звуки умертвив,
Музыку я разъял, как труп. Пове-
рил

Я алгеброй гармонию. Тогда
Уже дерзнул, в науке искушенный,
Предаться неге творческой меч-
ты.

Я стал творить; но в тишине, но
в тайне,

Не смея помышлять еще о славе.
Нередко, просидев в безмолвной
келье

Два, три дня, позабыв и сон и пи-
щу,

Вкусив восторг и слезы вдохнове-
нья,

Я жег мой труд и холодно смот-
рел,

Как мысль моя и звуки, мной
рожденны,

Пылая, с легким дымом исчезали.

Что говорю? Когда великий Глюк
Явился и открыл нам новы тайны
(Глубокие, пленительные тайны),

Не бросил ли я все, что прежде
знал,

Что так любил, чему так жарко

верил,
И не пошел ли бодро вслед за ним
Безропотно, как тот, кто заблуждался
И встречным послан в сторону
иную?
Усильным, напряженным постоянством
Я наконец в искусстве безграничном
Достигнул степени высокой. Слава
Мне улыбнулась; я в сердцах людей
Нашел созвучия своим созданьям.
Я счастлив был: я наслаждался
мирно
Своим трудом, успехом, славой;
также
Трудами и успехами друзей,
Товарищей моих в искусстве дивном.
Нет! никогда я зависти не знал,
О, никогда! – нижé, когда Пиччини
Пленить умел слух диких парижан,
Нижé, когда услышал в первый раз
Я Ифигении начальны звуки.

Кто скажет, чтоб Сальери гор-
дый был
Когда-нибудь завистником пре-
зренным,
Змеей, людьми растоптанною,
вживе
Песок и пыль грызущею бессиль-
но?
Никто!.. А ныне – сам скажу – я
ныне
Завистник. Я завидую; глубоко,
Мучительно завидую. – О небо!
Где ж правота, когда священный
дар,
Когда бессмертный гений – не в
награду
Любви горячей, самоотверженья,
Трудов, усердия, молений послан –
А озаряет голову безумца,
Гуляки праздного?.. О Моцарт,
Моцарт!

Входит Моцарт.

Моцарт

Ага! увидел ты! а мне хотелось
Тебя нежданной шуткой уго-
стить.

Сальери

Ты здесь! – Давно ль?

Моцарт

Сейчас. Я шел к тебе,
Нес кое-что тебе я показать;
Но, проходя перед трактиром,
вдруг
Услышал скрипку... Нет, мой
друг, Сальери!
Смешнее отроду ты ничего
Не слыхивал... Слепой скрипач в
трактире
Разыгрывал *voi che sapete*[55]. Чу-
до!
Не вытерпел, привел я скрипача,
Чтоб угостить тебя его искус-
ством.
Войди!

Входит слепой старик со скрипкой.

Из Моцарта нам что-нибудь!

Старик играет арию из Дон-Жуана;
Моцарт хохочет.

Сальери

И ты смеяться можешь?

Моцарт

*Ах, Сальери!
Ужель и сам ты не смеешься?*

Сальери

*Нет.
Мне не смешно, когда маляр
негодный
Мне пачкает Мадонну Рафаэля,
Мне не смешно, когда фигляр пре-
зренный
Пародией бесчестит Алигьери.
Пошел, старик.*

Моцарт

*Постой же: вот тебе,
Пей за мое здоровье.*

Старик уходит.

*Ты, Сальери,
Не в духе нынче. Я приду к тебе
В другое время.*

Сальери

Что ты мне принес?

Моцарт

*Нет – так; безделицу. Намедни
ночью
Бессонница моя меня томила,
И в голову пришли мне две, три
мысли.
Сегодня их я набросал. Хотелось
Твое мне слышать мнение; но те-
перь
Тебе не до меня.*

Сальери

*Ах, Моцарт, Моцарт!
Когда же мне не до тебя? Садись;
Я слушаю.*

Моцарт (за фортепиано)

*Представь себе... кого бы?
Ну, хоть меня – немного помоло-
же;
Влюбленного – не слишком, а
слегка –
С красоткой, или с другом – хоть
с тобой,
Я весел... Вдруг: виденье гробовое,
Незапный мрак иль что-нибудь
такое...
Ну, слушай же.*

(Играет.)

Сальери

*Ты с этим шел ко мне
И мог остановиться у трактира
И слушать скрипача слепого! –
Боже!
Ты, Моцарт, недостойн сам себя.*

Моцарт

Что ж, хорошо?

Сальери

*Какая глубина!
Какая смелость и какая строй-
ность!
Ты, Моцарт, бог, и сам того не
знаешь;
Я знаю, я.*

Моцарт

*Ба! право? может быть...
Но божество мое проголодалось.*

Сальери

*Послушай: отобедаем мы вместе
В трактире Золотого Льва.*

Моцарт

*Пожалуй;
Я рад. Но дай схожу домой ска-
зать
Жене, чтобы меня она к обеду
Не дожидалась.*

(Уходит.)

Сальери

*Жду тебя; смотри ж.
Нет! не могу противиться я доле
Судьбе моей: я избран, чтоб его
Остановить – не то мы все погиб-
ли,
Мы все, жрецы, служители музы-
ки,
Не я один с моей глухою славой...
Что пользы, если Моцарт будет
жив
И новой высоты еще достигнет?
Подымет ли он тем искусство?
Нет;
Оно падет опять, как он исчез-
нет:
Наследника нам не оставит он.
Что пользы в нем? Как некий хе-*

рувим,
Он несколько занес нам песен рай-
ских,
Чтоб, возмутив бескрылое жела-
нье
В нас, чадах праха, после улететь!
Так улетай же! чем скорей, тем
лучше.

Вот яд, последний дар моей Изо-
ры.
Осьмнадцать лет ношу его с со-
бою –
И часто жизнь казалась мне с
тех пор
Несносной раной, и сидел я часто
С врагом беспечным за одной тра-
пезой,
И никогда на шепот искушенья
Не преклонился я, хоть я не трус,
Хоть обиду чувствую глубоко,
Хоть мало жизнь люблю. Все
медлил я.
Как жажда смерти мучила меня,
Что умирать? я мнил: быть мо-
жет, жизнь
Мне принесет незапные дары;
Быть может, посетит меня вос-

*торг
И творческая ночь и вдохновенье;
Быть может, новый Гайден со-
творит
Великое – и насладуся им...
Как пировал я с гостем ненавист-
ным,
Быть может, мнил я, злейшего
врага
Найду; быть может, злейшая
обида
В меня с надменной грянет высо-
ты –
Тогда не пропадешь ты, дар Изо-
ры.
И я был прав! и наконец нашел
Я моего врага, и новый Гайден
Меня восторгом дивно упоил!
Теперь – пора! заветный дар люб-
ви,
Переходи сегодня в чашу дружбы.*

Сцена II

Особая комната в трактире; фортепиано
Моцарт и Сальери за столом.

Сальери

Что ты сегодня пасмурен?

Моцарт

Я? Нет!

Сальери

*Ты, верно, Моцарт, чем-нибудь
расстроен?
Обед хороший, славное вино,
А ты молчишь и хмуришься.*

Моцарт

*Признаться,
Мой Requiem меня тревожит.*

Сальери

*А!
Ты сочиняешь Requiem? Давно ли?*

Моцарт

*Давно, недели три. Но странный
случай...
Не сказывал тебе я?*

Сальери

Нет.

Моцарт

Так слушай.

Недели три тому, пришел я поздно
Домой. Сказали мне, что заходил
За мною кто-то. Отчего – не
знаю,
Всю ночь я думал: кто бы это
был?
И что ему во мне? Назавтра тот же
Зашел и не застал опять меня.
На третий день играл я на полу
С моим мальчишкой. Кликнули
меня;
Я вышел. Человек, одетый в черном,
Учтиво поклонившись, заказал
Мне Requiem и скрылся. Сел я
тотчас
И стал писать – и с той поры за
мною
Не приходил мой черный человек;
А я и рад: мне было б жаль рас-
статься
С моей работой, хоть совсем го-
тов
Уж Requiem. Но между тем я...

Сальери

Что?

Моцарт

Мне совестно признаться в этом...

Сальери

В чем же?

Моцарт

*Мне день и ночь покоя не дает
Мой черный человек. За мною всюду
Как тень он гонится. Вот и теперь
Мне кажется, он с нами сам-третьей
Сидит.*

Сальери

*И, полно! что за страх ребячий?
Рассей пустую думу. Бомарше
Говаривал мне: «Слушай, брат Сальери,
Как мысли черные к тебе придут,
Откупори шампанского бутылку
Иль перечти “Женитьбу Фигаро”».*

Моцарт

*Да! Бомарше ведь был тебе приятель;
Ты для него «Тарара» сочинил,
Вещь славную. Там есть один мотив...
Я все твержу его, когда я счастлив...
Ла ла ла ла... Ах, правда ли, Сальери,
Что Бомарше кого-то отравил?*

Сальери

*Не думаю: он слишком был смешон
Для ремесла такого.*

Моцарт

*Он же гений,
Как ты да я. А гений и злодейство –
Две вещи несовместные. Не правда ль?*

Сальери

Ты думаешь?

(Бросает яд в стакан Моцарта.)
Ну, пей же.

Моцарт

*За твое
Здоровье, друг, за искренний союз,
Связующий Моцарта и Сальери,
Двух сыновей гармонии.*

(Пьет.)

Сальери

*Постой,
Постой, постой!.. Ты выпил... без
меня?*

Моцарт (бросает салфетку на стол)

*Довольно, сыт я.
(Идет к фортепиано.)*

*Слушай же, Сальери,
Мой Requiem.*

(Играет.)

Ты плачешь?

Сальери

Эти слезы
Впервые лью: и больно и приятно,
Как будто тяжкий совершил я
долг,
Как будто нож целебный мне от-
сек
Страдавший член! Друг Моцарт,
эти слезы...
Не замечай их. Продолжай, спеши
Еще наполнить звуками мне ду-
шу...

Моцарт

Когда бы все так чувствовали си-
лу
Гармонии! Но нет: тогда б не мог
И мир существовать; никто б не
стал
Заботиться о нуждах низкой
жизни;
Все предалось бы вольному искус-
ству.
Нас мало избранных, счастливых
праздных,
Пренебрегающих презренной поль-
зой,
Единогo прекрасного жрецов.
Не правда ль? Но я нынче нездо-

ров,
Мне что-то тяжело; пойду засну.
Прощай же!

Сальери

До свиданья.

(Один.)

Ты заснешь
Надолго, Моцарт! Но ужель он
прав,
И я не гений? Гений и злодейство
Две вещи несовместные. Неправ-
да:
А Бонаротти? или это сказка
Тупой, бессмысленной толпы – и
не был
Убийцею создатель Ватикана?

1830

Каменный гость

*Leporello. O statua gentilissima
Del gran' Commendatore!..
...Ah, Padrone!
Don Giovanni[56]*

Сцена I

Дон Гуан и Лепорелло.

Дон Гуан

*Дождемся ночи здесь. Ах, наконец
Достигли мы ворот Мадрита!
Скоро
Я полечу по улицам знакомым,
Усы плащом закрыв, а брови шля-
пой.
Как думаешь? узнать меня нель-
зя?*

Лепорелло

*Да! Дон Гуана мудрено признать!
Таких, как он, такая бездна!*

Дон Гуан

Шутишь?

Да кто ж меня узнает?

Лепорелло

*Первый сторож,
Гитана или пьяный музыкант,
Иль свой же брат, нахальный ка-
валер,
Со шпагою под мышкой и в плаще.*

Дон Гуан

*Что за беда, хоть и узнают. Толь-
ко б
Не встретился мне сам король. А
впрочем,
Я никого в Мадрите не боюсь.*

Лепорелло

*А завтра же до короля дойдет,
Что Дон Гуан из ссылки самоволь-
но
В Мадрит явился, – что тогда,
скажите,
Он с вами сделает?*

Дон Гуан

*Пошлет назад.
Уж верно головы мне не отрубят.
Ведь я не государственный пре-*

ступник.
Меня он удалил, меня ж любя;
Чтобы меня оставила в покое
Семья убитого...

Лепорелло

*Ну то-то же!
Сидели б вы себе спокойно там.*

Дон Гуан

*Слуга покорный! я едва-едва
Не умер там со скуки. Что за лю-
ди,
Что за земля! А небо?.. точный
дым.
А женщины? Да я не променяю,
Вот видишь ли, мой глупый Лепо-
релло,
Последней в Андалузии крестьян-
ки
На первых тамошних красавиц –
право.
Они сначала нравились мне
Глазами синими, да белизною,
Да скромностью – а пуще новиз-
ною;
Да, слава богу, скоро догадался –
Увидел я, что с ними грех и*

знаться –
В них жизни нет, всё куклы воско-
вые;
А наши!.. Но послушай, это место
Знакомо нам; узнал ли ты его?

Лепорелло

Как не узнать: Антоньев мона-
стырь
Мне памятен. Езжали вы сюда,
А лошадей держал я в этой роще.
Проклятая, признаться, долж-
ность. Вы
Приятнее здесь время проводили,
Чем я, поверьте.

Дон Гуан (задумчиво)

Бедная Инеза!
Ее уж нет! как я любил ее!

Лепорелло

Инеза! – черноглазая... о, помню.
Три месяца ухаживали вы
За ней; насилу-то помог лукавый.

Дон Гуан

В июле... ночью. Странную прият-
ность

*Я находил в ее печальном взоре
И помертвевших губах. Это стран-
но.*

*Ты, кажется, ее не находил
Красавицей. И точно, мало было
В ней истинно прекрасного. Глаза,
Одни глаза. Да взгляд... такого
взгляда
Уж никогда я не встречал. А голос
У ней был тих и слаб – как у боль-
ной –
Муж у нее был негодяй суровый,
Узнал я поздно... Бедная Инеза!..*

Лепорелло

Что ж, вслед за ней другие были.

Дон Гуан

Правда.

Лепорелло

А живы будем, будут и другие.

Дон Гуан

И то.

Лепорелло

Теперь которую в Мадристе

Отыскивать мы будем?

Дон Гуан

*О, Лауру!
Я прямо к ней бегу являться.*

Лепорелло

Дело.

Дон Гуан

*К ней прямо в дверь – а если кто-
нибудь
Уж у нее – прошу в окно прыгнуть.*

Лепорелло

*Конечно. Ну, развеселились мы.
Недолго нас покойницы трево-
жат.
Кто к нам идет?*

Входит монах.

Монах

*Сейчас она приедет
Сюда. Кто здесь? не люди ль Доны
Анны?*

Лепорелло

*Нет, сами по себе мы господа,
Мы здесь гуляем.*

Дон Гуан

А кого вы ждете?

Монах

*Сейчас должна приехать Дона Анна
На мужнину гробницу.*

Дон Гуан

*Дона Анна
Де Сольва! как! супруга командора
Убитого... не помню кем?*

Монах

*Развратным,
Бессовестным, безбожным Дон
Гуаном.*

Лепорелло

*Ого! вот как! Молва о Дон Гуане
И в мирный монастырь проникла
даже,
Отшельники хвалы ему поют.*

Монах

Он вам знаком, быть может?

Лепорелло

*Нам? нимало.
А где-то он теперь?*

Монах

*Его здесь нет,
Он в ссылке далеко.*

Лепорелло

*И слава богу.
Чем далее, тем лучше. Всех бы их,
Развратников, в один мешок да в
море.*

Дон Гуан

Что, что ты врешь?

Лепорелло

Молчите: я нарочно...

Дон Гуан

Так здесь похоронили командора?

Монах

Здесь; памятник жена ему воз-

*двигла
И приезжает каждый день сюда
За упокой души его молиться
И плакать.*

Дон Гуан

*Что за странная вдова?
И не дурна?*

Монах

*Мы красотой женской,
Отшельники, прельщаться не
должны,
Но лгать грешно; не может и
угодник
В ее красе чудесной не сознаться.*

Дон Гуан

*Недаром же покойник был ревнив.
Он Дону Анну взаперти держал,
Никто из нас не видывал ее.
Я с нею бы хотел поговорить.*

Монах

*О, Дона Анна никогда с мужчиной
Не говорит.*

Дон Гуан

А с вами, мой отец?

Монах

*Со мной иное дело; я монах.
Да вот она.*

Входит Дона Анна.

Дона Анна

Отец мой, отоприте.

Монах

Сейчас, сеньора; я вас ожидал.

Дона Анна идет за монахом.

Лепорелло

Что, какова?

Дон Гуан

*Ее совсем не видно
Под этим вдовьим черным покрывалом,
Чуть узенькую пятку я заметил.*

Лепорелло

Довольно с вас. У вас воображенье

*В минуту дорисует остальное;
Оно у вас проворней живописца,
Вам все равно, с чего бы ни на-
чать,
С бровей ли, с ног ли.*

Дон Гуан

*Слушай, Лепорелло,
Я с нею познакомлюсь.*

Лепорелло

*Вот еще!
Куда как нужно! Мужа повалил
Да хочет поглядеть на вдовьи сле-
зы.
Бессовестный!*

Дон Гуан

*Однако уж и смерклось.
Пока луна над нами не взошла
И в светлый сумрак тьмы не об-
ратила,
Взойдем в Мадрит.*

(Уходит.)

Лепорелло

Испанский гранд как вор

*Ждет ночи и луны боится – божже!
Проклятое житье. Да долго ль бу-
дет
Мне с ним возиться? Право, сил
уж нет.*

Сцена II

Комната. Ужин у Лауры.

Первый гость

*Клянусь тебе, Лаура, никогда
С таким ты совершенством не
играла.
Как роль свою ты верно поняла!*

Второй

Как развила ее! с какою силой!

Третий

С каким искусством!

Лаура

*Да, мне удавалось
Сегодня каждое движенье, слово.
Я вольно предавалась вдохнове-
нию.
Слова лились, как будто их рож-*

дала
Не память рабская, но сердце...

Первый

Правда.
Да и теперь глаза твои блестят
И щеки разгорелись, не проходит
В тебе восторг. Лаура, не давай
Остыть ему бесплодно; спой, Лау-
ра,
Спой что-нибудь.

Лаура

Подайте мне гитару.

(Поет.)

Все

O brava! brava! чудно! бесподобно!

Первый

Благодарим, волшебница. Ты серд-
це
Чаруешь нам. Из наслаждений
жизни
Одной любви музыка уступает;
Но и любовь мелодия... взгляни:
Сам Карлос тронут, твой угрю-

мый гость.

Второй

*Какие звуки! сколько в них души!
А чьи слова, Лаура?*

Лаура

Дон Гуана.

Дон Карлос

Что? Дон Гуан!

Лаура

*Их сочинил когда-то
Мой верный друг, мой ветреный
любовник.*

Дон Карлос

*Твой Дон Гуан безбожник и мерзавец,
А ты, ты дура.*

Лаура

*Ты с ума сошел?
Да я сейчас велю тебя зарезать
Моим слугам, хоть ты испанский
гранд.*

Дон Карлос (встает)

Зови же их.

Первый

*Лаура, перестань;
Дон Карлос, не сердись. Она забыла...*

Лаура

*Что? что Гуан на поединке честно
Убил его родного брата? Правда:
жаль,
Что не его.*

Дон Карлос

Я глуп, что осердился.

Лаура

*Ага! сам сознаешься, что ты
глуп.
Так помиримся.*

Дон Карлос

*Виноват, Лаура,
Прости меня. Но знаешь, не могу
Я слышать это имя равнодушно...*

Лаура

*А виновата ль я, что поминутно
Мне на язык приходит это имя?*

Гость

*Ну, в знак, что ты совсем уж не
сердита,
Лаура, спой еще.*

Лаура

*Да, на прощанье,
Пора, уж ночь. Но что же я спою?
А, слушайте.
(Поет.)*

Все

Прелестно, бесподобно!

Лаура

Прощайте ж, господа.

Гости

Прощай, Лаура.

Выходят. Лаура останавливает Дон Карло-
са.

Лаура

*Ты, бешеный! останься у меня,
Ты мне понравился; ты Дон Гуана
Напомнил мне, как выбранил ме-
ня
И стиснул зубы с скрежетом.*

Дон Карлос

*Счастливец!
Так ты его любила.*

Лаура делает утвердительно знак.
Очень?

Лаура

Очень.

Дон Карлос

И любишь и теперь?

Лаура

*В сию минуту?
Нет, не люблю. Мне двух любить
нельзя.
Теперь люблю тебя.*

Дон Карлос

Скажи, Лаура,
Который год тебе?

Лаура

Осьмнадцать лет.

Дон Карлос

Ты молода... и будешь молода
Еще лет пять иль шесть. Вокруг
тебя
Еще лет шесть они толпиться
будут,
Тебя ласкать, лелеять, и дарить,
И серенадами ночными тешить,
И за тебя друг друга убивать
На перекрестках ночью. Но когда
Пора пройдет, когда твои глаза
Впадут и веки, сморщась, почерне-
ют
И седина в косе твоей мелькнет,
И будут называть тебя старухой,
Тогда – что скажешь ты?

Лаура

Тогда? Зачем
Об этом думать? что за разгово-
вор?
Иль у тебя всегда такие мысли?

Приди – открой балкон. Как небо
тихо;
Недвижим теплый воздух, ночь
лимоном
И лавром пахнет, яркая луна
Блестит на синеве густой и тем-
ной,
И сторожа кричат протяжно:
«Ясно!..»
А далеко, на севере – в Париже –
Быть может, небо тучами по-
крыто,
Холодный дождь идет и ветер ду-
ет.
А нам какое дело? слушай, Карлос,
Я требую, чтоб улыбнулся ты...
– Ну то-то ж!

Дон Карлос

Милый демон!

Стучат.

Дон Гуан

Гей! Лаура!

Лаура

Кто там? чей это голос?

Дон Гуан

Отвори...

Лаура

Ужели!.. Боже!..

(Отпирает двери, входит Дон Гуан.)

Дон Гуан

Здравствуй...

Лаура

Дон Гуан!..

(Лаура кидается ему на шею.)

Дон Карлос

Как! Дон Гуан!..

Дон Гуан

Лаура, милый друг!..

(Целует ее.)

Кто у тебя, моя Лаура?

Дон Карлос

Я,

Дон Карлос.

Дон Гуан

*Вот нечаянная встреча!
Я завтра весь к твоим услугам.*

Дон Карлос

*Нет!
Теперь – сейчас.*

Лаура

*Дон Карлос, перестаньте!
Вы не на улице – вы у меня –
Извольте выйти вон.*

Дон Карлос (ее не слушая)

*Я жду. Ну что ж,
Ведь ты при шпаге.*

Дон Гуан

*Ежели тебе
Не терпится, изволь.*

БЬЮТСЯ.

Лаура

Ай! Ай! Гуан!..

(Кидается на постелю.)

Дон Карлос падает.

Дон Гуан

Вставай, Лаура, кончено.

Лаура

Что там?

Убит? прекрасно! в комнате моей!

Что делать мне теперь, повеса, дьявол?

Куда я выброшу его?

Дон Гуан

Быть может,

Он жив еще.

Лаура (осматривает тело)

Да! жив! гляди, проклятый,

Ты прямо в сердце ткнул – небось не мимо,

И кровь нейдет из треугольной ранки,

А уж не дышит – каково?

Дон Гуан

Что делать?
Он сам того хотел.

Лаура

Эх, Дон Гуан,
Досадно, право. Вечные проказы –
А все не виноват... Откуда ты?
Давно ли здесь?

Дон Гуан

Я только что приехал
И то тихонько – я ведь не прощен.

Лаура

И вспомнил тотчас о своей Лауре?
Что хорошо, то хорошо. Да полно,
Не верю я. Ты мимо шел случайно
И дом увидел.

Дон Гуан

Нет, моя Лаура,
Спроси у Лепорелло. Я стою
За городом, в проклятой венге. Я
Лауры
Пришел искать в Мадрите.

(Целует ее.)

Лаура

*Друг ты мой!..
Постой... при мертвом!.. что нам
делать
с ним?*

Дон Гуан

*Оставь его: перед рассветом, ра-
но,
Я вынесу его под епанчою
И положу на перекрестке.*

Лаура

*Только
Смотри, чтоб не увидели тебя.
Как хорошо ты сделал, что явил-
ся
Одной минутой позже! у меня
Твои друзья здесь ужинали. Толь-
ко
Что вышли вон. Когда б ты их за-
стал!*

Дон Гуан

Лаура, и давно его ты любишь?

Лаура

Кого? ты, видно, бредишь.

Дон Гуан

*А признайся,
А сколько раз ты изменяла мне
В моем отсутствии?*

Лаура

А ты, повеса?

Дон Гуан

Скажи... Нет, после переговоров.

Сцена III

Памятник командора.

Дон Гуан

*Все к лучшему: нечаянно убив
Дон Карлоса, отшельником сми-
ренным
Я скрылся здесь – и вижу каждый
день
Мою прелестную вдову, и ею,
Мне кажется, замечен. До сих пор
Чинились мы друг с другом; но се-
годня
Впущуся в разговоры с ней; пора.*

С чего начну? «Осмелюсь»... или нет:
«Сеньора»... ба! что в голову придет,
То и скажу, без предуготовленья,
Импровизатором любовной песни...
Пора б уж ей приехать. Без нее –
Я думаю – скучает командор.
Каким он здесь представлен исполном!
Какие плечи! что за Геркулес!..
А сам покойник мал был и щедушен,
Здесь, став на цыпочки, не мог бы руку
До своего он носу дотянуть.
Когда за Эскурьялом мы сошлись,
Наткнулся мне на шпагу он и замер,
Как на булавке стрекоза – а был
Он горд и смел – и дух имел суровый...
А! вот она.

Входит Дона Анна.

Дона Анна

Опять он здесь. Отец мой,
Я развлекла вас в ваших помышле-
ниях –
Простите.

Дон Гуан

Я просить прощенья должен
У вас, сеньора. Может, я мешаю
Печали вашей вольно изливаться.

Дона Анна

Нет, мой отец, печаль моя во
мне,
При вас мои моления могут к
небу
Смиренно возноситься – я прошу
И вас свой голос с ними съеди-
нить.

Дон Гуан

Мне, мне молиться с вами, Дона
Анна!
Я не достоин участи такой.
Я не дерзну порочными устами
Мольбу святую вашу повторять –
Я только издали с благоговеньем
Смотрю на вас, когда, склонив-
шись тихо,

Вы черные власы на мрамор блед-
ный
Рассыплете – и мнится мне, что
тайно
Гробницу эту ангел посетил,
В смущенном сердце я не обретаю
Тогда молений. Я дивлюсь без-
молвно
И думаю – счастлив, чей хладный
мрамор
Согрет ее дыханием небесным
И окроплен любви ее слезами...

Дона Анна

Какие речи – странные!

Дон Гуан

Сеньора?

Дона Анна

Мне... вы забыли.

Дон Гуан

*Что? что недостойный
Отшельник я? что грешный голос
мой
Не должен здесь так громко раз-
даваться?*

Дона Анна

Мне показалось... я не поняла...

Дон Гуан

Ах вижу я: вы всё, вы всё узнали!

Дона Анна

Что я узнала?

Дон Гуан

*Так, я не монах –
У ваших ног прощенья умоляю.*

Дона Анна

*О боже! встаньте, встаньте...
Кто же вы?*

Дон Гуан

*Несчастный, жертва страсти
безнадежной.*

Дона Анна

*О боже мой! и здесь, при этом
гробе!
Подите прочь.*

Дон Гуан

*Минуту, Дона Анна,
Одну минуту!*

Дона Анна

Если кто взойдет!..

Дон Гуан

Решетка заперта. Одну минуту!

Дона Анна

Ну? что? чего вы требуете?

Дон Гуан

Смерти.

*О пусть умру сейчас у ваших ног,
Пусть бедный прах мой здесь же
похоронят*

*Не подле праха, милого для вас,
Не тут – не близко – дале где-ни-
будь,*

*Там – у дверей – у самого порога,
Чтоб камня моего могли кос-
нуться*

*Вы легкою ногой или одеждой,
Когда сюда, на этот гордый гроб
Пойдете кудри наклонять и пла-
кать.*

Дона Анна

Вы не в своем уме.

Дон Гуан

*Или желать
Кончины, Дона Анна, знак безумства?
Когда б я был безумец, я б хотел
В живых остаться, я б имел надежду
Любовью нежной тронуть ваше сердце;
Когда б я был безумец, я бы ночи
Стал провождать у вашего балкона,
Тревожа серенадами ваш сон,
Не стал бы я скрываться, я напротив
Старался быть везде б замечен вами;
Когда б я был безумец, я б не стал
Страдать в безмолвии...*

Дона Анна

*И так-то вы
Молчите?*

Дон Гуан

*Случай, Дона Анна, случай
Увлек меня. – Не то вы б никогда
Моей печальной тайны не узнали.*

Дона Анна

И любите давно уж вы меня?

Дон Гуан

*Давно или недавно, сам не знаю,
Но с той поры лишь только знаю
цену
Мгновенной жизни, только с той
поры
И понял я, что значит слово сча-
стье.*

Дона Анна

*Подите прочь – вы человек опас-
ный.*

Дон Гуан

Опасный! чем?

Дона Анна

Я слушать вас боюсь.

Дон Гуан

Я замолчу; лишь не гоните прочь

*Того, кому ваш вид одна отрада.
Я не питаю дерзостных надежд,
Я ничего не требую, но видеть
Вас должен я, когда уже на жизнь
Я осужден.*

Дона Анна

*Подите – здесь не место
Таким речам, таким безум-
ствам. Завтра
Ко мне придите. Если вы кляне-
тесь
Хранить ко мне такое ж уваже-
нье,
Я вас приму; но вечером, позднее, –
Я никого не вижу с той поры,
Как овдовела...*

Дон Гуан

*Ангел Дона Анна!
Утешь вас Бог, как сами вы сего-
дня
Утешили несчастного страдаль-
ца.*

Дона Анна

Подите ж прочь.

Дон Гуан

Еще одну минуту.

Дона Анна

*Нет, видно, мне уйти... к тому ж
моленье
Мне в ум нейдет. Вы развлекли
меня
Речами светскими; от них уж ухо
Мое давно, давно отвыкло. – Зав-
тра
Я вас приму.*

Дон Гуан

*Еще не смею верить,
Не смею счастью моему предать-
ся...
Я завтра вас увижу! – и не здесь
И не украдкою!*

Дона Анна

*Да, завтра, завтра.
Как вас зовут?*

Дон Гуан

Диего де Кальвадо.

Дона Анна

Прощайте, дон Диего.

(Уходит.)

Дон Гуан

Лепорелло!

Лепорелло входит.

Лепорелло

Что вам угодно?

Дон Гуан

Милый Лепорелло!

*Я счастлив!.. «Завтра – вечером,
позднее...»*

*Мой Лепорелло, завтра – пригото-
товь...*

Я счастлив, как ребенок!

Лепорелло

С Доной Анной

*Вы говорили? может быть, она
Сказала вам два ласкового слова
Или ее благословили вы.*

Дон Гуан

*Нет, Лепорелло, нет! она свиданье,
Свиданье мне назначила!*

Лепорелло

*Неужто!
О вдовы, все вы таковы.*

Дон Гуан

*Я счастлив!
Я петь готов, я рад весь мир обнять.*

Лепорелло

А командор? что скажет он об этом?

Дон Гуан

*Ты думаешь, он станет ревновать?
Уж верно нет; он человек разумный
И, верно, присмирел с тех пор, как умер.*

Лепорелло

Нет; посмотрите на его статую.

Дон Гуан

Что ж?

Лепорелло

*Кажется, на вас она глядит
И сердится.*

Дон Гуан

*Ступай же, Лепорелло,
Проси ее пожаловать ко мне –
Нет, не ко мне – а к Доне Анне,
завтра.*

Лепорелло

Статую в гости звать! зачем?

Дон Гуан

*Уж верно
Не для того, чтоб с нею гово-
рить –
Проси статую завтра к Доне Ан-
не
Прийти попозже вечером и стать
У двери на часах.*

Лепорелло

Охота вам

Шутить, и с кем!

Дон Гуан

Ступай же.

Лепорелло

Но...

Дон Гуан

Ступай.

Лепорелло

*Преславная, прекрасная статуя!
Мой барин Дон Гуан покорно про-
сит
Пожаловать... Ей-богу, не могу,
Мне страшно.*

Дон Гуан

Трус! вот я тебя!..

Лепорелло

*Позвольте.
Мой барин Дон Гуан вас просит
завтра
Прийти попозже в дом супруги ва-
шей
И стать у двери...*

Статуя кивает головой в знак согласия.

Ай!

Дон Гуан

Что там?

Лепорелло

Ай, ай!..

Ай, ай... Умру!

Дон Гуан

Что случилось с тобою?

Лепорелло (кивая головой)

Статуя... ай!..

Дон Гуан

Ты кланяешься!

Лепорелло

Нет,

Не я, она!

Дон Гуан

Какой ты вздор несешь!

Лепорелло

Подите сами.

Дон Гуан

*Ну смотри ж, бездельник.
(Статуе.) Я, командор, прошу тебя
прийти
К твоей вдове, где завтра буду я,
И стать на стороже в дверях.
Что?
будешь?*

Статуя кивает опять.

О боже!

Лепорелло

Что? я говорил...

Дон Гуан

Уйдем.

Сцена IV

Комната Доны Анны.

Дон Гуан и Дона Анна.

Дона Анна

*Я приняла вас, Дон Диего; только
Боюсь, моя печальная беседа*

*Скучна вам будет: бедная вдова,
Все помню я свою потерю. Слезы
С улыбкою мешаю, как апрель.
Что ж вы молчите?*

Дон Гуан

*Наслаждаюсь молча,
Глубоко мыслью быть наедине
С прелестной Доной Анной.
Здесь – не там,
Не при гробнице мертвого счаст-
ливца –
И вижу вас уже не на коленях
Пред мраморным супругом.*

Дона Анна

*Дон Диего,
Так вы ревнивы. – Муж мой и во
гробе
Вас мучит?*

Дон Гуан

*Я не должен ревновать.
Он вами выбран был.*

Дона Анна

*Нет, мать моя
Велела мне дать руку Дон Альва-*

*ру,
Мы были бедны, Дон Альвар бо-
гат.*

Дон Гуан

*Счастливец! он сокровища пустые
Принес к ногам богини, вот за
что
Вкусил он райское блаженство!
Если б
Я прежде вас узнал, с каким вос-
торгом
Мой сан, мои богатства, всё бы
отдал,
Всё за единый благосклонный
взгляд;
Я был бы раб священной вашей во-
ли,
Все ваши прихоти я б изучал,
Чтоб их предупредить; чтоб ва-
ша
жизнь
Была одним волшебством беспре-
рывным.
Увы! – Судьба судила мне иное.*

Дона Анна

Диего, перестаньте: я грешу,

Вас слушая, – мне вас любить
нельзя,
Вдова должна и гробу быть верна.
Когда бы знали вы, как Дон Альвар
Меня любил! О, Дон Альвар уж
верно
Не принял бы к себе влюбленной
дамы,
Когда б он овдовел. – Он был бы ве-
рен
Супружеской любви.

Дон Гуан

Не мучьте сердца
Мне, Дона Анна, вечным помина-
нием
Супруга. Полно вам меня каз-
нить,
Хоть казнь я заслужил, быть мо-
жет.

Дона Анна

Чем же?
Вы узами не связаны святыми
Ни с кем. – Не правда ль? Полюбив
меня,
Вы предо мной и перед небом пра-
вы.

Дон Гуан

Пред вами! Боже!

Дона Анна

*Разве вы виновны
Передо мной? Скажите, в чем же.*

Дон Гуан

*Нет!
Нет, никогда.*

Дона Анна

*Диего, что такое?
Вы предо мной не правы? в чем,
скажите.*

Дон Гуан

Нет! ни за что!

Дона Анна

*Диего, это странно:
Я вас прошу, я требую.*

Дон Гуан

Нет, нет.

Дона Анна

*А! Так-то вы моей послушны воле!
А что сейчас вы говорили мне?
Что вы б рабом моим желали
быть.
Я рассержусь, Диего: отвечайте,
В чем предо мной виновны вы?*

Дон Гуан

*Не смею.
Вы ненавидеть станете меня.*

Дона Анна

*Нет, нет. Я вас заранее прощаю,
Но знать желаю...*

Дон Гуан

*Не желайте знать
Ужасную, убийственную тайну.*

Дона Анна

*Ужасную! вы мучите меня.
Я страх как любопытна – что та-
кое?
И как меня могли вы оскорбить?
Я вас не знала – у меня врагов
И нет и не было. Убийца мужа
Один и есть.*

Дон Гуан (про себя)

*Идет к развязке дело!
Скажите мне, несчастный Дон
Гуан
Вам незнаком?*

Дона Анна

*Нет, отроду его
Я не видала.*

Дон Гуан

*Вы в душе к нему
Питаете вражду?*

Дона Анна

*По долгу чести.
Но вы отвлечь стараетесь меня
От моего вопроса, Дон Диего –
Я требую...*

Дон Гуан

*Что, если б Дон Гуана
Вы встретили?*

Дона Анна

*Тогда бы я злодею
Кинжал вонзила в сердце.*

Дон Гуан

*Дона Анна,
Где твой кинжал? вот грудь моя.*

Дона Анна

*Диего!
Что вы?*

Дон Гуан

Я не Диего, я Гуан.

Дона Анна

*О боже! нет, не может быть, не
верю.*

Дон Гуан

Я Дон Гуан.

Дона Анна

Неправда.

Дон Гуан

*Я убил
Супруга твоего; и не жалею
О том – и нет раскаянья во мне.*

Дона Анна

Что слышу я? Нет, нет, не может быть.

Дон Гуан

Я Дон Гуан, и я тебя люблю.

Дона Анна (падая)

Где я?.. где я? мне дурно, дурно.

Дон Гуан

Небо!

Что с нею? что с тобою, Дона Анна?

Встань, встань, проснись, опомнись: твой

Диего,

Твой раб у ног твоих.

Дона Анна

Оставь меня!

(Слабо.)

*О, ты мне враг – ты отнял у меня
Все, что я в жизни...*

Дон Гуан

Милое созданье!

*Я всем готов удар мой искупить,
У ног твоих жду только приказа-
нья,
Вели – умру; вели – дышать я буду
Лишь для тебя...*

Дона Анна

Так это Дон Гуан...

Дон Гуан

*Не правда ли, он был описан вам
Злодеем, извергом. – О Дона Ан-
на, –
Молва, быть может, не совсем
неправа,
На совести усталой много зла,
Быть может, тяготеет. Так, раз-
врата
Я долго был покорный ученик,
Но с той поры, как вас увидел я,
Мне кажется, я весь переродился.
Вас любя, люблю я добродетель
И в первый раз смиренно перед ней
Дрожащие колена преклоняю.*

Дона Анна

*О, Дон Гуан красноречив – я знаю,
Слыхала я; он хитрый искус-*

тель.
Вы, говорят, безбожный развратитель.
Вы сущий демон. Сколько бедных женщин
Вы погубили?

Дон Гуан

Ни одной доньине
Из них я не любил.

Дона Анна

И я поверю,
Чтоб Дон Гуан влюбился в первый
раз,
Чтоб не искал во мне он жертвы
новой!

Дон Гуан

Когда б я вас обманывать хотел,
Признался ль я, сказал ли я то
имя,
Которого не можете вы слы-
шать?
Где ж видно тут обдуманность,
коварство?

Дона Анна

*Кто знает вас? – Но как могли
прийти
Сюда вы; здесь узнать могли бы
вас,
И ваша смерть была бы неизбежна.*

Дон Гуан

*Что значит смерть? за сладкий
миг свиданья
Безропотно отдам я жизнь.*

Дона Анна

*Но как же
Отсюда выйти вам, неосторожный!*

Дон Гуан (целуя ей руки)

*И вы о жизни бедного Гуана
Заботитесь! Так ненависти нет
В душе твоей небесной, Дона Анна?*

Дона Анна

*Ах если б вас могла я ненавидеть!
Однако ж надобно расстаться
нам.*

Дон Гуан

Когда ж опять увидимся?

Дона Анна

*Не знаю.
Когда-нибудь.*

Дон Гуан

А завтра?

Дона Анна

Где же?

Дон Гуан

Здесь.

Дона Анна

О Дон Гуан, как сердцем я слаба.

Дон Гуан

В залог прощенья мирный поцелуй...

Дона Анна

Пора, поди.

Дон Гуан

Один, холодный, мирный...

Дона Анна

*Какой ты неотвязчивый! на, вот он.
Что там за стук?.. о скройся, Дон Гуан.*

Дон Гуан

Прощай же, до свиданья, друг мой милый.

(Уходит и вбегает опять.)

А!..

Дона Анна

Что с тобой? А!..

*Входит статуя командора.
Дона Анна падает.*

Статуя

Я на зов явился.

Дон Гуан

О боже! Дона Анна!

Статуя

*Брось ее,
Все кончено. Дрожишь ты, Дон Гу-
ан.*

Дон Гуан

*Я? нет. Я звал тебя и рад, что ви-
жу.*

Статуя

Дай руку.

Дон Гуан

*Вот она... о, тяжело
Пожатье каменной его десницы!
Оставь меня,пусти –пусти мне
руку...
Я гибну – кончено – о Дона Анна!*

Проваливаются.

1830

Пир во время чумы

(Из вильсоновой трагедии the city of the plague[57])

Улица. Накрытый стол.

Несколько пирующих мужчин и женщин.

Молодой человек

*Почтенный председатель! я на-
помню
О человеке, очень нам знакомом,
О том, чьи шутки, повести смеш-
ные,
Ответы острые и замечанья,
Столь едкие в их важности забав-
ной,
Застольную беседу оживляли
И разгоняли мрак, который ныне
Зараза, гостья наша, насылает
На самые блестящие умы.
Тому два дня наш общий хохот
славил
Его рассказы; невозможно быть,
Чтоб мы в своем веселом пирова-
нье*

*Забыли Джексона! Его здесь крес-
ла
Стоят пустые, будто ожидая
Весельчака – но он ушел уже
В холодные подземные жилища...
Хотя красноречивейший язык
Не умолкал еще во прахе гроба;
Но много нас еще живых, и нам
Причины нет печалиться. Итак,
Я предлагаю выпить в его память
С веселым звоном рюмок,
с восклицаньем.
Как будто б был он жив.*

Председатель

*Он выбыл первый
Из круга нашего. Пускай в молча-
нье
Мы выпьем в честь его.*

Молодой человек

Да будет так!

Все пьют молча.

Председатель

*Твой голос, милая, выводит звуки
Родимых песен с диким совершен-*

ством;
Спой, Мери, нам уныло и протяжно,
Чтоб мы потом к веселью обратились
Безумнее, как тот, кто от земли
Был отлучен каким-нибудь виде-
ньем.

Мери (поет)

Было время, процветала
В мире наша сторона:
В воскресенье бывала
Церковь Божия полна;
Наших деток в шумной школе
Раздавались голоса,
И сверкали в светлом поле
Серп и быстрая коса.

Ныне церковь опустела;
Школа глухо заперта;
Нива праздно перезрела;
Роща темная пуста;
И селенье, как жилище
Погорелое, стоит, –
Тихо все. Одно кладбище
Не пустеет, не молчит.
Поминутно мертвых носят,

*И стенания живых
Боязливо Бога просят
Упокоить души их!
Поминутно места надо,
И могилы меж собой,
Как испуганное стадо,
Жмутся тесной чередой!*

*Если ранняя могила
Суждена моей весне –
Ты, кого я так любила,
Чья любовь отрада мне,
Я молю: не приближайся
К телу Дженни ты своей,
Уст умерших не касайся,
Следуй издали за ней.*

*И потом оставь селенье!
Уходи куда-нибудь,
Где б ты мог души мученье
Усладить и отдохнуть.
И когда зараза минет,
Посети мой бедный прах;
А Эдмонда не покинет
Дженни даже в небесах!*

Председатель

Благодарим, задумчивая Мери,

Благодарим за жалобную песню!
В дни прежние чума такая ж,
видно,
Холмы и доли ваши посетила,
И раздавались жалкие стенанья
По берегам потоков и ручьев,
Бегущих ныне весело и мирно
Сквозь дикий рай твоей земли
родной;
И мрачный год, в который пало
столько
Отважных, добрых и прекрасных
жертв,
Едва оставил память о себе
В какой-нибудь простой пасту-
шьей
песне,
Унылой и приятной... Нет, ничто
Так не печалит нас среди веселий,
Как томный сердцем повторен-
ный звук!

Мери

О, если б никогда я не певала
Вне хижины родителей моих!
Они свою любили слушать Мери;
Самой себе я, кажется, внимаю,
Поющей у родимого порога.

Мой голос слаще был в то время:
он
Был голосом невинности...

Луиза

Не в моде
Теперь такие песни! Но все ж есть
Еще простые души: рады таять
От женских слез и слепо верят
им.
Она уверена, что взор слезливый
Ее неотразим – а если б то же
О смехе думала своем, то, верно,
Все б улыбалась. Вальсингам хва-
лил
Крикливых северных красавиц:
вот
Она и расстоналась. Ненавижу
Волос шотландских этих жел-
тизну.

Председатель

Послушайте: я слышу стук колес!

Едет телега, наполненная мертвыми тела-
ми.

Негр управляет ею.

Ага! Луизе дурно; в ней, я думал,

*По языку судя, мужское сердце.
Но так-то – нежного слабей же-
стокий,
И страх живет в душе,
страстьми томимой!
Брось, Мери, ей воды в лицо. Ей
лучше.*

Мери

*Сестра моей печали и позора,
Приляг на грудь мою.*

Луиза (приходя в чувство)

*Ужасный демон
Приснился мне: весь черный, бело-
глазый...
Он звал меня в свою тележку. В
ней
Лежали мертвые – и лепетали
Ужасную, неведомую речь...
Скажите мне: во сне ли это бы-
ло?
Проехала ль телега?*

Молодой человек

*Ну, Луиза,
Развеселись – хоть улица вся наша
Безмолвное убежище от смерти,*

Приют пиров, ничем невозмутимых,
Но знаешь, эта черная телега
Имеет право всюду разъезжать.
Мы пропускать ее должны! Послушай,
Ты, Вальсингам: для пресечения
споров
И следствий женских обмороков
спой
Нам песню, вольную, живую песню,
Не грустию шотландской вдохновенну,
А буйную, вакхическую песнь,
Рожденную за чашею кипящей.

Председатель

Такой не знаю, но спою вам гимн
Я в честь чумы, – я написал его
Прошедшей ночью, как расстались мы.
Мне странная нашла охота к
рифмам
Впервые в жизни! Слушайте ж меня:
Охрипый голос мой приличен
песне.

Многие

*Гимн в честь чумы! послушаем
его!*

*Гимн в честь чумы! прекрасно!
bravo! bravo!*

Председатель (поет)

*Когда могущая Зима,
Как бодрый вождь, ведет сама
На нас косматые дружины
Своих морозов и снегов, –
Навстречу ей трещат каминьы,
И весел зимний жар пиров.*

* * *

*Царица грозная, Чума
Теперь идет на нас сама
И льстится жатвою богатой;
И к нам в окошко день и ночь
Стучит могильною лопатой...
Что делать нам? и чем помочь?*

* * *

*Как от проказницы Зимы,
Запремся также от Чумы!
Зажжем огни, нальем бокалы,
Утопим весело умы*

*И, заварив пиры да балы,
Восславим царствие Чумы.*

* * *

*Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю,
И в разъяренном океане,
Средь грозных волн и бурной
тьмы,
И в аравийском урагане,
И в дуновении Чумы.*

* * *

*Все, все, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья –
Бессмертья, может быть, залог!
И счастлив тот, кто средь волне-
нья
Их обрести и ведать мог.*

* * *

*Итак, – хвала тебе, Чума,
Нам не страшна могилы тьма,
Нас не смутит твое призванье!
Бокалы пеним дружно мы
И девы-розы пьем дыханье, –
Быть может... полное Чумы!*

Входит старый священник.

Священник

Безбожный пир, безбожные безумцы!

Вы пиршеством и песнями разврата

*Ругаетесь над мрачной тишиной,
Повсюду смертью распространённой!*

*Средь ужаса плачевных похорон,
Средь бледных лиц молюсь я
на кладбище,*

*А ваши ненавистные восторги
Смущают тишину гробов – и землю*

Над мертвыми телами потрясают!

*Когда бы стариков и жен моленья
Не освятили общей, смертной
ямы, –*

*Подумать мог бы я, что нынче
бесы*

Погибший дух безбожника терзают

*И в тьму крошечную тащат со
смехом.*

Несколько голосов

*Он мастерски об аде говорит!
Ступай, старик! ступай своей до-
рогой!*

Священник

*Я заклинаю вас святою кровью
Спасителя, распятого за нас:
Прервите пир чудовищный, когда
Желаете вы встретить в небесах
Утраченных возлюбленные души.
Ступайте по своим домам!*

Председатель

*Домá
У нас печальны – юность любит
радость.*

Священник

*Ты ль это, Вальсингам? ты ль са-
мый тот,
Кто три тому недели, на коле-
нях,
Труп матери, рыдая, обнимал
И с воплем бился над ее могилой?
Иль думаешь, она теперь не пла-
чет,*

Не плачет горько в самых небесах,
Взирая на пирующего сына,
В пиру разврата, слыша голос твой,
Поющий бешеные песни, между
Мольбы святой и тяжких воздыханий?
Ступай за мной!

Председатель

Зачем приходишь ты
Меня тревожить? Не могу, не должен
Я за тобой идти: я здесь удержан
Отчаяньем, воспоминаньем
страшным,
Сознаньем беззаконья моего,
И ужасом той мертвой пустоты,
Которую в моем доме встречаю –
И новостью сих бешеных веселий,
И благодатным ядом этой чаши,
И ласками (прости меня, Господь)
Погибшего, но милого созданья...
Тень матери не вызовет меня
Отселе, – поздно, слышу голос
твой,
Меня зовущий, – признаю усилья

Меня спасти... старик, иди же с миром;
Но проклят будь, кто за тобой пойдет!

Многие

Bravo, bravo! достойный председатель!
Вот проповедь тебе! пошел! пошел!

Священник

Матильды чистый дух тебя зовет!

Председатель (встает)

Клянись же мне, с поднятой к небесам
Увядшей, бледною рукой – оставить
В гробу навек умолкнувшее имя!
О, если б от очей ее бессмертных
Скрыть это зрелище! Меня когда-то
Она считала чистым, гордым, вольным –
И знала рай в объятиях моих...
Где я? Святое чадо света! вижу

*Тебя я там, куда мой падший дух
Не достигнет уже...*

Женский голос

*Он сумасшедший, –
Он бредит о жене похороненной!*

Священник

Пойдем, пойдем...

Председатель

*Отец мой, ради бога,
Оставь меня!*

Священник

*Спаси тебя Господь!
Прости, мой сын.*

Уходит. Пир продолжается.

Председатель остается, погруженный в
глубокую задумчивость.

1830

Сноски

Древо яда.

[^^^]

Прочь, непосвященные (*лат.*).

[^^^]

3

Я воздвиг памятник (*лат.*).

[^^^]

4

Бешту, или, правильнее, *Бештау*, кавказская гора в 40 верстах от Георгиевска. Известна в нашей истории.

[^^^]

Аул. Так называются деревни кавказских народов.

[^^^]

6

Уздень, начальник или князь.

[^^^]

Шашка, черкесская сабля.

[^^^]

Сакля, хижина.

[^^^]

Кумыс, делается из кобыльего молока; напиток сей в большом употреблении между всеми горскими и кочующими народами Азии. Он довольно приятен вкусу и почитается весьма здоровым.

[^^^]

Счастливым климат Грузии не вознаграждает сию прекрасную страну за все бедствия, вечно ею претерпеваемые. Песни грузинские приятны и по большей части заунывны. Они славят минутные успехи кавказского оружия, смерть наших героев: Бакунина и Цицианова, измены, убийства – иногда любовь и наслаждения.

[^^^]

Державин в превосходной своей оде графу Зубову первый изобразил в следующих строфах дикие картины Кавказа: // О юный вождь, сверша походы, // Прошел ты с воинством Кавказ, // Зрел ужасы, красы природы: // Как с ребр там страшных гор лиясь, // Ревут в мрак бездн сердиты реки; // Как с чел их с грохотом снега // Падут, лежавши целы веки; // Как серпы, вниз склонив рога, // Зрят в мгле спокойно под собою // Рожденье молний и громов. // Ты зрел, как ясною порою // Там солнечны лучи, средь льдов, // Средь вод, играя, отражаясь, // Великолепный кажут вид; // Как, в разноцветных рассеваясь // Там брызгах, тонкий дождь горит; // Как глыба там сизо-янтарна, // Навесясь, смотрит в темный бор; // А там заря златобагряна // Сквозь лес увеселяет взор. // Жуковский, в своем послании к г-ну Воейкову, также посвящает несколько прелестных стихов описанию Кавказа: // Ты зрел, как Терек в быстром беге // Меж виноградников шумел, // Где, часто притаясь на берегу, // Чеченец иль черкес сидел // Под буркой, с гибельным

арканом; // И вдалеке перед тобой, // Одеты голубым туманом, // Гора вздымалась над горой, // И в сонме их гигант седой, // Как туча, Эльборус двуглавый, // Ужасною и величавой // Там все блистает красотой: // Утесов мшистые громады, // Бегущи с ревом водопады // Во мрак пучин с гранитных скал; // Леса, которых сна от века // Ни стук секир, ни человека // Веселый глас не возмущал, // В которых сумрачные сени // Еще луч дневный не проник, // Где изредка одни елени, // Орла услышав грозный крик, // Теснясь в толпу, шумят ветвями, // И козы легкими ногами // Перебегают по скалам. // Там все является очам // Великолепие творенья! // Но там – среди уединенья // Долин, таящихся в горах, – // Гнездятся и балкар, и бах, // И абазех, и камуцинец, // И карбулак, и албазинец, // И чечереец, и шапсук; // Пицаль, кольчуга, сабля, лук // И конь – соратник быстроногий – // Их и сокровища и боги; // Как серны скачут по горам, // Бросают смерть из-за утеса; // Или по топким берегам, // В траве высокой, в чаще леса // Рассыпавшись, добычи ждут; // Скалы свободы их приют. // Но дни в аулах их бредут // На костылях угрюмой

лени: // Там жизнь их – сон; стеснясь в кружок
// И в братский с табаком горшок // Вонзивши
чубуки, как тени // В дыму клубящемся сидят
// И об убийствах говорят, // Иль хвалят мет-
кие пищали, // Из коих деды их стреляли; //
Иль сабли на кремнях острят, // Готовясь на
убийства новы...

[^^^]

Чихирь, красное грузинское вино.

[^^^]

Черкесы, как и все дикие народы, отличаются перед нами гостеприимством. Гость становится для них священной особою. Предать его или не защитить почитается меж ними за величайшее бесчестие. *Кунак* (т. е. приятель, знакомец) отвечает жизнью за вашу безопасность, и с ним вы можете углубиться в самую средину кабардинских гор.

[^^^]

Байран, или *байрам*, праздник разговенья. *Рамазан*, мусульманский пост.

[^^^]

Мстислав, сын св. Владимира, прозванный *Удалым*, удельный князь Тмутаракана (остров Тамань). Он воевал с косогами (по всей вероятности, нынешними черкесами) и в единоборстве одолел князя их Редедю. См. *«Ист. Гос. Росс.»*. Том II.

[^^^]

Мощь и слава войны, Как и люди, их суетные
поклонники, Перешли на сторону торжествующего
царя. *Байрон (англ.)*.

[^^^]

Василий Леонтьевич Кочубей, генеральный судья, один из предков нынешних графов.

[^^^]

Хутор – загородный дом.

[^^^]

У Кочубея было несколько дочерей; одна из них была замужем за Обидовским, племянником Мазепы. Та, о которой здесь упоминается, называлась Матреной.

[^^^]

Мазепа в самом деле сватал свою крестницу, но ему отказали.

[^^^]

Бунчук и булава – знаки гетманского достоинства.

[^^^]

Смотр. *Мазену* Байрона.

[^^^]

Дорошенко, один из героев древней Малороссии, непримиримый враг русского владычества.

[^^^]

Григорий Самойлович, сын гетмана, сосланного в Сибирь в начале царствования Петра I.

[^^^]

Костя Гордеенко, кошевой атаман запорожских казаков. Впоследствии передался Карлу XII. Взят в плен и казнен в 1708 г.

[^^^]

Мазепа в одном письме упрекает Кочубея в том, что им управляет жена его, *гордая и высокоумная*.

[^^^]

Езуит Заленский, княгиня Дульская и какой-то болгарский архиепископ, изгнанный из своего отечества, были главными агентами Мазепиной измены. Последний в виде нищего ходил из Польши в Украину и обратно.

[^^^]

Так назывались манифесты гетманов.

[^^^]

Филипп Орлик, генеральный писарь, наперсник Мазепы, после смерти (в 1710) сего последнего получил от Карла XII пустой титул малороссийского гетмана. Впоследствии принял магометанскую веру и умер в Бендерах около 1736 года.

[^^^]

Булавин, донской казак, бунтовавший около того времени.

[^^^]

Тайный секретарь Шафиров и гр. Головкин, друзья и покровители Мазепы; на них, по справедливости, должен лежать ужас суда и казни доносителей.

[^^^]

В 1705 году. Смотр. примечания к Истории Малороссии, Бантыша-Каменского.

[^^^]

Во время неудачного похода в Крым Казы-Гирей предлагал ему соединиться с ним и вместе напасть на русское войско.

[^^^]

В своих письмах он жаловался, что доносителей пытали слишком легко, неотступно требовал их казни, сравнивал себя с Сусанною, неповинно оклеветанною незаконными старцами, а графа Головкина с пророком Даниилом.

[^^^]

Деревня Кочубея.

[^^^]

Уже осужденный на смерть, Кочубей был пытан в войске гетмана. По ответам несчастного видно, что его допрашивали о сокровищах, им утаенных.

[^^^]

Войско, состоявшее на собственном иждивении гетманов.

[^^^]

Сильные меры, принятые Петром с обыкновенной его быстротой и энергией, удержали Украину в повиновении. «1708 ноября 7-го числа, по указу государеву, казаки по обычаю своему вольными голосами выбрали в гетманы полковника стародубского Ивана Скоропадского. 8-го числа приехали в Глухов киевский, черниговский и переяславский архиепископы. А 9-го дня предали клятве Мазепу оные архиереи публично; того же дня и персону (куклу) одного изменника Мазепы вынесли и, сняв кавалерию (которая на ту персону была надета с бантом), оную персону бросили в палачевские руки, которую палач, взяв и прицепя за веревку, тащил по улице и по площади даже до виселицы, и потом повесили. В Глухове же 10-го дня казнили Чечеля и прочих изменников...» (Журнал Петра Великого).

[^^^]

Малороссийское слово. По-русски – палач.

[^^^]

Чечель отчаянно защищал Батурин против войск князя Меншикова.

[^^^]

В Дрезден к королю Августу. См.: Voltaire.
Histoire de Charles XII.

[^^^]

– Ах, ваше величество! бомба!.. – «Что есть общего между бомбою и письмом, которое тебе диктуют? пиши». Это случилось гораздо после.

[^^^]

Ночью Карл, сам осматривая наш лагерь, наехал на казаков, сидевших у огня. Он поскакал прямо к ним и одного из них застрелил из собственных рук. Казаки дали по нем три выстрела и жестоко ранили его в ногу.

[^^^]

Благодаря прекрасным распоряжениям и действиям князя Меншикова, участь главного сражения была решена заранее. Дело не продолжалось и двух часов. Ибо (сказано в Журнале Петра Великого) непобедимые господа шведы скоро хребет свой показали, и от наших войск вся неприятельская армия весьма опрокинута. Петр впоследствии времени многое прощал Данилычу за услуги, оказанные в сей день генералом князем Меншиковым.

[^^^]

L'Empereur Moscovite, pénètre d'une joie qu'il ne se mettait pas en peine de dissimuler, (было о чем и радоваться), recevait sur le champ de bataille les prisonniers qu'on lui amenait en foule et demandait à tout moment: où est donc mon frère Charles?..... Alors prenant un verre de vin: A la santé, dit-il, de mes maîtres dans l'art de la guerre! – Renschild lui demanda: qui étaient ceux qu'il honorait d'un si beau titre. – Vous, Messieurs les généraux Suèdois, reprit le Czar. – Votre Majesté est donc bien ingrate, reprit le Comte, d'avoir tant mailtraité ses maîtres.

[^^^]

Обезглавленные тела Искры и Кочубея были отданы родственникам и похоронены в Киевской лавре; над их гробом высечена следующая надпись: // «Кто еси мимо грядый о насъ невѣдущій, // Елицы здѣ естесмо положены суци, // Понеже намъ страсть и смерть повѣлѣлѣ молчати, // Сей камень возопіеть о насъ ти вѣцати, // И за правду и вѣрность къ Монарсѣ нашу // Страданія и смерти испіймо чашу, // Злуданьемъ Мазепы, всевѣчно правы, // Посѣченны zostавше топоромъ во главы; // Почиваемъ въ семь мѣстѣ Матери Владычнѣ, // Подающія всѣмъ своимъ работъ животъ вѣчный. // Року 1708, мѣсяца іюля 15 дня, посѣчены средь Обозу войсковаго, за Бѣлою Церковію на Борцаговцѣ и Ковшевомъ, благородный Василій Кочубей, судія генеральный; Іоаннъ Искра, полковникъ полтавскій. Привезены же тѣла ихъ іюля 17 въ Кіевъ и того жъ дня въ обители святой Печерской на семь мѣстѣ погребены».

Альгаротти где-то сказал: «Petersbourg est la fenetre par laquelle la Russie regarde en Europe»

[^^^]

Смотри стихи кн. Вяземского к графине З.

[^^^]

Мицкевич прекрасными стихами описал день, предшествовавший петербургскому наводнению, в одном из лучших своих стихотворений – Oleszkiewicz. Жаль только, что описание его не точно. Снегу не было – Нева не была покрыта льдом. Наше описание вернее, хотя в нем и нет ярких красок польского поэта.

[^^^]

Граф Милорадович и генерал-адъютант Бенкендорф.

[^^^]

Смотри описание памятника в Мицкевиче. Оно заимствовано из Рубана – как замечает сам Мицкевич.

[^^^]

Скупой рыцарь (*англ.*).

[^^^]

АМИНЬ! (*лат.*)

[^^^]

в сторону *(франц.)*.

[^^^]

О ВЫ, КОМУ ИЗВЕСТНО (*итал.*).

[^^^]

Лепорелло. О любезнейшая статуя великого командора!.. Ах, хозяин!.. *Дон-Жуан (итал.)*.

[^^^]

Чумный город (*англ.*).

[^^^]